

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Бабур АЛИМОВ
Абдулла АЗАМОВ
Баходыр АХМЕДОВ
Анатолий БАУЭР
Михаил ГАР
Ольга ГРИГОРЬЕВА
Хуршид ДОСТМУХАММАД
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИПЬИН
Шухрат СИРОЖИДДИНОВ
Насреддин МУХАММАДИЕВ
Абдухаким ФАЗИЛОВ

Главный редактор
Улугбек ХАМДАМ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

И.о. ответственного секретаря
Саъдулло КУРОНОВ

Редактор
Светлана ЩЕГЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

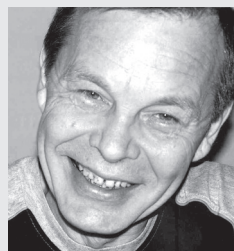
проза

Александр КОЛМОГОРОВ

ЛИСТЬЯ ТУТОВОГО ДЕРЕВА

(Рассказ)

И все мы – набережные, прибрежные люди, соседи – рас-
творились в нашем огромном Ташкенте. А потом сквозняком
по судьбам рванул ветер перемен. Кое-кого из нас погнал он
по всему миру, как листву с веток тутового дерева.

НОВЫЕ ИМЕНА

Елена ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН

ГАЗЕЛЛА О ДУШЕ

Душа томится, ночи ждет, взывает к свету,
Когда темница-плоть заснет – взывает к свету.

И покорится мир греха великой тайне,
Из речки в реку лунный плот – взывает к свету.

На берегу уснувших тел гуляют души,
И тихий странный хоровод взывает к свету.

проза

Марина БЕГЛОВА

ХОТЕТЬ НЕ ВРЕДНО

(Рассказ)

Договориться с собственной совестью не составило труда.
Она его и успокоила: не заморачивайся, государство о нем по-
заботится лучше тебя, ведь ты даже о себе не можешь толком
позаботиться, не то, что о других. Так что валяй, со спокойным
сердцем езжай-ка ты в свой Ташкент и больше ни о чем не
думай.

ПОЭЗИЯ

Вика ОСАДЧЕНКО

ВРЕМЯ ОТСЧИТЫВАТЬ ОСЕНЬ

Сеется сердце сквозь трещины мелкой солью.
Солнечный луч на воздухе нарисован.
Время отсчитывать осень – не с первого, а с нуля.
Что остается, когда опадают листья?
Только пустые руки в небрежной разметке линий.
Только земля под ногами. И вся – целиком – Земля.

философия искусства

Виктор АПУХТИН

МОНОЛОГ ИЛЛЮСТРАТОРА

Иллюстратор – это и декоратор, и реставратор, и интерпретатор, а в целом – это переводчик. Переводчик с одного языка на другой. С языка слова на язык изображения. Для чего это нужно? Для того, чтобы раскрыть как можно больше граней мира, нас окружающего, и мира внутри нас. Или, проще сказать, приблизить нас к Истине.

переводы

Гузаль БЕГИМ

ЖЕМЧУЖНЫЙ ШЕПОТ

(Стихотворения в прозе)

Сердце мое – обитель луны, обитель свободы я изнутри украшаю виденьями духа. Воспоминанья мои оживают в портрете девушки, что склонилась над собственным сердцем. Как в ее мысли проникнуть, как разглядеть, что отражается в блеске лучей на ресницах? Я бы хотела навеки остаться во взгляде той, что склонилась над алым трепещущим сердцем...

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр Рудаков. Семейные и общественные традиции Средней Азии в контексте культурного диалога между Россией и Узбекистаном 7

ПОЭЗИЯ

Александр Файнбергу посвящается... (А. Арипов, М. Гар, Б. Ахмедов, В. Осадченко, Г. Докса) 9
Андрей Слоним. Летят заветные моменты через года 63
Вика Осадченко. Время отсчитывать осень 57
Людмила Бакирова. Пока душа летает птицей 41

ПРОЗА

Ариада Васильева. Время осенних птиц. (Роман) 16
Александр Колмогоров. Листья тутового дерева. (Рассказ) 59
Марина Беглова. Хотеть не вредно. (Рассказ) 45
Илона Ильслова. Интервью с отцом. (Памяти Явдата Ильслова) 67

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Анатолий Кондратенко. Встреча. (Рассказ) 112

ПЕРЕВОДЫ

Хуршид Достмухаммад. Кичкирик. (Рассказ, пер. С. Камиловой) 80
Собир Унар. Арбуз. (Рассказ, пер. З. Хасановой) 87
Саломат Вафо. Устюрт. (Рассказ, пер. А. Фазилова) 93
Гузаль Бегим. Жемчужный шепот. (Стихотворения в прозе, пер. Е. Фельдман) 106

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Виктор Апухтин. Монолог иллюстратора 109

КАРАВАН ИСТОРИИ

Альбина Маркевич. Глупое сердце, не бейся! (Музейная предыстория) 74

НОВЫЕ ИМЕНА

Елена Шуваева-Петросян. Взывая к свету. (Лирика) 117
Владимир Шлосберг. Батраки. (Рассказ) 119
Зинаида Требухина. Жанровое своеобразие романа В. Баграмова «Ной» 121

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Нарзулла Шодиёв, Шоира Ахмедова. Штрихи к научной и творческой биографии Наима Каримова ... 126
Елена Каминская. Жизнь коротка, дороги бесконечны (к 100-летию со дня рождения С. Бородина) 135
Каххар Юлчиев. Жанровые схождения (на примере трехстиший и сиджо) 137
Хуршида Маматова. К 80-летию со дня рождения Гайбуллы Саямова 143

На 2-ой странице обложки иллюстрации Виктора Апухтина к роману «Евгений Онегин» А.С. Пушкина.

Звезда Востока

2012 № 4

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
 Узбекским агентством печати и
 информации
 Рег. 0296

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
 д.16 А (5 этаж).
 Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru
 www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Ақбарали Мамасолиев

Подписано в печать 10.03.2012.

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 12,60. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 500 экз. Заказ 283-12

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ИПТД «Укитувчи»

г. Ташкент, ул. Навои, 30.

Редакция журнала уведомляет авторов о том, что к рассмотрению принимаются рукописи, выполненные в компьютерном наборе.

Набор текста в любом формате с приложением дисков и распечаткой.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

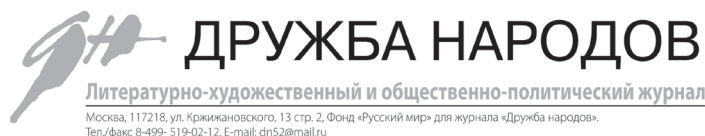
Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока» обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

поздравляем!

Дорогие коллеги!

Примите самые сердечные поздравления по случаю 80-летнего юбилея! Ваш журнал на протяжении этих лет всегда был и остается нужным, близким и понятным многим поколениям благодарных читателей Узбекистана. Уверены, что вы и в дальнейшем будете прочно удерживать высокие позиции в обществе, которые завоевали своим многолетним созидательным трудом, продолжать и развивать лучшие традиции российской словесности, популяризировать творчество писателей Узбекистана и знакомить русскоязычных читателей с их произведениями, укрепляя дружбу братских народов, содействуя расширению культурных и гуманитарных отношений между нашими странами. Желаем сотрудникам журнала новых творческих успехов и благополучия.

**Главный редактор
журнала «Дружба народов»**

Заместитель главного редактора

Эбаноидзе А.А.

Нагимов Ф.С.

**Кафедра русского и зарубежного
литературоведения Национального уни-
верситета Узбекистана им. М. Улугбека.**

Поздравляем журнал «Звезда Востока» со знаменательной датой – 80-летием со дня его основания.

В последнее время журнал стал литературной трибуной, отличающейся мощным интеллектуальным потенциалом и высокой культурой. Отрадно отметить, что журнал охотно предоставляет свои страницы молодым и перспективным авторам, знакомит с новыми именами в русскоязычной литературе, активно публикует переводы из узбекской литературы, тем самым открывая широкие горизонты для отечественной словесности. Интересны рубрики «Караван истории», «Возвращение к читателю», где публикуются исторические, архивные материалы, авторы, чьи имена были несправедливо забыты.

Желаем творческой активности, новых успехов, преданных и взыскательных читателей.

**Кафедра русской и зарубежной
литературы УзГУМЯ.**

Журналу «Звезда Востока» 80 лет, и сегодня он является одним из ведущих печатных органов нашей Республики, на страницах которого отражаются проблемы художественной, научной и философской мысли.

Журнал обеспечивает значительную массу обшезначимой информации историко-литературного и филологического характера. На его страницах профессионально отражаются актуальные вопросы современной филологической науки.

Благодаря журналу «Звезда Востока» прекрасный мир литературы, искусства, культуры становится общенародным достоянием.

С искренними пожеланиями новых творческих успехов, кафедра русской и зарубежной литературы УзГУМЯ.

**Кафедра русской и зарубежной литературы
ТГПУ имени Низами.**

На протяжении многих лет мы являемся постоянными читателями журнала «Звезда Востока». Русская и русскоязычная словесность Узбекистана нашла свое яркое и широкое отражение на страницах этого журнала. Долгие годы сотрудники редакции знакомят многочисленных читателей с художественными произведениями талантливых писателей нашей Республики, серьезными критическими и литературоведческими статьями ведущих специалистов-филологов. Особой заслугой журнала является, на наш взгляд, публикация переводов узбекской литературы, в результате чего русскоязычное население нашей страны имеет возможность познакомиться с самобытным и неповторимым творчеством выдающихся мастеров слова Узбекистана. Работая с молодыми талантами, журнал открывает читательской аудитории новые имена, поддерживая, таким образом, развитие творческого потенциала молодого поколения Узбекистана.

От всей души поздравляем любимый журнал «Звезда Востока» с юбилейной датой и желаем ему дальнейшего процветания.

**Руководитель Представительства Россотрудничества
в Республике Узбекистан, В.В. Кайер.**

Представительство Россотрудничества в Республике Узбекистан сердечно поздравляет литературно-художественный журнал «Звезда Востока» с юбилеем. Желаем и впредь оставаться достойной профессиональной трибуной русской филологии, внося вклад в сохранение культурного наследия, сближение и взаимообогащение культур.

**Председатель Совета по русской литературе
при Союзе писателей Узбекистана, А.П. Устименко.**

Журнал «Звезда Востока» вносит определенный вклад в развитие культурных связей и сохранение русского языка и русской культуры в Узбекистане, однако журнал будет иметь особое значение и свою нишу среди толстых литературно-художественных журналов, обращая больше внимания на переводы современной национальной литературы, это сделает журнал еще более интересным и многогранным, расширит его литературные горизонты. Проблематичным является качество перевода, создание переводческой школы, но в настоящий момент интерес и внимание к решению данной проблемы возросли.

Желаем журналу талантливых авторов и неизменного читательского интереса.

Коллектив редакции журнала «Звезда Востока».

Фото Анны Тышенко.

публицистика

Семейные и общественные традиции Средней Азии в контексте культурного диалога между Россией и Узбекистаном

Всемирный Русский Народный Собор, будучи крупнейшим в России общественным форумом, уделяет серьезное внимание вопросам цивилизационной идентичности нашего общества, возрождению традиционных форм самоорганизации граждан с учетом реалий двадцать первого века. Значимой темой в соборных дискуссиях является проблематика «Солидарного общества», восходящего к традиционным для русского народа идеалам соборности и общинности, основой которого является семья.

Разделяя концепцию множественности цивилизационных миров (культурно-исторических типов), у истоков которой стоял выдающийся русский мыслитель Николай Яковлевич Данилевский, **нельзя не согласиться с теми, кто рассматривает процессы эрозии семьи, идущие в США и странах Западной Европы, как некие неизбежные общемировые тенденции.** На наш взгляд, кризис семьи на Западе порожден культом потребительства и индивидуализма, а вовсе не объективными факторами – например, такими, как научно-технический прогресс или наступление информационной эры.

С другой стороны, **мы стремимся к тому, чтобы внимательно изучать социальный опыт незападных обществ, имеющую многотысячелетнюю историю и богатейшую культуру.** Посетив Узбекистан, где проходит сейчас Год Семьи, мы отмечаем, что узбекское государство, Президент республики, парламентарии прилагают усилия на пути развития самобытных форм гражданской самоорганизации общества в сочетании с продуманной поддержкой института семьи.

Какие из элементов цивилизационного опыта Средней Азии, Узбекистана необходимо осмыслить, а возможно – и творчески перенять в контексте российских реалий? Прежде всего, это обозначенная во многих официальных документах Республики Узбекистан связка **«семья-махалля-образовательное учреждение».**

Махалля в Средней Азии, как известно, является не только территориальной единицей, ее жители, связанные между собой родством, профессией, личным знакомством и объединялись в своеобразную общину. Вот что говорится о махалле в интернет-источниках: *«Каждый имел друг о друге достаточно подробные и достоверные сведения. Именно в махалле возник и существовал в течение многих веков самобытный институт общения людей, прежде всего, соблюдение добрососедских отношений, уважение старших по возрасту, забота о пожилых людях, детях, больных и традиционный способ взаимопомощи, когда вся махалля участвует в организации свадеб, похорон,*

**Александр
РУДАКОВ**

*Заместитель
руководителя
секретариата по
информационным
вопросам
Всемирного
Русского
Народного Собора,
крупнейшего
общественного
форума, имеющего
консультативный
статус при ООН
(г. Москва).*

различных праздников». «Жители помогают друг другу при стихийных бедствиях, производят полив, очистку улиц возле своего дома, заботятся о чистоте и ухоженности водоемов».

Подобный опыт особенно важен в контексте дискуссии о Солидарном обществе, которую ведет сейчас ВРНС.

Большой интерес представляет тот факт, что в Узбекистане махалля является одним из ключевых элементов социального развития, пользующимся поддержкой государства.

В частности, в документах по концепции семейной политики Узбекистана подчеркивается важность повышения статуса института махалли в обществе и повседневной жизни, усиление значения махалли и органов самоуправления граждан в практическом воплощении целей и задач Года семьи, их влияния в поддержке и становлении молодой семьи, предоставлении ей необходимого содействия и помощи.

Сегодня махалля выполняет более тридцати функций социально-экономического характера, которые ранее входили в полномочия местных органов государственной власти. Закон Республики Узбекистан «О выборах председателя (аксакала) схода граждан и его советников» регулирует вопросы выборов в сходы граждан махаллей. Структуры махалли активно занимаются поддержкой семьи, в числе направлений их деятельности – регулирование семейных споров, примирение супругов, поддержка молодых семей.

Махалля по многим параметрам напоминает нашу традиционную соборную общину, вокруг которой выстраивается модель организации солидарного общества, построенного на принципах солидарности, взаимовыручки, взаимопомощи. Опыт Узбекистана по встраиванию традиционных социальных институтов в современные форматы государственного управления заслуживает самой высокой оценки.

Не меньшего внимания заслуживает такое направление семейной политики в Узбекистане, как государственная поддержка **семейного предпринимательства**. Согласно статистике, более трех четвертей всех предприятий мира являются семейными предприятиями, **это одна из основных форм экономической активности в глобальном масштабе.** Законопроект о поддержке семейного предпринимательства внесен в Законодательную палату Узбекистана. Согласно видению узбекских законодателей, в этом виде бизнеса своеобразно проявляются контуры присутствия самой семьи в качестве общественно-социального образования, формируется конструкция взаимоотношений, в которых участвуют и члены семьи, и руководитель семейного бизнеса, и сама семья как единое целое.

Занятие семейным предпринимательством способствует укреплению семьи, уменьшая внутрисемейные конфликты, помогает в решении бытовых проблем.

Важно, что в семейном бизнесе обычно возникает внутреннее распределение обязанностей. Здесь найдется применение и мужскому, и женскому труду, и труду детей, достигших совершеннолетия. Успех семейного бизнеса – в гармонии, когда все помогают друг другу, вместе отстаивают корпоративные интересы.

Семейное предпринимательство сочетает в себе максимальную заинтересованность работника в результатах своего труда и высокую ответственность, использует при его мотивации не только материальные, но и стимулы более высокого порядка – моральные.

Важно, что в законодательстве предусматривается освобождение от налогообложения прибыли, поступившей в распоряжение участников семейного предприятия после уплаты налогов и других обязательных платежей, подключение к объектам коммунальной инфраструктуры, пользование коммунальными услугами (электроэнергия, газ, водоснабжение) по тарифам, предусмотренным для населения.

Очевидно, опыт поддержки семейного бизнеса в Узбекистане должен быть востребован и в России и творчески применен у нас с учетом российской специфики экономических взаимоотношений. Это послужит укреплению семьи не на словах, а на деле.

ПОЭЗИЯ

Александр Аркадьевичу Файнбергу посвящается...

Я уйду, ребята, к тем, кто еще и не родился...

А.А. Файнберг

Этот поэтический венок из стихотворных строк А.А. Файнберга и посвящений ему хочется предварить словами Героя Узбекистана, известного Народного поэта, соратника по писательскому цеху, переводчика А. Арипова, который справедливо отметил, что истинно талантливые люди не принадлежат какому-то народу, они – достояние всего человечества, ибо подобно звездам на небосклоне, сияют всем, отражая самые глубинные человеческие чувства и вечные непреходящие ценности, которые питают Душу. Они способны воплотить эту живую, тонкую, остро реагирующую на все происходящее вокруг, человеческую Душу в точном поэтическом слове.

А. Файнберг – поэтический феномен, символ эпохи, многогранный, глубокий, многоуровневый поэт, достижение и осознание которого еще только предстоит и читателям, и литературоведам, и самим поэтам. Об этом свидетельствовали выступления друзей и поклонников творчества А. Файнберга, собравшихся в Каминном зале ДК ОАОТТЗ в клубе-музее А.А. Ахматовой «Мангалочий дворик» 3 ноября 2012 г.

Голос А. Файнберга из короткометражного фильма «Отражение», читающего поэму «Струна Рубайата», создал эффект присутствия в зале Александра Аркадьевича, в гостях у которого в этот день прочитали свои стихи Б. Ахмедов, В. Осадченко, А. Симонов, О. Бордовский, Г. Багдасарова, выступили актеры Ж. Симонова, И. Парамонова, Ю. Хорохова, композиторы и барды Г. Арефьев, Е. Новокрешенова, Ф. Юнусов.

Поэзия Мастера звучала на многочисленных культурных мероприятиях, проходивших в эти дни в Ташкенте.

2.11.1939 – 14.10.2009

Народный поэт
Узбекистана.

За большой вклад в развитие культурных связей и сохранение русского языка и русской культуры в 2009 году А.А. Файнберг награжден Пушкинской медалью.

Поэтические сборники:

«Велотреки» (1965),
«Этюд» (1967),
«Мгновение» (1969),
«Стихи» (1977),
«Далекие мосты» (1978),
«Печать небосклона» (1982),
«Короткая волна» (1983),
«Невод» (1986),
«Вольные сонеты»
Ташкент: «Еш гвардия»
(1990),
«Не плачь, дорога» (1997),
«Прииск» М. (2000),
«Вольные сонеты»
СПб. (2003),
«Лист» (2008),
Собрание сочинений в
2-х томах (2009).

Александр ФАЙНБЕРГ

* * *

Не пой мне о старинных фонарях,
о Пушкине, о Незнакомке Блока.
Они мне светят далеко-далеко.
Не пой мне о старинных фонарях.

Не пой мне о российских декабрях,
когда метет, когда поземка выюжит.
Куда он смотрит сквозь метель, Бестужев?
Не пой мне о российских декабрях.

Не пой мне о путях перекладных.
Их даже ветер в поле не отыщет.
Любань и Пешки... Молодой Радишев.
Не пой мне о путях перекладных.

Не пой мне о неведомых краях,
когда глаза туманит мне дорога.
О чем угодно... Только, ради бога,
не пой мне о неведомых краях.

Не пой мне о любви, которой нет.
Я не боюсь, что песня все растратит.
Вдруг запоешь, а голоса не хватит,
и в старых фонарях погаснет свет.

Не пой мне о любви, которой нет.

* * *

Колдует ночь. На то и ночь она.
Во мраке, ничего не понимая,
как перед смертью, пьем себя до дна,
друг друга на прощанье обнимая.

Там на земле – сомнения и страх.
А мы с тобою ничего не знаем.
И высоко, как звезды в небесах,
глаза перекликаются с глазами.

В окне сплетенье виноградных лоз.
Как две судьбы, рука ложится в руку.
И кажется невысказанною ложь.
И невозможной кажется разлука.

И снова, целиком себя даря,
в слезах мы задыхаемся от жажды...
Не дай нам бог с тобой при свете дня
в глаза друг другу посмотреть однажды.

Абдулла АРИПОВ

Эски фонус
(А. Файнбергдан)

Куйлама у эски фонусни менга,
Пушкин ё Блок деб чекмагил фиروق,
Уларнинг шуъласи мендан кўп йироқ,
Куйлама у эски фонусни менга.

Куйлама менга Русь қаҳратонини.
Қишнинг замҳарири ер узра оқар.
Бестужев изиллаб қаёнга боқар,
Куйлама менга Русь қаҳратонини.

Менга у йўлларни куйламагин сен,
Шамол ҳам тополмас қорли сарҳадлар.
Навжувон Радишчев, овлоқ бекатлар.
Менга у йўлларни куйламагин сен.

Куйлама у сирли юртлар ҳақида,
Куйлама мафтункор олис гўшани.
Куйлама, куйлама фақат ўшани,
Куйлама у сирли юртлар ҳақида.

Ўзи йўқ севгини куйлама, жоним.
Овозинг, бардошинг етмагай бу дам
Ўчгай у фонуснинг шуълалари ҳам.
Ўзи йўқ севгини куйлама, жоним.

* * *

Ты плачешь, но не обо мне.
ты плачешь о прозрачном дыме,
о той счастливой стороне,
где мы бродили молодыми.

За что ж упреки мне твои?
В них я – не я. В них правды мало.
Ты плачешь о своей любви,
что, раз уйдя, навек пропала.

Я знаю – счастья не вернем.
Я знаю – время к нам жестоко.
Но плакать только о своем –
ведь это очень одиноко.

За это плачется вдвойне.
А я?.. Я стал тебе неведом.
И потому не мне, не мне –
самой себе признайся в этом.

* * *

В степи черно и поздно.
 Костер.
 Котел.
     Отара.
 Цыган
 бредет по звездам
 с цыганкой
     и гитарой.

Цикады. Звезды. Травы.
 Июльской ночи запах.
 Два глаза
     волкодава
 лежат
     на черных лапах.
 Все выше,
 выше,
     выше
 две лунные дороги.
 Так что мы в мире
     ищем?
 Скажи,
 четвероногий.
 Моря меняют сушу.
 Сдвигает ветер дюны.
 А мы –
     все те же души.
 А нам –
     все те же струны.
 В воде
     мерцают камни.
 Об камни
     волны бьются.
 О ком они вздыхают?
 Над кем они смеются?
 Летят ветра по кругу.
 Цари
     царей дурачат.
 А в черном небе
     струны
 целуются и плачут.

* * *

Скажи, зачем, какой звездой,
 куда и на каких парамах
 по топям бытности слепой
 любовь твоя была ведома?
 Ведь ниже твоего следа
 все взлеты моего восторга,
 и ни одна моя беда
 твоей печали не достойна.

Я все бросал к ногам твоим.
 Я говорил, забыв запреты, –
 пускай не вечно я любим,
 но бог ты мой, за что мне это?
 За что мне срез твоих очей,
 твое горение впервые,
 органа глыба на обрыве
 и небо в зареве свечей?

* * *

Благословенна первая любовь.
 Благословенны первые печали.
 Ровесницы,
     вы нас не замечали.
 Страдали мы.
     Какая это боль!

Теперь уж мы не плачем
 понапрасну.
 Иная широта и высота.
 Мы любим женщин, в осени
 прекрасных.
 Страдаем? Да.
     Но эта боль – не та.

К нам с возрастом печаль пришла
 иная.
 Тот валит лес, а тот ведет канал.
 Мы по годам уже не вспоминаем
 ни Алл, ни Свет, ни Валь и ни
 Тамар.

Но все ж,
 когда я думаю о чуде,
 я вижу город,
 серые дома.
 Я вижу, как на белом парашюте
 на переулоч падает зима.

И во дворе,
 где с горок мчатся санки,
 я жду ее.
 Не чью-нибудь.
     Мою.

И с неба снег
 слетает на ушанку.
 Она не любит.
     Я ее люблю.

Далеких лет далекие обиды.
 Навек прощайте,
     детства облака.
 Ровесницы,
 мы вас вблизи любили.
 Любите нас теперь
     издалека.

* * *

Город чинный
и душный –
для души кабала,
не прозрачно воздушны –
тяжелы купола.
Но в печали безмерной
не хмелей от вина.
Призови к себе веру –
и воскреснет она.

Не кляни
этот город.
Пусть он сыплет с высот
безнадежную горечь
обгорелых лесов.
Ты в беде безутешной,
как тоска ни сильна,
лишь оклики надежду –
и вернется она.

Будь готов.
Для наживы
этот город не раз
глянет женщиной лживой,
оберет и предаст.
Но в измене и боли
не ищи, чья вина.
Крест не *ставь* над любовью,
будет вечной она.

Будет,
все еще будет.
Глянь в грядущее – там
люди, новые люди
улыбаются нам.
Пусть чугуны ограды
и свинцова река.
Все здесь будет, как надо.
Жалко, жизнь коротка.

Я УМРУ...

Я умру.
И это сбудется.
Над землею
волны лунные
по-другому заволнуются.
Запоют
другими струнами.
Но не грубого,
не изверга,
не пустого,
не порожного
вспоминай меня
хоть изредка
молодого и хорошего.
А за все,
в чем был виновен я,
в осень,
в золотые сумерки
буду листьями кленовыми
опускаться
к твоей туфельке.
Не слезами, не разлукою,
не обидами,
не бедами.
Буду шорохами,
звуками,
невидимкою неведомым.
Не рябиной горькой,
красною.
Синевою,
переливами.
Чтобы нежно.
Чтобы ласково.
Чтобы ты
была счастливою.
Не по слову,
не по облику.
Вспоминай меня
по облаку.
По звезде.
По волне.
По камням
в глубине...

Баходыр АХМЕДОВ

Александр Аркадьевич Файнберг всегда был и остается для меня примером настоящего, большого Поэта и замечательного мастера. Его стихи органичны и естественны, как дыхание, и в них поразительным образом сочетается пронзительно-шемящая интонация с легкой самоиронией и отстраненностью. Эта интонация всегда подкупает читателя и делает поэзию Файнберга очень доверительной и близкой. От его стихов исходит ощущение редкой цельности и монолитности, когда каждое слово, каждый звук на своем точном месте, и все вместе они рожают музыку, в которой нет ни одной фальшивой ноты.

Эта внутренняя честность и совестливость в полной мере присущи Файнбергу, и практически все его творчество было основано на этой честности, на предельной искренности и умении не прятаться от правды, какой бы жесткой она подчас не была для самого поэта.

Думаю, что это главный урок, который оставил для нас Александр Аркадьевич Файнберг, замечательный поэт, переводчик, сценарист и, конечно же, Человек, «человек во всем».

Памяти Александра Файнберга

Как стремительна поступь событий!
Как пронзительна тема судьбы...
Словно строчки, протянутся нити
От последней до первой любви.

Что молва? Только шелест осенний...
Только горький и тающий дым.
И потерянно мечутся тени
Тех стихов, что ушли вместе с ним.

В них надежда превыше разлуки.
В них все сказано было уже.
И плывут недопетые звуки
К уходящей в бессмертье душе.

К уходящим в молчание строчкам,
К золотому мерцанию лет,
Где приходит последняя точность,
По которой тоскует поэт.

Выступление А.Файнберга в Молодежном театре

Вика ОСАДЧЕНКО

Для меня писать об Александре Аркадьевиче практически невозможно. Не потому, что нечего. Просто привыкла к тому, что всегда было наоборот: это он писал обо всех нас. Для всех книжек, для всех подборок стихов в газетах старались получить его рецензию. Всегда ориентировались на его мнение. Ташкентская литература отсчитывалась от Файнберга. И вот что главное: при этом он никогда не просил ничего для себя. Зато постоянно помогал другим, знакомым и почти незнакомым, иногда так, что они об этом никогда и не узнавали. Просто потому, что это было нужным, было правильным. Мне представляется очень важным напомнить именно об этом.

А. Ф.

Бесцветное небо и тонкие ветки
на сердце, как след отзвучавшей печали.
Сегодня кого-то впервые встречаешь,
а завтра прощаешься с кем-то навеки,

прощаешься с кем-то любимым навеки,
и солнце, как белка, недели врашает.
И дело не в медленном тающем снеге,
и дело не в долгом небесном молчанье,

бессмысленных играх с пустыми речами.

Однажды тебе свистнет весточка сверху:
«Сегодня кого-то навеки встречаешь».

Михаил ГАР

Александр Файнбергу

Звонок

Здравствуй!
 Прости, не позвонил вчера.
 Суета насучная, прочая мишура,
 первый ли, крайний ли день недели,
 девы, забывчивость... Вот и не успели.
 И я не услышал,
     как ты не вздохнул с утра.

Честно сказать: по-прежнему – пьем,
 переливаем в порожнее, думаем о своем,
 беспросветный мат
     примиряем с Олимпом,
 примеряем распухшие головы к нимбам.
 В общем, как понимаешь, живем.

Слава Богу, в Ташкенте тепло.
 Тепло проникает туда,
     куда тебя занесло, –
 в те края, что под нами или над нами,
 куда не дотянуться ни рюмками,
     ни словами;
 где столкнулись кайло и крыло?

Извини за поздний звонок. Звонарь
 тоже, скажу, не молод, и его словарь
 перекрещен рубцами света и тени.
 Ты-то знаешь, как можно,
     не встав на колени,
 чашу испить, как граненый стопарь.

Саша, чаша бездонна, а стакан пуст –
 сколько в него ни лей. Ибо,
     коснувшись уст,
 освобождается сразу и молча
     от горькой влаги.
 Не то – буквы. Столкнувшись
     на жесткой бумаге,
 они начинают кричать,
     продлевать мгновение,
 упрекать век.
 Каждая буква – есть человек,
 счастливый или уставший,
 к чаше припавший.

Я тебе еще позвоню. Как-нибудь. Потом.
 Шевельну осужденным и битым ртом.
 Услышу в ответ хрипоту: «привет!» –
 на оставшийся свет.

Комната

Машинка древняя на письменном столе
 Как будто дремлет. Струйка серебра
 Течет сквозь шторы, в глубине
 Баюкая пылинки октября.

Застыло время, точно метроном, –
 Уставшее от собственных ударов.
 ...На полчаса спустился в гастроном?
 Иль навсегда ушел – от всех базаров?

Еще хранят три вдавленных «бычка»
 Горчайший дым последнего сонета.
 На книжной полке, слева от стола,
 Спасенный бюстик старшего поэта.

Аукнет, кликнет, выдохнет: «Старик,
 Разлуки нет, есть новые свиданья».
 Тихонько всхлипнет верный черновик,
 От долгого уставший ожидания.

* * *

Облака над столицей.
 Холодок октября.
 Ах, увы, повториться
 В этой жизни нельзя,

В этой жизни чудесной, –
 Как ее не кори, –
 С благодатью небесной
 От зари до зари;

Разве что задержаться
 На высокой строке,
 И ни с кем не прощаться,
 Уходя належке.

Будет грустно, конечно, –
 Ведь уходишь – любя –
 Не на миг, а навечно –
 В холодок октября.

Галина ДОКСА

*Памяти А.Ф.***Из рамы вольного сонета**

Из рамы вольного сонета,
смутив кладбищенский покой,
усмешка горькая поэта
глядит бесстрашною строкой.

Впрок не задумана прошальной,
она прошальна, как печаль,
и ямбы с женским окончанием
последний лист срывают вдаль.

Так, обернувшись, уходящий
бросает взгляд через порог,
и тень разлуки предстоящей
уже ложится на висок.

А осень ломит, осень топит
в воронках смерчей листопад,
и как с праши, вполоборота,
летят глаза его, следят,

как жизнь ложится за плечами,
в жестокой прелести устав,
и запечатаны печалью
ее горячие уста...

О, книги позднее листанье,
пока по вьющейся строке
поэт нездешними местами
уходит в вечность налегке...

проза

Ариадна ВАСИЛЬЕВА

Время осенних птиц

Роман*

13

В меру хмельной Николай Валентинович уютно расположился в саду на заветной скамейке Софьи Сергеевны, закинул на спинку голову. Небо – роскошь! Щедро усыпано звездами! Отсюда, как из глубины колодца кажется, будто играют эти далекие миры в прятки с влажной листвой. И захотелось ему вдруг прочувствовать тайну звездного разговора, проникнуть в смысл его и понять, наконец, для чего ему дано это чудо, земная жизнь, но отвлекали голоса на террасе. К ним обязательно надо было прислушиваться, а это мешало его единению с природой.

То гасли звезды, будто на них, а не на земную листву дул легкий ветер, то вновь зажигались на концах ветвей, и уже готов был Протасенко отрешиться от всего суетного, но, как назло, завел канитель сверчок. Тррр, тррр, спугнул настроение, и ушло оно, и возвратился Николай Валентинович к реальной действительности и еще усмехнулся про себя, так неожиданны для него самого были эти нахлынувшие перед лицом мироздания сентиментальности.

Снова стали казаться двусмысленными речи Андрея и Зины. Присутствие жены стало тревожить еще сильнее, а то, что чуть было не нашептали звезды, стало ненужным и даже смешным, и никак он не мог понять, откуда она взялась, его минутная расслабленность.

Никогда ничего не совершается там, в небесах. Это здесь идет неустанная борьба и грызня. А неведомые светила плывут по своим маршрутам, и нет им никакого дела до человека, что пристроился в чужом саду, на чужой скамейке.

Жанну бы, Жанну сейчас сюда, и чтоб ни души на версту в округе. Ее бы в эту прохладу, в эту августовскую звездную ночь, чтоб стояла, закинув лицо к вершинам деревьев, как стояла она вот так однажды на берегу реки и, бог ты мой, как давно это было, как невозможно отсюда, из чуждого мира Булановых дотянуться до того мгновения!

Вот она, перед глазами! Теплая, близкая, чудится – протяни руку – твоя. Она изойдет тихим смехом, будет таинственно мерцать зрачками... И что тут Вселенная! Да гори она синим пламенем, у него мысли такой не появится – останавливать это горение.

Обман, обман, нет ее рядом. На другом конце города сидит она сейчас у окна и, чем черт не шутит, может быть, как он, смотрит в ночное небо.

Она одна. Некому рядом с ней находиться, никто не придет к ней в этот час вечерний, поздний. Никто не станет смеяться ее смеху, никто не взгрустнет, глянув в ее расширившиеся от мгновенной смены настроения зрачки.

* Журнальный вариант

Но внезапно он с такой необъяснимой уверенностью почувствовал возле нее постороннее и непременно мужское присутствие, что чуть не вскочил, плюнув на все приличия, и не помчался проверять, одна она или не одна там, на другом конце города, – да возглас жены, неестественно громкий, отвлек его, и погасло видение.

Зачем она увязалась за ним? Как не хотел ее отпускать Антоша. А она, уже рядная, светящаяся странной надеждой (или ему показалось?) наклонялась к ребенку, гладила головку, щеки, нашептывала, какой он большой, какой самостоятельный, умоляла остаться дома, будто от его согласия жизнь зависела. Заласкала, зашелестела платьем, закармила обещаниями на воскресенье. Качели-карусели, мороженое сулила. Мальчишка один одинок в квартире остался, отпустил. Но губы шепнули одно, а в глазах остался упрек. Нисколько не тревожит ее этот упрек. Смеется в ответ на сентенции Дягилева. Что-то он ей там городит, а она слушает и делает вид, будто ей, в самом деле, ужас, как интересно.

А эти! Как они его сегодня! Днем, когда собирались к Софье: «Не позвать ли Жанну Семеновну? Восемь месяцев, как-никак, у нас проработала». Нужна им она! Жить без нее не могут! Да понятно, – все эти Веры, Оли, Севы, Зайчики-побегайчики уже чешут языками, смакуют подробности. Спасибо Софье, вовремя он убрал Жанну из лаборатории.

Они докопаться до него хотят? Дудки! Рубить на корню, если назреет такая необходимость. Не нравится? Милости просим в другой отдел. Кем заменить – всегда найдется. Мишу в группу технического обслуживания, без его услуг можно прекрасно выжить... Но он же не пойдет, он же пригрелся под крылышком у Софьи, он же не захочет по нарядам работать. Здесь у него инженерская ставка, а там? Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что...

С Верочкой сложнее. Верочка вполне созрела, чтобы претендовать на зава. Но, скажите, пожалуйста, зачем ей это нужно? Сметы, финансы, отчеты, планы, процентовки... в эту кухню она, да ты хоть озолоти ее, никогда не полезет.

Все они такие. Со стороны им и видно и слышно, а попробуй заставить действовать – ого! «Да мы... да это так сложно...да это такая ответственность»...

Загурский – свой кадр. Ольга – дура, а дур воспитывают. Севку, в крайнем случае, к ногтю. И заткнется, и будет молчать в надежде на скорую зашиту. В конце концов, власть он взял, чтобы им же служить, им же и быть полезным.

Они бесятся с того, что поступать так, как он, ни умения, ни сил не хватает. Взять хотя бы Софью. Ведь никому в голову не придет оценить, какую пришлось провести работу. Как он расставлял силки, как искал зацепку, как он в кругу доверенных и близких людей разыгрывал тщательно скрываемую обиду, дескать, ташишь воз, а старушки всякие отдыхают. Рано или поздно его доверенные шепнули слово своим доверенным, и механизм сработал. Потом уже ничего не стоило свалить подрубленный ствол.

Ручку сегодня не подала. За одним столом сидели, в его сторону не повернулась ни разу.

Не надо было сюда приходиться, не надо, но с другой стороны, это могло показаться противоестественным. Это могло бы дать повод. А зачем? Зачем давать повод? Вот он и выполнил свой долг, и выполнил весьма корректно. Привез сотрудников, как они просили, сам вовремя явился и не один, с женой. Может, это и к лучшему, что она за ним увязалась? А, впрочем, что гадать? «Работать надо!» – сказал вслух Протасенко и поднялся с места бодрый, готовый отразить любое нападение, любой наскок.

И вот тут, именно в это самое время, в этот момент, пришло к нему окончательное решение – рвать с прошлым и начать жизнь с начала.

Хватит прятаться! Хватит, опостылела двойная жизнь. И у нее, у Жанны, страх потерять не кого-нибудь, а именно его. Отсюда размолвки. Они петлей захлестывают любовь. Вот и сегодня. Он, как он часто теперь это делал, заехал к ней перед работой и до чего же паскудно повел себя, как неприлично, всего лишь после сказанного ею одного-единственного неловкого слова, немедленно завелся, заорал:

– Да я уйду от тебя!

Она холодно так в ответ:

– Иди, – говорит.

Встала и ждет минуты, когда он тронется с места. Сама злющая, как кошка, и веник в руки взяла.

– Иди, замету следом квартиру.

Легко сказать – иди. Никуда он не ушел. Веник из рук вырвал, швырнул в сторону, а ее лапищами обхватил и долго глядел в глаза и видел, как она, не выдержав его хватки, постепенно теряла силы, как потом смежила ресницы и прижалась к нему, безвольная, готовая ради него на все – на каторгу, на счастье, на великую беду и великую радость. Вот такой он ее любил.

Позже, касалась лицом его лица, сжимала пальцами плечо, и ногти ее точеные, острые, впивались в кожу, и сладко было ему от этой маленькой боли, от того, что она осмелилась ее причинить. И сладок был ее шепот:

– Никому не отдам, никому не уступлю... Уйдешь, не знаю, чего наделаю. Жизни себя лишу. Понял? Понял?

– Если бы не сын, если бы не сын, – виновато отвечал он ей. – Где ты была раньше? У-у, ведьма, так бы и стер в порошок!

– Сотри, сотри, – вилась она возле него. – Растопчи меня, уничтожь! Все, что хочешь со мной делай! – она схватила его тяжелую руку, отвела ее и со всего маху ударила себя в грудь. И сильно так ударила, даже красное пятно осталось, а глаза налились слезами.

«Да разве можно от нее отказаться? Разве можно?» – опустил голову Николай Валентинович».

На террасе притихли, говорили вполголоса, и не было никаких сил разорвать этот замкнутый круг, и никакой случай не шел в руки. Тот случай, что помогает рубить концы, тот случай, ради которого живешь, затаившись в течение долгого времени. Ждешь, ждешь, а он, миленький и выползает, и прыгает тебе в ладошку. Тогда хватай его, каким бы ни был он увертливым, скользким. Хватай за хвост и держи, прижимай к сердцу. Он так и говорил Жанне:

– Случай, лапка, это – бог! Упустишь, потом всю жизнь жалеть будешь и казнить себя за то, что была такая возможность, а ты не доглядел, зевнул. Сиди теперь, жди у моря погоды. Думаешь, вернется? Шалишь. Счастливый случай один раз выпадает. И тут уж от ума и ловкости твоей зависит – удержишь или не удержишь.

Того, что сам случая ждет, чтобы к счастливой развязке целым прийти, он ей не говорил. И без того понято было. Скосив глаза, Жанна посмеивалась иной раз:

– Ну как, выпал или не выпал случай?

Он ей:

– Лапка, ты все воспринимаешь в лоб. Корректно, корректно надо. Чем, скажи, умный отличается от мудрого? Умный видит препятствие и знает, как его преодолеть...

– А мудрый? – садилась рядом, испытующее смотрела в глаза.

– Мудрый, – он трогал ее слегка завитые волосы. Они пахли дорогими духами, – мудрый обходит препятствие, затратив при этом минимум сил.

– Снова ждать?

– Ждать, лапка.

Хмурилась, сдвигала брови. О чем думала, какие мысли кружили вокруг душистой ее головы, непонятно было, хотя Николай Валентинович вглядывался в каждое движение, ловил малейшую смену настроений.

И вот не выдержал, принял решение в тот момент, когда не предвиделся случай-бог. Просто понял, что дальше так продолжаться не может. Легко ему стало. Сегодня. Можно даже по дороге домой сказать обо всем Зине и конеш.

Какой будет ее реакция, он не стал гадать. Он разом вычеркнул ее из своей жизни, и она стала далекой, ненужной, чем-то вроде наполовину забытой родствен-

нишы. Вроде бы и есть она, и живет где-то неподалеку, и забежать к ней в свободную минуту можно, да все недосуг.

Поморшился при мысли о том, как много лишних слов придется сказать, но тон разговора подобрал. Спокойный тон, деловой, но, ни в коем случае, не виноватый.

14

В то утро, так запавшее в душу Николая Валентиновича, Жанна долго остывала от его прощального поцелуя. Привалилась к косяку двери, замерла, склонила голову с распавшейся прической, смотрела на себя, отраженную в зеркале, что висело в прихожей.

Давно затихли на лестнице шаги Ника, а она все стояла, любясь собой, млея от удовольствия. Нехотя стряхнула оцепенение и вошла в комнату.

Часы показывали половину девятого, времени выше головы, потому что с этого дня начался ее отпуск, о работе можно было забыть.

Она распахнула окно, выходящее на улицу, и, перегнувшись через подоконник так, что край его вдавился в живот, свесилась в провал пяти этажей. Отсюда, сверху, ей многое было видно, и крыши более низких домов, и перспектива города. По тротуару ходили укороченные люди. Жанне смешно было смотреть: голова, часть спины, а где-то внизу выдвигаются кушые ножки. Несколько в стороне от окна тянулся к небесам старый тополь.

Соскучившись смотреть на улицу, Жанна зевнула, хотела лечь поспать, да червячок засосал. Отправилась на кухню, достала хлеб, нож и уже начала готовить бутерброд, как вдруг зазвонил телефон.

Не выпуская из рук ножа с кусочком сливочного масла на конце, она вышла в прихожую, не забыла еще раз оглядеть себя в зеркале, сняла трубку.

– Я слушаю, – пропела ласково.

– Жанна, ласточка, – зазвенело на другом конце провода, и она снисходительно усмехнулась, узнав женский голос, – ты еще не ушла на работу? Ты в отпуске? Так это же чудно! Слушай, Жанок, миленький, мне принесли вчера синюю шерсть. Ту, что ты просила... А куда ты едешь отдыхать? Еще не решила? Ой, что ты, нитки роскошные. Только, Жанна, тихий ужас, какие тонкие. Ты их до пенсии будешь мотать. Нет, машинки у меня нет. Цвет исключительный – электрик... Поинка свяжет, я уже договорилась, только она мотать не хочет. Ты вечером заскочи к нам... Не сможешь? Да, я понимаю. Бедненькая ты моя, ничего у тебя не сдвинулось с места. А ты не робей. Держи двумя руками! Слышь, Жанна, Элка продает штатовские джинсы. Не хочешь? А когда ты придешь за нитками?.. Да хватит тебе на костюм. Туфли нет, не достала. Есть босоножки, белые, чешские. Полсотни... Так уж дорого! Они в магазине тридцать пять стоят, если хочешь, иди, купи. Охота была в драку лезть? Вот именно. Так что почти своя цена. Каблук тонкий. Приезжай посмотришь... О, мой уже шипит. Он тебе привет передает... Нет, как тебе нравится, мне с подружкой поговорить нельзя, а сам трубку хватает. Жа...

В телефоне образовался снисходительный мужской басок. Жанна замурыкала еще нежнее.

Нет, сегодня приехать она не сможет, у нее дела. Разговоры о шмотках, может быть, и надоедают, но хорошо одетая женщина не надоест никогда. Во что она сейчас одета? Это кого-то сильно беспокоит? Нет, отчего же, она может сказать – на ней ничего не надето. А вот так. Кто-то хорошо представляет себе эту картину? Ему видней. Что? Лялька стоит рядом и покрывается красными пятнами? Шутка... Нет, диски она продавать не думает, это подарок. Да, от любимого человека. Много ли у него денег? Как у всякого нормального мужчины... Японскую аппаратуру она тем более продавать не собирается... Удачи? Спасибо, она тоже желает удачи.

Жанна повесила трубку и, посмеиваясь, вернулась к прерванному завтраку. После еды накатила истома. Валялась на тахте, перебирала на шее золотую цепочку.

Думать ни о чем не хотелось, и в то же время тревожили какие-то разрозненные мысли. Она дала им волю. Из медленного круговорота различных соображений о том, как жить дальше, вынырнуло одно совершенно неожиданное. Не шевельнувшись, чтобы не спугнуть, не потерять промелькнувшую идею, она стала рассматривать ее со всех сторон и пришла к выводу, что придумано неплохо.

Соображение было вот, какое: Ника сегодня не будет дома. Вечером он уйдет на торжество к Бабке, так она называла Софью Сергеевну. Просидят они там, как минимум, до полуночи. Жанна подскочила и прижала руку к быстро-быстро застывшему сердцу. Идти к его жене! Идти к Зинаиде Федоровне и все ей открыть!

Они не станут браниться, как две торговки на базаре, они не станут кидаться и рвать одна другой волосы. Нет, ничего такого не будет. Они обе вполне культурные женщины и сумеют обойтись без душераздирающих сцен.

Зиночке пора и честь знать. Признавай поражение и тихо уходи в сторону. Почему-то она была уверена, что Зинаида Федоровна мгновенно откажется от борьбы. Оттопырит брезгливую губку и, гордая, оскорбленная, уйдет с дороги, оставив Жанне Николая Валентиновича.

Ник говорил: «Лови случай». А это разве не случай? Всем случаям случай. И настроение подходящее. Риск есть, но почему бы и не рискнуть? Сколько можно ждать? Сколько можно жить обещаниями? Пан или пропал.

Она не стыдилась своих мыслей. Она привыкла быть честной перед собой, никогда не пряталась, не лицемерила. Ей слишком рано пришлось почувствовать на собственной шкуре, как надо бороться за место под солнцем. Зубами грызть, особенно, если нет бластных знакомых или родственников, если нет никаких подпорок, никаких толкачей, а только ты сама, твои руки, твоя голова и тело.

Расплачиваться телом ей не хотелось. Она была слишком брезглива и разборчива. Она долго искала, что ей нужно, нашла, и теперь страшно боялась упустить. И потом любовь есть любовь. Разве она не любит Ника? И не лгала она, когда просила его сделать ей больно. Она действительно готова была стать его рабой, «безответной игрушкой», если ему так нравится. Она готова была отдать всю себя, но и взамен требовала всего.

Жанна выросла в семье среднего и даже меньше, чем среднего достатка. Не было у нее в детстве ни красивых платьев, ни красивых игрушек. Вернее, все было, но... не того ей хотелось.

Отца она не уважала. Он был обыкновенным слесарем, простеньким, маленьким человечком. Он и рюмку за шиворот пропустить любил, и обожал поговорить о политике, хотя ничего не смыслил в той политике, и толку от его рассуждений не было никакого.

Он жил незаметно и также незаметно умер, просидев три года на пенсии. На похоронах собралось, как ни странно довольно много народу. Жанна вела себя вполне достойно. Поплакала и даже постучала головой о крышку гроба, но в душе ее было пусто и холодно, как в той осенней сырой могиле, куда под крики и причитания опустили ее отца.

Ей было жалко не его, а себя. Жалко было, что вот он умер и ничего не оставил ей в наследство, кроме дикой фамилии – Дергач. Ах, как она мечтала сменить фамилию!

Она хлебнула голодухи в студенческом общежитии, в чужом, шумном городе, где затерялась, как пылинка в космосе, и где ее при случае не пожалела бы ни одна живая душа.

Мать осталась одна, имея скромно обставленную трехкомнатную квартиру. Жанна стала уговаривать маму, чтобы та занялась обменом и переехала в большой город, где Жанна училась в институте.

Пусть будет меньше жилплощадь, много ли им теперь нужно! Все равно матери нечего терять, а если она переедет, то Жанна избавится от общежития.

О, если бы знала мать, как ей надоела обшага! Да, что там, надоела, не то слово. Целый день ни минуты покоя, музыка, шум, ни позаниматься, ни отдохнуть. Вечно в комнате сидят парни ее соседок. И уж если на то пошло, Жанна скажет правду: ночевать они тоже остаются. И еще одно, работать и жить нужно в большом городе, а не в захолустье, куда ее затолкают после распределения. Если мама приедет, то захолустья можно будет избежать. Как? Очень просто. Жанна – единственная опора человека, достигшего пенсионного возраста.

Короче, мать билась, пока не добилась своего. Очень ее те, остающиеся ночевать, парни смутили. Она обменяла большую квартиру на маленькую. Им досталось всего восемнадцать квадратных метров. Но счастлива мама была несказанно. Кончилась волокита с обменом, они зажили вместе.

Мать похудела, ослабла с возрастом, но пока Жанна училась, продолжала еще и работать. Пенсия да стипендия – это не деньги.

Райскую жизнь сулила матери Жанна, но райской жизни не получилось. За три года, что Жанна прожила вне дома, она стала чужой и далекой от интересов старенькой мамы, от ее узкого мирка.

Они не ссорились, но Жанна могла целыми днями не говорить с матерью. А когда окончила институт, совсем печальной стала жизнь на восемнадцати квадратных метрах.

Получив свободный диплом, Жанна долго искала работу. В школе – благодарим за честь, даром не надо, а в переводчицы при Интуристе ее не взяли, несмотря на хорошее знание языка. Связи оказались слабоватыми. Жанна сделала несколько шагов назад для разгона, согласилась пойти работать в лабораторию к одному случайному знакомому – Николаю Валентиновичу Протасенко. Она по рекомендации институтской преподавательницы дала уроки английского языка его шестилетнему сыну.

В лаборатории работы, как таковой, для нее почти не было, и через восемь месяцев эта лафа кончилась. Закрутился роман – Николай Валентинович, от греха подальше, уговорил ее уволиться и устроил по блату лаборанткой на кафедру английского языка в политехническом институте. Место такое же теплое, как у Софьи, плюс со временем она могла получить часы, и даже полную ставку, хоть к преподаванию не имела ни малейшей склонности. Зато теперь она была избавлена от понимающих взглядов Веры Алексеевны и Ольги Павловны.

Мать к тому времени вышла на пенсию. Нельзя сказать, чтобы Жанна свалила на нее непосильную работу по дому, она все привыкла делать сама и даже сердилась, когда мама начинала возиться со стиркой или стряпней. И почему-то еда, приготовленная матерью, вечно оказывалась невкусной. Жанна уверяла, что у нее от таких «деликатесов» делается изжога. Она взяла в обычай перемывать полы вслед за материнской уборкой, демонстративно расставляла стулья, чуть сдвинутые со своего места, перестилала половики по-своему.

Мать безропотно подчинялась ей, считая свою дочь очень красивой и грамотной. Не очень доброй, но ведь доброта она от природы, от Бога.

Мать переписывалась с сестрой, такой же старой и одинокой. В один прекрасный день заявила, что хочет поехать навестить ее. И поехала. Оставалась там месяц-другой, а потом и вовсе прикипели сестры друг к другу на старости лет, что было чрезвычайно на руку Жанне Дергач.

Ничего особенного в последнем и окончательном отъезде матери Жанна не усмотрела. Она отдала все, что та попросила из мебели, сказала, что будет ежемесячно высылать матери двадцать-тридцать рублей, но мать от помощи отказалась.

Жанна помогла в хлопотах с контейнером, чин чинном проводила мать на вокзал, отыскала вагон и сама перетаскала чемоданы, да еще пришлось выяснять отношения с пассажирами, потому что места оказались перепутанными, и нужно было воевать и ругаться.

Место для матери она отвоевала, но когда поезд тронулся, мать, оставшись в вагоне, посмотрела на Жанну сквозь мутное стекло и не махнула в ответ рукой. Просто посмотрела на нее и все. Поезд ушел.

Жанна писала матери письма. Обстоятельные, с подробными ответами на все ее вопросы о здоровье, о ценах на базаре и все в таком духе. Но писалось тяжело. Она каждый раз не знала, с чего начать и подолгу сидела над белым листом бумаги.

Когда мать уехала, соседи стали коситься на Жанну, мол, что же это, мать родную выжила, что ли? Жанна только бровь подбросила и никому не позволила вмешиваться в свою личную жизнь. Во дворе на лавочках посудачили, на том и заглохло, у каждого своих забот полно.

Подруге Ляльке она со всей откровенностью отрезала:

– Не сумела жизнь нормально прожить, пусть хоть другим не мешает. Я ее не гнала. Уехала и уехала. Виновной себя не считаю. Захочет вернуться – приму и даже пропишу обратно.

Этот монолог она произнесла через пару дней после отъезда матери. Лялька забежала на огонек и застала Жанну полновластной хозяйкой в доме.

Через полчаса они обо всем забыли и провели время как нельзя лучше, скроили и сметали для Жанны изумительное новое платье из простенькой и дешевой материи.

Деньжат Жанне явно не хватало, но при жесткой экономии и хорошем вкусе она умудрялась одеваться почти роскошно. Кое-что перепало от Ляльки за проданные в институте импортные вещи, плюс оклад в сто десять рублей. Не так мало, если учесть, что жила она совершенно одна. Позже и Николай Валентинович стал ее баловать, появилась золотая цепочка, духи, и еще кое-какие приятные мелочи.

Друзья находили ее прямолинейность очаровательной. Она никогда не скрывала своих взглядов. Она говорила:

– Любого, кто попадет под руку, сумею использовать в своих интересах. Через любого перешагну. Пусть кто попробует запретить мне иметь то, что я хочу иметь.

– А чего ты хочешь? – спрашивал Лялькин муж.

– Вадик, – отвечала она, – у меня вполне приемлемые и достаточно скромные запросы. Семья, квартира, машина, можно дачу в придачу, – и хохотала, сострив.

– Дворец на островах Зеленого Мыса не требуется?

– Дворец пока не требуется, – снисходительно улыбалась она.

– Но, милая моя, – встревала Лялька птичьим умом, – этого всего можно достигнуть постепенно, не спеша. Это к нам рано или поздно все равно приходит.

– Постепенно не хочу. Хочу сразу. И знаешь, почему?

– Почему, – загоралась темпераментная Лялька.

– Пока я буду ползти, как улитка, я состарюсь, Лялечка, а кому я старушка с клюшкой буду нужна? Я сейчас хочу красиво и весело пожить.

Любовь Николая Валентиновича подстегнула ее. Фантазия разыгралась. Как она любила представлять картины их будущей жизни! Он – известный ученый, она – хозяйка дома. Она принимает гостей, пользуется успехом, ей льстят, ей завидуют...

Но оно не наступало и не наступало, будущее. Обещания, клятвы, нежные слова – она устала от них.

«Нет, – решительно дернула Жанна и чуть не порвала золотую цепочку, – пора переходить к действиям!».

15

Все Жанна, Жанна да Николай Протасенко, а Софья Сергеевна где? Где ж ей быть. Как сидела во главе стола, так и сидит, не сходя с места. Намаялась за день, натопталась возле плиты. Хоть и помогли ей, все равно, хозяйка есть хозяйка, основные хлопоты падают на ее долю.

Оставшиеся в гостиной вели тихие разговоры. Жаль, большая часть народу прохлаждалась в это время на свежем воздухе, беседа многих касалась. Хотя вполне могло получиться и по-иному. Присутствие остальных подчиненных не допустило бы особых откровений.

Началось с пустяка. Сергей Платонович украдкой посмотрел на часы и, чтобы как-то заполнить отведенное ему время, задал Софье Сергеевне вопрос самый обыкновенный, ни к чему не обязывающий:

– Как живется вам, Софья Сергеевна? – спросил он и ожидал услышать в ответ что-нибудь неопределенное.

Но не таким человеком была Софья Сергеевна, не стала играть в вежливое уклонение от прямо поставленного вопроса и ответила директору просто и печально.

– Плохо живу, Сергей Платонович.

– Ну, ну, зачем же так, – подсел он ближе к ней.

Она мелко кивала головой, подтверждая свои слова.

– Нечем жить. Каждый день заканчивается бессмысленным хождением из угла в угол. Были бы внуки, так оно проще – была бы бабушкой. А так, ни то, ни се. Ни целей, ни интересов. Вот ради чего я жила?

Сергей Платонович мягким движением коснулся руки Софьи Сергеевны.

– Дорогой вы наш человек, вы кокетничаете. Как это ради чего вы жили! Ради науки. А отдыхать, как ни крути – надо. Вот ей-богу, поменялся бы с вами местом. Хочу на пенсию. Идите, директорствуйте вместо меня, пожалуйста!

Софья Сергеевна отмахнулась со слабой улыбкой.

– Да, бросьте...

– А! Вот! Бросьте. Вот так всегда.

Зайчик, никогда не пугавшийся присутствия большого начальства, насмешливо приподнял брови.

– Вот послушайте, что я вам расскажу, – заговорила Софья Сергеевна, – как-то так получилось, знаете, запала мне в голову думка. Почти навязчивая идея. Я решила внимательно просмотреть и собрать воедино все свои работы, – она придвинулась к столу, положила на скатерть руки, заговорила в полный голос, – возилась, возилась, и что вы думаете? Я собрала. Вон они, горой в соседней комнате свалены. Пока разбирала труды, – здесь она подпустила сарказма, – казалось: наконец-то обрету душевный покой, займусь любимым делом. Подготавливаю, издам напоследок еще одну книгу. Но, увы, в наше время это никому не нужно.

– То есть, как это не нужно! – возмутился директор. – Это вы что-то не то говорите.

– Из всего моего богатства я набрала одну-единственную тоненькую тетрадочку. Она многого стоит. Но из-за такой малости не стоит огород городить.

– При должном экономическом эффекте...

– Вот вам и тупик. Там нет экономического эффекта. Там есть идеи. Без лишней скромности скажу – россыпи идей. Чтобы воплотить их требуется затратить хорошенькое количество лошадиных сил. А главное – протолкнуть!

– Да-а, – протянул директор и смущенно прикрыл глаза веками, – протолкнуть это вам не шуточки.

– А я о чем говорю? Я о том, что сегодня меня никто не услышит. А надо бы. Мы об экономическом эффекте все хлопочем, а вот погодите, наступит время... ведь мы только берем, берем, берем! Сколько можно брать! Сергей Платонович, хотите посмотреть тетрадочку?... – но мгновенно подметила в его глазах нерешительность, сменила тон, – впрочем, не стоит, не одна я на свете такая умная. Это, знаете, «Войну и мир» мог написать только Лев Толстой, а научное открытие... Не я, так через некоторое время его сделает кто-то еще и наверняка лучше, чем я.

Сергей Платонович хлопнул ладонью по краю стола.

– Знаете что, Софья Сергеевна, не морочьте себе и людям голову. Издайте книгу. Верно, я говорю, Потапыч? – он повернулся корпусом брать в свидетели Зайчика.

Тот ничего, будто не его пригласили для участия в разговоре.

– Боженька, боженька, сделай меня лет на двадцать моложе, – Софья Сергеевна засмеялась, безнадежно махнула рукой. – Не слышит боженька. Вот и приходится мириться с обстоятельствами, а это тяжело Сергей Платонович. И давайте не будем больше на эту тему.

Они больше на эту тему не говорили. Зная, что директор скоро уйдет, Софья Сергеевна стала угощать его пирожными. Он ел и хвалил, и уверял Софью Сергеевну, что обязательно придет к ней еще раз в гости и жену приведет. Пусть жена спишет рецепт и вообще поучиться такому изумительному искусству.

Софья Сергеевна неожиданно для самой себя оживилась. Стала зачем-то объяснять, как оно должно готовиться такое пирожное, сколько в него нужно класть орехов, изюму, как нужно взбивать белок, чтобы он не свернулся, не отошел водой, а шапкой, шапкой поднялся и не падал бы при взбивании.

– Взбивалка, знаете? Ну, венчик, пружинкой такой завернут.

И Сергей Платонович смеялся и уверял, что в венчиках, то есть взбивалках, он ничего не смыслит.

Потом он заторопился, стал благодарить Софью Сергеевну за приятный вечер, Зайчику на прощание руку пожал. Софья Сергеевна ходила провожать его до калитки, а Зайчик сидел и слушал, как завелась и плавно отчалила от дома директорская машина. Через некоторое время Софья Сергеевна вернулась на место, и он мрачно посмотрел на нее.

Субординации в отношениях они не соблюдали. Они были и остались друзьями, проработавшими вместе много лет. И еще Зайчик был одним из немногих соратников, кто хорошо знал и помнил ее покойного мужа.

Помнил залитый солнцем радостный день, когда вошли они втроем в комнатку на задворках старого института, совершенно счастливые, полные отваги и стали основателями лаборатории. Булановы – по научной части, Зайчик – по технической.

Еще одно их связывало. Об этом никому не рассказывала Софья Сергеевна, а дело было в войну.

Константина Буланова призвали не сразу, только в сорок третьем году Софья Сергеевна осталась одна с малым дитем на руках. Эвакуироваться не пожелала, не верила, что до родного города дотянется фронт. Так оно впоследствии и оказалось. В институте начались изыскания, связанные с обороной, хотя от него остались рожки да ножки – большая часть сотрудников ушла на войну.

В ясли маленького Андрея она не отдала, стала брать его с собой на работу. Он был тихим и послушным ребенком, никому не мешал. Возился весь день с множеством непонятных, но страшно интересных вещей. Все это богатство приносили для него из соседних отделов такие же, как мама Соня, худенькие, истощенные женщины. За шкафом, в тихом углу Софья Сергеевна умудрилась соорудить для него подобие кроватки, потому что война войной, а послеобеденный сон нужен ребенку как воздух.

Чтобы не лишиться сил в голодную пору, мать и сын ездили вместе со всеми за город, где было выделено институту картофельное поле. Там Софья Сергеевна проходила практику общения с матушкой-землей. И горькой была та земля и плоды ею приносимые.

Возвращались с работы затемно. Андрюша еле тащился, хныкал, ей приходилось брать его на руки.

– Соня! – окликнули ее однажды, и из сумерек вынырнула приземистая фигура. Это уже было возле самого ее дома, но Софья Сергеевна почему-то перепугалась до невозможности.

– Кто тут? – глухим, настороженным голосом спросила она.

– Это я, Зайчик.

В тот же миг она узнала его. Опустила сына на землю, он не удержал равновесия, плюхнулся попкой в бурьян и заревел в голос. Она не слышала. Прижимала лицо к застиранной гимнастерке, кричала:

– Мишка! Роденький! Мишка! Живой! – потом отстранилась, не отпуская, и с тревогой спросила, – дома был? Как там?

Он успокоил ее.

– Дома нет никого, деду я сразу велел к сестре в деревню ехать. Там он, жив здоров.

Они вошли в калитку. Андрей ташился следом и тер кулаком глаза.

Хлопотала, варила картошку, мыла в тазу сына, сама оборачивалась на Зайчика, смотрела на него сияющими глазами.

Они проговорили всю ночь. Ребенок давно сопел в кроватке, давно остыл чайник с кипятком, а они никак не могли остановить воспоминания и планы на будущее, на счастливое время после войны. Потом Софья Сергеевна писала мужу письмо, а Зайчик дремал в углу, дожидаясь рассвета.

Софья Сергеевна исписывала страницу за страницей, хотя знала, что надежды встретиться им там, на фронте, практически нет никакой.

Когда кончилась война, а Софья Сергеевна оплакала вдовью долю, Зайчик вернулся и занял прежнее место в лаборатории. Теперь после гибели мужа возглавила ее она. Со временем Зайчик рассказал, как долгое время он носил с собой заветное письмо, как успело оно пожелтеть и потереться, а потом судьба все же свела его с Константином Булановым.

Письмо передал. Хотел рассказать, как Соня воспитывает Андрюшку, как живет и работает, как тревожится за него, но началась атака. В том бою Константин Буланов погиб, не успев прочитать ни строчки из всего, что писала ему жена.

Не успел прочитать письмо, где писала, как тоскует она без него, единственного на земле человека, как жалеет, что не приходится ему видеть, как подрастает сын. Что она ждет его и верит в скорый конец войны. Он непременно вернется, и они заживут по-старому.

Годы и годы прошли, а не забыла Софья Сергеевна той летней ночи. Не забыла, как сидели они вдвоем с Зайчиком, как писала она мужу письмо при неверном свете керосиновой лампы, как гадала потом – получит он его или не получит.

Вот такая связь существовала между этими состарившимися людьми, и никто о той связи не знал. И еще удивлялись многие теплу, что сквозило в отношениях между Зайчиком и Булановой, хотя они находились на разных ступенях служебной лестницы. Она наверху, в лучах известности, он – внизу, вечно сгорбленный возле приборов, с паяльником, отвертками и тестерами.

Софья Сергеевна проводила директора, вернулась на место. Поковыряла вилок в тарелке, потом отшвырнула вилку, и та тонко звякнула, ударившись о бутылку с вином.

– Чего молчишь? – раздраженно спросила Зайчика, – я же вижу, не терпится тебе. Валяй, не стесняйся, греми цепями, пока мы одни.

– Говорить не мастер, сама знаешь. Только спросить желаю, – поднял он кверху палец.

– Спроси.

– Ты зачем лабораторию бросила и вместо себя Протасенку посадила?

Она вскинулась.

– И тебе он не угодил! Вы что, сговорились? Тебе-то он чем не угодил? Прекрасный работник, голова.

– Стоп, стоп, стоп, ты мне байку не рассказывай. Не надо. Вот ты только что директору о плохой своей жизни повествовала и печалилась, что работы твои без применения остались. Я не судья в этом вопросе, но я же понимаю, что ради одного честолюбия не хочется тебе их печатать. Тебе их в дело пустить надобно, а для дела записки твои не берут. И уже готова ты из бумаг тех костер соорудить. Была такая мыслишка?

– Была. Дальше.

– Костер, может, это и красиво. Но я бы погодил с этим делом. Вдруг понадобится кому.

– Кому?!

– Погодь. Чем костер жечь, ты лучше Протасенке подари. Или продай. Ему же во как надо! – Михаил Потапович провел рукой по горлу с такой энергией, будто решил

напрочь снести себе голову. – Ему же подпитка идеями нужна. Он даже в Севкину – помнишь? вот в такую, – Зайчик показал кончик пальца, – вот в такую работенку, как клеш, вцепился. У парня чуть прорезалось, а он тут как тут. Здравствуйте, вы нас не ждали? Мы к вам в соавторы. Ты тогда что сделала? Ничего не сделала. Ты сигналила: «Севка, миленький, не наживай врага!» Вот на что ты ему намекала. А он, дурашка, не понял, принципиальность проявил.

Софья Сергеевна подперла кулаком щеку.

– Послушай, откуда ты, такой умный, все знаешь?

– Я многое знаю. Вы привыкли, что я в углу сижу, вы и забываете, что я там сижу. Серьезно – продай свои работы Николаю Валентиновичу. Крышу починишь.

– Плетешь ты, черт те что. – Софья Сергеевна бросила взгляд на окно, на книжный стеллаж во всю стену; под ноги себе зачем-то посмотрела.

– Софья Сергеевна, ты погоди. Да с работами твоими это я так... Ты мне ответь – между нами останется. Может надобность в нем великая?

– В ком?

– Да в Протасенко. Может, он действительно для дела лучше, чем ты, приспособлен. Вот ответь так, будто Константин Николаевич Буланов рядом с нами сидит.

– Ай, да господи! – вскочила и снова села на место Софья Сергеевна. – Да сожрали они меня, скушали, проглотили! Хватит с тебя, или еще нужно? Могу еще. Полевые у меня из-под контроля вышли. Ясно? Это совсем другая статья, – она помолчала, – вот именно – *статья*. Никому и никогда про это не говорила. Тебе первому.

И они уставились друг на друга долгим понимающим взглядом. Зайчик виновато моргнул, снял и стал протирать очки клетчатым носовым платком.

– М-м, да. Именно, что *статья*. И ты деликатную натуру свою проявила, дескать, смотрите, какие мы бла-ародные. А теперь у нас твое благородство вот здесь. – Он с трудом дотянулся до своего затылка. – Этот Протасенко по Севам, по Верам, по Олям вона как наверх теперь пойдет. Он ведь даже резисторами не побрезговал.

– Это еще что такое? – тяжело глянула Софья Сергеевна.

Зайчик крикнул. Зайчик поворочался на стуле, но историю рассказал.

– Что же ты молчал! – обрушилась Софья Сергеевна. Потом задумалась. Потом сказала, – да что теперь, задним числом. Он им, может быть, потому и нужнее, чем я.

– А что, Сергей Платонович...

– Да нет, не то, что ты подумал. Но, знаешь, Миша, иной раз ради полезного коэффициента на некоторые вещи можно и закрыть глаза. Сегодня без таких, как Протасенко им не обойтись. А я в этой ситуации – балласт.

– Да-а, – не отрываясь смотрел на нее Зайчик.

Помолчали.

– А все-таки ты могла бы воспротивиться. Тебе же власть была дана. Большая власть. Ты ее только в одном употребила – повернулась и ушла, чтобы в предвзятости тебя никто не заподозрил. Ты – честная, а дело свое из полы в полу негодному человеку передала. И знаешь об этом. С того и плохо тебе, как ты давеча директору пересказала.

– Окаянный ты мужик! – Софья Сергеевна с болью произнесла, но без слезы. Она скупой на слезу была.

Больше ничего не сказала, нечего ей было говорить. Он моргнул виновато, недовольный своей жестокостью. Жалеть ее начал. Погремел цепями, одним словом.

– Есть такое животное – кит, – заговорил он после некоторого молчания. – Кит в океан-море живет. Просторно ему там. Никакой сволочи возле него не водится, потому что сволочь эта хвоста китового боится, дистанцию держит. Только маленькие такие, ну не больше насекомого организма, твари по нему лазать осмеливаются. А он велик, кит, не замечает этих тварей... Вот ты и есть такой кит. Много вас было, да вывелись постепенно, и обмельчала порода. Акулы стали смело под носом ходить, на разную мелюзгу охотиться.

– К чему эта ихтиология, Миша?

– К тому, что вы спешы, вы наукой дышали и жили... Как ты по Буланову убивалась! – у него подозрительно заблестели глаза, – а ведь спасла тебя работа. Живота своего не шадя работала, и не корысти ради, вот что ценно в тебе. Вот ты, вот ты, что скопила для себя, для спокойной старости? Редкие книги да кактусы – вот и вся твоя собственность. И надо же, так красиво по жизни пройти, а под конец уступить свои позиции. Кому? Эх, киты, киты.

Софья Сергеевна сидела опустив голову.

– Скажи, вы специально этот вечер устроили, чтобы мучить меня?

– Ах, ты, господи! Мучить. Ты так не думай. Мой разговор – это мой разговор, я его в себе сварил-вскипятил, да не удержал. Кипяток горячий. Прости, на худом слове. А они... они просто пришли. Тоскливо у нас без тебя. Соскучились.

– Спасибо хоть на этом.

– Еще вопрос. С женой Протасенко давно знакома?

– Очень давно, Миша. Здесь по соседству с нами на частной квартире жили. В детстве дружила с Андреем, потом любовь... Я эту любовь не то, что разбила... А, впрочем, что греха таить, разбила, Миша. Внушала, что счастья не будет, что не такая ему пара нужна. Как же, единственный сын, принц. А что получилось? Книжный червь, одинокий мужик. Это моя вина, мой грех.

– Да-а, – протянул Зайчик и выразительно посмотрел на Софью Сергеевну.

16

На террасе, тем временем, образовался прежний состав. Получилось это так. Ольга Павловна заметила, что Софья Сергеевна и директор ведут интимный разговор и дальше порога в гостиную не пошла. Вернулась на кухню. Перемыла оставшуюся посуду, оставила все на сушилку. Она вовремя засекла шагавших к столу Верочку с Загурским, заташила их к себе. Загурский вздумал показывать фокус со спичками, но утратил ловкость рук, и дамы освистали его.

Смирившись с положением освистанного, Загурский подцепил бутылку вина и поташил ее обратно на террасу. Вера и Ольга Павловна за ним. Все изъявили желание пить сухое вино. Андрей Константинович принес разнокалиберные чашки и стаканы из кухонного буфета.

Неожиданно для всех Ольга Павловна потребовала тишины и объявила тост. Подняла стакан, глаза заблестели.

– Хочу сказать несколько слов в честь наших мужчин, – торжественно начала она. – Уважаемые товариши мужчины! Вы – наша гордость. Наша надежда. Мы хотим видеть вас волевыми, решительными...

Мужская половина скисла. Загурский потянулся, как дог, зевнул и челюстями шелкнул. Он привалился к стене, закрыл глаза и нарочито всхрапнул.

– Давай, давай, Оленька. Закончишь – разбудишь.

Ольга Павловна оторопела. Хотела продолжить тем же высоким штилем, но быстро сообразила – тост сорван. Вздохнула глубоко, глянула в середину стакана, и к нему одному обращаясь, закончила:

– Ладно, выпьем за то, что есть.

– Как хорошо вы сказали! – фыркнула и захопала в ладоши Зинаида Федоровна, вскочила с места. – Именно так! Именно так! Выпьем за то, что есть. Чудно!

– Сядь, Зина, – строго приказал Андрей Константинович. – Не нужно.

– Почему? Почему? – она пылливо оглядела его. Насмотрелась и отшвырнула взглядом. Кинулась к Ольге Павловне. – Не правда ли, странно, мой муж работает с вами несколько лет, а мы до сих пор не были знакомы. Я хочу сказать, заочно мы знакомы и многое знаем каждый о каждом... Грех на его совести, что мы впервые вот так... Вы же как одна семья. У вас и радость, и горе – все общее. Правильно я говорю, Всеволод Аркадьевич?

Сева смутился.

– Да как вам сказать...

– А вы ничего, вы ничего-ничего не говорите, это же невооруженным глазом видно, что все общее. У меня такое чувство, будто я вас всех давным-давно знаю, а вы – меня. Вот с места не сойти... Ольгу Павловну и Веру Алексеэвну... простите, я правильно говорю? Вас-то я вижу не в первый раз.

– Что вы имеете в виду? – насторожилась Верочка.

– Вы удивлены? Но мы же виделись с вами однажды, – она села на место, отпила глоток вина. – Мы виделись на стоянке маршрутного такси. Дождь в тот день лил, как из ведра. Я рядом с вами. Бочком, бочком к вашему зонтику. Я еще оступилась неловко, обрызгала вас. Неужели не помните? Вы о муже моем, о любовнице его толковали. В подробностях. Хотите, перескажу?

– О-о! – Вера Алексеэвна сделала шаг назад и опрокинула бутылку, стоявшую на полу.

– Растяпа! – со слезой в голосе заорал Загурский. – Самый смак оставался... Ух, Вера!

Андрей Константинович подскочил к Зине, глядел в ее расширенные зрачки.

– Зачем тебе нужен скандал! Они пришли ради мамы. Прекрати, Зина, умоляю тебя, прекрати!

– Испугался, беденький! – изучала она его лицо. – Именно, именно, выпьем за то, что есть. Не бойся, Софья Сергеевна ничего не услышит. А здесь все свои. Что им таить от меня? – она помолчала. – Однако вы растерялись, Вера Алексеэвна. Почему вы растерялись? А? Вино вон опрокинули, огорчение Ивану Денисычу сделали?

Вера Алексеэвна надела на лицо улыбку, неумелую, растерянную.

– Не знаю, что вам сказать. Ждете, чтобы я заговорила?

– Да, да, да, – так и тянулась к ней Зинаида Федоровна, – только этого я и хочу. Хочу услышать продолжение. О чем вы говорили, как уселись в машину. После, о чем говорили? Интересно же.

– Это про что? – громко спросил Загурский, и его вопрос странно прозвучал на террасе, где ровно минуту назад они так спокойно, так дружно обшались и говорили о пустяках.

– Хорошо, – сжала локти Верочка, будто озябла, – в прятки играть не будем. Если вы настаиваете – скажу. Я не сплетница.

– Товарищи, можно я пойду отсюда? – жалобно попросил Сева.

– Нет! – запретила Зинаида Федоровна. – Вы же собирались изучать жизнь. Вот она перед вами. Подождите, Вера Алексеэвна вам предоставят слово. – Удивительно, как быстро она взяла власть над всеми. – Сейчас, Сева, я введу вас в курс дела. Мой муж уже год состоит в незаконной связи с вашей бывшей сотрудницей... как ее, господи, – она пошелкала пальцами, – Дергач! А вы что, разве не знали об этом? Полно, Сева, прекрасно знали. Просто вам, как и всем, до всего остального, кроме пикантных подробностей, нет никакого интереса. Где-то рушится семья, где-то ребенок может остаться без отца. Вам до этого нет дела, как, впрочем, и всем остальным. Нет, за спиной, возможно, вы поговариваете... Да знаете ли вы, да можете ли вы себе представить, что я чувствовала тогда, на стоянке? Я вплотную вот так к Ольге Павловне и Вере Алексеэвне стояла и слушала, слушала...

– Простите, – не выдержала Ольга Павловна, – я не пойму, чего вы от нас хотите? Да, мы знаем. Да, мы говорили. Но мы говорили между собой и в вашу личную жизнь не вмешивались. Мало ли что обо мне говорят! Если вам не нравится, что муж изменяет – идите, жалуйтесь. Хоть в профком института. И пусть общественность разбирается, в конце концов, кто там изменяет или не изменяет. А мы, чем мы вам поможем? А то, что мы говорили... с Верочкой... так об этом не только мы – все говорят.

Она обиженно замолчала, уставившись сердитыми очами в глубину сада. Каково же было бы ее удивление, если бы она обладала способностью видеть, как кошка. Там, в непроглядном мраке, незаметный для всех, уже не сидел, а стоял Николай

Валентинович. Он сразу вскочил, как только заговорили громко, и с жадностью ловил каждое слово.

– К-хм, – откашлялся Андрей Константинович, – ты, Зина вот что... ты не в состоянии решать сейчас... Можно я скажу свое мнение? Ты действуешь, подчиняясь минутному порыву. Спросить тебя, какую ты преследуешь цель – ты не скажешь. Чего ты хочешь? Помоши? Какой? Ну, давай, обсудив все хорошенько, призовем твоего мужа к ответу, он тут, неподалеку, в столовой сидит, позвать его ничего не стоит.

«Его там нет», – хотела возразить Ольга Павловна, но промолчала. Зачем лишний раз вмешиваться?

Андрей Константинович продолжал.

– Вот он вошел. Представь себе такое. Мы ему говорим: «Ты, так тебя и растак! Ты – сукин сын, разрушаешь семью, ведешь аморальный образ жизни! Мы тебя презираем!» Дальше что?

– Он спросит: «А ты кто такой?» – лениво молвил Загурский, но в глазах его была острота и внезапно пробудившийся интерес к Зинаиде Федоровне. Ему нравились отчаянные женщины. – И еще он спросит: «А какие у тебя доказательства?».

Андрей Константинович весь напрягся и зубы стиснул – скажет или не скажет Зина? Скажет или не скажет?

– Ах, вам нужны доказательства? – сузила глаза Зинаида Федоровна. – У меня спросите. Я предъявлю. Я вам такие доказательства предъявлю...

Николая Валентиновича, там за кустами, прошиб ледяной пот.

– Только что вы будете делать с моими доказательствами! Разве что полюбопытствуете... Боже, куда я попала! – стала затравленно озираться Зинаида Федоровна. – Зачем я раскрыла душу! Вывернула наизнанку – нате, смотрите! Хотя бы слово сочувствия. Зачем я так унижаюсь?

Она встала, чтобы уйти, но Андрей Константинович сильной рукой перехватил ее.

– Да Зина, пойми же ты, наконец, мы целиком и полностью на твоей стороне. Верно же? – обвел он глазами окружающих.

Ему никто не ответил, а Ольга Павловна неопределенно передернула плечами. Потом вымолвила:

– Что ж, можем все вместе повозмущаться, если вам так хочется.

– Правильно! – подхватила Вера. – Давайте повозмущаемся! Я тоже была в вашей шкуре, Зинаида Федоровна. Плевать им на дом, на семью, на частную собственность. Явится красотка вроде Жанны Семеновны, подолом махнет – прощай жена, пиши до востребования. В суд вовремя не подашь, так алименты не всякий догадается кинуть на содержание оставшихся в сиротстве чад...

– Вы что, издеваетесь надо мной? – ринулась к докладчице Зинаида Федоровна.

– Напротив. Говорю правду. Вон они – сидят! Сидят и мыслят об одном, как бы скорей ушмыгнуть отсюда, чтобы не вляпаться в историю. Трусишки! – Вера произнесла последнее слово ласково, нежно, умолкла. Потом заговорила вновь, но совершенно иным тоном. – А вы, Зинаида Федоровна, не вы первая, не вы последняя. Вам слезы лить и выкручиваться своими силами. Никто не поможет. Это я, опираясь на собственный опыт, вам обещаю. Сочувствовать будут. Головами качать и руками разводить – будут. А помочь... не надейтесь. За семью замками друг от друга живем. Лишний раз откроешь сердце, как вы сейчас сделали, еще посмеются вслед. Я не о себе... Впрочем, и я посмеюсь. Я женщина злая, я через такое прошла, почему бы и мне не порадоваться, что не я одна, что есть и другие... Ташишь, ташишь в дом... Трах! – развод. И сидишь как побитая собачка на обломках счастья, и думаешь: а на какой ляд это нужно было?... Мы виноваты, болтали тогда на остановке. Что да, то да. Но, Зина, как не посудачить, как не посмаковать, если у тебя все гадко, а у кого-то еще гаже. Это же приятно осознавать, это человеческое свойство такое. Узнай вы о моем разводе пару пикантных подробностей, вы бы отказались от удовольствия?

– Молчите, молчите! – вскочил Сева. – Вы неправду говорите, Вера Алексеевна! Нет у вас такого права – всех одной краской мазать. Вы... Такая умная, такая... Нет, не знаю, как сказать, но вы неправы, поймите!

– Вот, – показала присутствующим на Севу Верочка, – экземпляр благородного рыцаря. Сева, насчет ума. Его-то нам и не хватает. Нас научили складывать и вычитывать. Слегка научили, непрофессионально мы это делаем, несмотря даже на всякие там диссертации. А в остальном... Извини меня, – обезьяны!

– Пардон, – затянулся сигаретой Загурский, – есть и отличительные черты. Французский лифчик, например, – он сделал выразительный жест.

Вера его не слушала.

– Нет, Севочка, ты слишком хорошего мнения о людях, обо мне, в частности. Как раз ума, доброты, нормальной человечности нам и не хватает. Мы на что угодно пойдем, лишь бы не отдать своего. Мое! Мое! А раз твое, так и остальное тоже твое. Болячки тоже твои. Иди, гуляй, со своими болячками.

Сева рванулся, было, возразить, но его остановила Зинаида Федоровна.

– Она права, что говорит, она права. Моя боль, это моя боль. Я не должна была начинать этот разговор, тревожить людей попусту. Наболело, простите. И... можно мне побыть одной?

Ее, наверное не оставили бы, но тут Софья Сергеевна вышла провожать директора, поднялась суматоха. После она вернулась и предложила Андрею Константиновичу показать гостям коллекцию кактусов.

Все охотно отправились смотреть кактусы. Там как раз один зацвел, и женщины стали восторженно пищать, брать по очереди в руки небольшой горшочек и подставлять его ближе к свету, чтобы лучше разглядеть оттенки атласных лепестков.

Терраса опустела. Затрещал сверчок, легкий порыв ветра качнул тонкие ветви плакучей ивы, и одна из них легла на боковые перила террасы, а затем бессильно соскользнула вниз. Ветер утих так же внезапно, как поднялся. Тускло светила несильная лампочка, ввинченная в патрон без абажура, Возле нее вились, ударяясь о побеленные доски потолка, мелкие бабочки и комарье, и еще зеленые букашки с длинными и мягкими прозрачными крыльями.

Откуда-то из темноты, неслышно чахая сначала по дорожке, потом по шелестому полу, появилась собака. Зинаида Федоровна напряглась от неожиданности и сразу успокоилась. Собака села, зевнула во всю пасть, показала ослепительно белые зубы и розовое, в темных пятнах небо, как подшибленная, бухнулась на пол всем телом, положила голову на вытянутые лапы, стала следить глазами за незнакомкой, бродившей из угла в угол.

Со всего маху стукнулся о стену залетевший на свет жук. Собака вскинулась и шелкнула челюстями вовсе не для того, чтобы поймать жука – для порядка. Жук хлопнулся спинкой на крышку сундука, полегал в обмороке, потом стал вразной шевелить членистыми ногами, деловито перевернулся, полез к краю, раскрыл крылья, снялся и улетел, завалившись на бок в глубоком вираже.

Стало тихо. Из глубины дома доносились голоса, но они были приглушены, будто в комнатах сговорились шептаться. Зина села на первый попавшийся стул, скрестила руки, сидела, уставившись в одну точку, ни о чем не думая.

Собака постучала хвостом об пол в надежде, что ее приласкают, но никто не подошел к ней. Она чуть слышно заскулила и сразу умолкла.

«Ничего, ничего», – пыталась успокоить себя Зинаида Федоровна. Тяжко ей было сидеть одинокой в старом доме, знакомом до каждой шелочки в полу.

Неожиданно для себя она вскочила с места и подошла к сундуку, как бы желая в чем-то удостовериться. Ей захотелось откинуть крышку и найти внутри одну вещь. Эта вещь осталась на память от нее и непременно должна была находиться здесь. Она открыла сундук.

Три лопаты без черенков и садовая лейка, больше ничего не оказалось там, а спекшийся от жара кусок блестящего шлака, когда-то принесенный ею сюда неизвестно зачем, исчез, словно его никогда и не было.

Внезапно она услышала со стороны сада чьи-то шаги. Едва успев отпрянуть от сундука и захлопнуть крышку, очутилась лицом к лицу с мужем и вздрогнула от неожиданности. Странно, он, оказывается, все это время пребывал не в гостиной – в саду, и теперь выходил оттуда.

Собака поднялась, обнюхала ноги Николая Валентиновича, отошла и свалилась на старое нагретое место. Зинаида Федоровна смотрела испуганно. Неловко ей стало, что муж застал ее шарящей по чужим сундукам.

Но он оставил этот момент без внимания. Он стоял перед Зиной, лицо его было жалким.

Она быстро справилась с собой, ответила ему давно вошедшим в привычку выскомерным взглядом, открыла рот, чтобы спросить, когда он думает ехать домой, к сыну, но он опередил ее.

– Я все слышал, Зина, – сказал Николай Валентинович очень тихо. Так тихо, что вначале она не поняла, о чем он говорит.

А когда поняла, горячая волна хлынула к сердцу. Она почувствовала, как ноги слабеют, слабеют и что если она не сядет, то упадет от слабости.

Она села, стала дышать астматически, а он ничего не говорил, смотрел на нее и ждал.

Собака вновь простучала о чем-то азбукой Морзе, Зинаида Федоровна пришла в себя и неожиданно визгливым голосом бросила мужу:

– Скажи одно – было у тебя с этой бабой или не было?

Он отвел глаза.

– Ты же знаешь. Было.

В горле Зинаиды Федоровны что-то булькнуло, она, испугавшись, что не справится с голосом, повысила тон.

– Будет?!

Он, не задумываясь, ответил:

– Клянусь тебе – нет!

Она быстро опустила голову. Он испугался, что она сейчас забьется в истерику, выкинет что-нибудь неожиданное и страшное, шагнул к ней и тронул за плечи. Сначала робко, потом его ладони стали плотней и плотней прижиматься к ее телу. Она отворачивалась, прятала лицо, и не слезы светились в ее глазах – торжество!

17

Лялька не стерпела, забежала днем к Жанне.

– Шеф на совещании, – трешала она, обнимая прохладную после душа подругу, – а я к тебе. Гляди!

Она достала из сумочки намотанную на бумажку шерстинку уникального, чистого цвета под названием электрик.

– Какая прелесть! – Жанна бережно взяла образец, – ты умница, какую ты прелесть достала!

– Нравится? – обрадовалась Лялька.

Взгляд Жанны неожиданно заострился.

– Себе тоже взяла?

– Валька денег не дал, – надула губки Лялька. – Сказал, на машину копить будем.

Жанна поднесла образец к волосам и еще раз убедилась, что чистый, без всяких посторонних оттенков цвет ей будет как раз к лицу. Она поцеловала Ляльку в упругую щечку.

– Кушать будешь?

– Нет, ласточка, полчаса посижу и все. Мне еще доклад для шефа печатать. – Лялька скинула босоножки, прыгнула на тахту. – Хорошо как! На улице духота, смотри, конец лета, а жара не спадает. На работе ужасно, а у тебя чудо, как хорошо. Садись, сто лет тебя не видела. Рассказывай, как там твой Ник, рассказывай про все. Слушай, какое Светка кольцо отхватила! С аметистом. А вот здесь, – она стала показывать по руке, – такая веточка. Тебе не интересно? Ладно, это я так, к слову. Рассказывай, как у тебя?

Жанна пристроилась возле Ляльки, теребила цепочку на шее. Это стало привычкой – дергать цепочку, будто душила она ее.

– Порвешь, – отвела Лялька Жаннины пальцы.

Жанна послушно опустила руку.

– Я с тобой посоветоваться хочу. Я, знаешь, что задумала?

Все это было сплошным враньем. Советоваться с Лялькой было совершенно ни к чему. Да и что она могла посоветовать! Просто у Жанны появилась потребность еще раз, на слух прокрутить свой замысел, понаблюдать, какое впечатление он произведет на публику.

– Что ты там задумала? – свернулась клубочком Лялька.

– Вот слушай. Ник идет сегодня в одно место. К Бабке. Я тебе говорила, что Бабка ушла из лаборатории?

– Ушла! – вскочила и плеснула ручками Лялька. – Их ты! А что я тебе сто раз говорила – не торопись уходить. Нет, развела канитель: так надо, так надо! Вот тебе и надо.

– Ничего ты не понимаешь. Я тебе тогда не сказала. Ник велел, – усмехнулась своим мыслям, – для конспирации. Так слушай! Он идет сегодня к Бабке. Они все там собираются. Знаешь, что я хочу сделать? Я пойду к его жене и все ей раскрою.

– Ты с ума сошла! – широко раскрыла глаза Лялька. – Ласточка моя, кто ж такие вещи делает!

– Я. Я пойду и скажу. Скажу, что давно живу с Ником, что ей не видать его, как своих ушей. Ты думаешь, он из-за нее канитель разводит? Жди! Все из-за мальчишки этого. Лялька, милая, если бы ты знала, как я его ненавижу!

Лялька подскочила, трепыхнулась под платьем ее небольшая грудь, совершенно свободная по последней моде.

– Кого? Ника?

– Балда! – спокойно покосилась на нее Жанна. – Тоже выдумает, Ника. Мальчишку этого ненавижу. Там такой мышонок с узкой мордочкой, а они прыгают возле него: сынуля, кашку съел? Сынуля, надень теплую кофточку! Из-за этого ничтожества вся моя жизнь кувырком идет!

Лялька хихикнула:

– Он хоть английский выучил?

– Да ну, ни бэ, ни мэ. Два месяца я с ним валандалась, потом он заболел, все и заглохло.

– Бедная моя, – Лялька робко погладила ее колено, – все-таки ты не спеши, ты обдумай. Я бы на такой шаг не решилась.

– А я решилась. И другой такой возможности у меня не будет.

Лялька в восхищении глянула на Жанну. Так смотрят на диковинных зверей в зоопарке. Хочется потрогать, и боязно. Вдруг укусит.

– Как же ты, прямо вот так пойдешь и скажешь?

– Прямо вот так пойду и скажу. Знаешь, что я скажу? Я скажу: не сумела мужа удержать – уйди с дороги. Все равно у вас жизни не будет.

Лялька снова откинулась на подушках, мечтательно засмотрелась в потолок.

– Какая ты смелая. Я бы так не смогла. Ой, Жанна, да если бы я могла, разве бы я так жила? Что верно, то верно, счастье достается только сильной личности. Сильная личность ни перед чем не останавливается... Вот у тебя цель. Ты на все готова ради нее. Как у древних героев. Помнишь, из истории? Или все, или ничего... Ласточка моя, скажи, ты очень его любишь, Ника?

Жанна снисходительно скривила рот.

– Любишь... Да ему стоит только пальцем ко мне прикоснуться – все! Ой, конченный я человек.

– Жан, это страсть, да? – широко раскрыла глаза Лялька.

Она ничего не видела перед собой, мечтательно улыбалась. Потом чуть слышно шепнула, как бы пытаясь убедиться в силе слова.

– Страсть!

Подхватила с места, сделала несколько шагов по комнате, зачем-то потрогала занавеску на окне. Такой тюль давно вышел из моды, и Жанне давно пора было заметить его, но, что поделаешь, если кругом один сплошной дефицит. Она обернулась и посмотрела в глаза подруги.

– Если так – иди! Отстаивай свои права. Это же как в кино, Жанка, честное слово, как в кино. – Лялькины мысли вертелись в беспорядке. Вдруг где-то зацепилось, заело. Она забеспокоилась. – Слушай, а вдруг она тебя прогонит? Имеет полное право. Вот что ты тогда сделаешь? А она красивая, какая она из себя, жена Ника?

Жанна криво усмехнулась.

– Ничего выдающегося. Рыжая. Красится хной. Глазки узкие. Морщин полно. Фигурка, правда, ничего... Нет у меня другого выхода, понимаешь, нет! Он замучил меня. Никуда не пойдешь, ни на кого не посмотри, ни с кем не поговори.

– Это почему?

– Привет! Да он ревнует меня к каждому телеграфному столбу. Это же собственник. Он как схватит меня!

Она растопырила пальцы, вскочила с места, набросилась на Ляльку и схватила ее в охапку, бросила на диван.

– Ой! – завопила та, – да ты на самом деле чокнутая! Больно же.

Жанна так же внезапно отпустила ее и плюхнулась рядом.

– И нет у меня никакой силы сопротивляться...

Лялька одернула платье, поправила прическу.

– Нет, ты постой. Что ты ей говорить будешь? Ведь не придешь, не вылепишь – здравствуйте, я ваша тетя – план какой-то нужен.

– А план я тебе сейчас расскажу. У меня, Лялочка, кое-что очень серьезное припасено. Вот видишь, ладошка. А теперь кулачок. Ап! Только ты – никому – даже Вадьке, поняла?

– Ой, да я клянусь тебе! – Лялька прижала руку к сердцу.

– Бабку-то Ник съел. Он на нее компру накалал.

– Откуда ты знаешь?

– Пхи, да я сама письмо печатала. Вон на той машинке, – она показала пальчиком туда, где на небольшом столе стояла печатная машинка в черном брезентовом чехле. – Потом вместе стилистику выправляли, в письме в этом. Потом еще было дело: есть у них в институте такой Аверьянов из народного контроля, так он докопался, что Ник вместе с Загурским прибор какой-то разобрал, а потом списал. Только не все списал, а отдельные детали. А положено сдавать все. Шум пошел, но замдиректора Ника прикрыл, и все заглохло. А теперь прикинь, как себя поведет Зинаида Федоровна, если я пригрожу, рассказать еще кое-что, более интересное?

– Кому?

– Да мало ли, кому. Прокурору, например.

– И ты пойдешь...

– Да куда я не пойду, что я, дура? Здесь расчет простой. Зинка, она баба не простая. Есть у нее пунктик, я, когда с нею обшлась, подметила. Она меня учила, важно так, знаешь, как профессорша: «Если хочешь завоевать мужчину, принеси ему в жертву себя. Чем больше жертва, тем крепче к себе привяжешь». В общем, я думаю, она принесет жертву. Она отступится, лишь бы не ломать Нику карьеру. А пока он будет оценивать размеры ее жертвы – его цап! И поймает тетя Жанна. Кстати, для Зинаиды ты когда-то доставала сиреневую водолазку. К рыжим ее куделькам она не идет. Ну, чего задумалась? Много будешь думать – скоро состаришься.

Лялька и впрямь задумалась. Тонкая складка появилась на ее безмятежном лобике. Она заметила перо, наполовину высунувшееся из расшитой подушки, стала медленно тянуть его, пока оно полностью не высвободилось из ткани. Покрутила в пальцах, дунула, пустила в полет и поднялась.

– Ох, – сказала она, – так-то оно так. Жалко ее.

– А меня не жалко?

– И тебя жалко.

– А не бывает, чтобы всех было жалко. Выбирай. Жестоко? Да, жестоко. Но так было, так есть и так будет. Одни тонут, другие выплывают на поверхность, толкнув поглубже тех, кто тонет... Не так уж много я хочу, чтобы отказать себе в малом. Я это тогда поняла, когда и этого малого не имела. Ты скажешь, я эгоистка. Но ты посчитай, сколько раз на меня наступали и сколько раз переступали. Нет, ты посчитай, посчитай! К примеру, когда я переводчиком хотела работать, а этот тип из «Интуриста» мне мозги пудрил – было дело? Ай, да что говорить. Кто меня пожалеет, если я встану у кого-нибудь на пути? Никто. Даже ты, моя лучшая подруга, и то не пожалеешь. Так ведь? Просто нам с тобой повезло. Мы с тобой в таких отношениях, когда есть прямая выгода быть в таких отношениях. Ой, Лялька, не надо морщиться, так оно и есть. А вот тебе непосредственное доказательство, – она повертела принесенный образец шерсти. – А кто мне помог, когда мне нужно было избавиться? – она положила руку на низ живота. – А кто тебе помог с теми шмотками?... Да что мы будем считать, сама прекрасно помнишь. На этом, Лялечка, построен мир.

– Знаешь, Жанна, – Лялька под села к ней на диване, – я, наверное, не такая умная, как ты. Но мне почему-то ужасно грустно слушать такие вещи. Вот грустно. Плакать хочется. Для чего мы живем? Чтобы всю дорогу грызть друг другу глотки? У нас на работе то же самое. Анонимки. Кляузы. – Внезапно она спохватилась, – ой, мне пора. Я к тебе в другой раз забегу, я тебе такое расскажу!

Она стала торопливо приводить себя в порядок, подкрасила губы, мельком взглянув на себя в крохотное зеркальце из сумки, а Жанна так и не поняла, нарочно она оборвала разговор, или ей действительно надо бежать.

– Я тебя об одном прошу, – приблизилась к ней совершенно готовая Лялька, – решила идти – иди. Я тебя остановить не могу. Я прошу тебя – не делай там только особенных глупостей. Может быть, вы просто как-то договоритесь. Не знаю. Но ты держись с достоинством. А потом приезжай к нам. Посидим, поболтаем, ладно?

Она ушла. Медленно спустилась по лестнице, вышла на улицу, в нерешительности остановилась, словно какая-то сила влекла ее обратно, наверх, остановить Жанну. Но тряхнула кудрями, заработала ножками, застучала каблучками и пошла, и пошла, понесла маленькое сбитое тело и вскоре затерялась среди прохожих.

Жанна закрыла дверь. Масляно шелкнул английский замок.

Нет, не терзалась она раздумьями. Решение было принято, отступить она не собиралась. И даже торопливый Лялкин уход не поколебал ее. Ушла, но отговорить, привести хотя бы один разумный довод против плана ведь не сумела же, не сумела. Жанна без мыслей, без желаний опустилась на стул, свесила безвольные руки, сидела в оцепенении, ждала чего-то, а чего ждала, она и сама сказать не смогла бы.

Потом взяла на рассмотрение и положила перед собой Лялкину деловую мысль. Ее таки могут с треском выставить из дома. Или просто не впустить. Но с другой стороны, почему бы не впустить? Разве жена Ника знает? Нет, она ничего не знает. Откроет дверь, увидит, еще и обрадуется поначалу.

Жанна думала, думала. Она не боялась проиграть. Она считала себя неуязвимой. Это не на нее, на кого-то другого могла напасть смертельная хворь. Это кто-то другой – не она – мог попасть под колеса автомобиля. Она сильна, и угрызения совести, людское презрение – это не для нее, для тех, кто страдает немощью и бессилием.

О, как самозабвенно лгала она друзьям, когда говорила, что не так уж много ей нужно. Как лгала! Ей нужно было многое. Так разве не стоит ради того, чтобы получить все, рискнуть всем!

«Дохлатина!» – презрительно подумала она о Лялке. Никогда-никогда, даже в самых дерзких мечтах, эта куколка не могла бы пойти на такое, на что решилась пойти Жанна.

Одна только мысль, крохотное соображение, ехидный такой чертик маячил на широченном и светлом фоне, и не то, чтобы так уж досаждал ей, нет, но дразнил про-

тивным облезлым хвостиком. Такая мысль: а что, Ник Протасенко это действительно тот человек, ради которого стоит рискнуть всем?

Но выбора у нее не было.

18

Николай Валентинович и Зинаида Федоровна поспели в гостиную к чаю. Звенели чашки и блюда, через головы сидящих за столом Ольга Павловна подавала блюдо с тортом. Пахло клубничным вареньем, Вера Алексеевна внесла коробку конфет и поднос с фруктами.

– Конфеты дают! Конфеты дают! – хлопал в ладоши Загурский.

Натянута смеясь, Вера Алексеевна стала разливать круто заваренный чай.

– Конфеты дают только тем, кто хорошо вел себя в детстве, – подыграла она ему.

Не сговариваясь, каждый делал все возможное, чтобы скрыть от Софьи Сергеевны неприятную часть вечера. Это вполне удалось, но возникающая на пороге пара вызвала всеобщее недоумение.

Вдруг стало ясно, что во время скандала Николай Валентинович был не в доме, а где-то в другом месте. Но не это изумило и потрясло всех присутствующих. Вид Зинаиды Федоровны! Ее ждали, каждый пытался угадать, какой она выйдет к столу, боялись, что Софья Сергеевна непременно обратит внимание на ее бледность, на ее (и это могло случиться) заплаканные глаза. Но она обманула все ожидания. Подтянутая, чуть утомленная, как доктор после удачно проведенной операции, главное, совершенно спокойная, Зиночка продефилировала не на свое прежнее место, а туда, где с самого начала вечера сидел Николай Валентинович. Он тоже странен.

– Ничего, ничего, не надо беспокоиться, – заискивающе улыбнулся Сева, когда тот вскочил, чтобы пропустить его.

Сева растерялся, угодил пальцем в блюдо, смял по краю кремовой завиток, и по комнате разлилось ванильное благоухание.

– Эка важность, – утешала его Софья Сергеевна, – все равно съедим.

Дала салфетку, успокоила. Присутствующие, знай, передают друг другу чашки, да Ольга Павловна шепотом вопрошает, кому какой положить кусок торта.

Софья Сергеевна давай озираться в недоумении, что это гости мои дорогие притихли? Резвились, веселились, вдруг ледяное молчание. Ничего не разобрала, решила, что гости просто утомились, притихли перед расставанием. А что расставаться скоро, не надо было говорить – пришло время.

Зинаида Федоровна выбрала для Протасенко симпатичный кусочек торта. Совсем маленький. Он не жаловал сладкое. Интимно прислонилась к нему.

– Что тебе еще положить?

Так мило, так по-семейному у нее получилось. Бедный Андрей Константинович даже засомневался, – уж не пригрелось ли ему только что произошедшее, уж не дурной ли сон это был. Неожиданно к нему наклонился Загурский и не глядя в лицо прошептал:

– Как вам это нравится?

И понял Андрей Константинович, что никакой это не сон, а самая настоящая явь, что женщина, из-за которой он страдал весь вечер, как ни в чем не бывало, развернула для мужа шоколадную конфету, и будто эта конфета стеклянная, осторожно положила на край блюда.

Выпили чай и закончился пир.

– Пора и честь знать, – сказали Софье Сергеевне.

Заторопились, задвигали стульями, стали выбираться в прихожую. Николай Валентинович заботливо набросил кофту на плечи жены. Даже забавно стало. «Вот так, ввязывайся после этого в чужие дела!» – победно поглядывала на Верочку Ольга Павловна.

Верочке досадно, у Верочки был план. Хотела, накрыв на стол, выскользнуть незаметно из комнаты и помочь этой несчастной Зинаиде Федоровне справиться с горем, утешить. Даже до дому ее проводить готовилась, если бы понадобилось.

Не понадобилось. Зинаида Федоровна обошлась без нее и рука об руку с дорогим супругом зашагала впереди остальной компании.

Андрей Константинович повесил нос, ударился в мрачные размышления о женщинах, о том, что они способны обвести вокруг пальца кого угодно и после этого все вывернуть наизнанку. Сева его понимал, и чтобы отвлечь от мрачных мыслей, стал рассказывать о каком-то озере. Андрей Константинович поначалу не вслушивался в его болтовню, но после заинтересовался.

Шли гуськом до калитки, очутились на улице. Софья Сергеевна пошла вместе со всеми, пожелала проводить гостей. Все примолкли, слушали Севкин рассказ о дивном месте, о зачарованном озере в лесу. Туда проторенной дороги нет, по весне и в начале лета вовсе не добраться – разливается река. Потому оно и сохранилось в заповедной неприкосновенности.

– Не бывает, – оглянулась на Севу через плечо Зинаида Федоровна. – В наше время, куда ни кинься, природа завалена битыми бутылками и мусором. Не во сне ли привиделось вам это озеро, Всеволод Аркадьевич?

Тот разгорячился, стал спорить, предложил даже при случае устроить вылазку на природу, поехать полюбоваться на первозданную красоту.

– Вот это уже дело, – открыла такая постановка вопроса Зинаиду Федоровну, – предлагаю отправиться в ближайшее воскресенье. А что, машина на ходу. Я, Всеволод Аркадьевич, первая отвезу сына на ваше озеро.

– Да нет же! – отмахнулся Сева. – Туда нет прямой дороги. Там река, брод. Вода до пупка доходит. Вот брата все обещаю сводить... У нас дома, – обращаясь ко всем, похвалился Сева, – отличный малец растет.

– С братом! – не выдержал, принялся чудить Загурский. – Не с братом, с девчонкой хорошей на пару деньков... Ты, восторженное создание, ты, может, дождевую лужу за озеро принял?

– Спорим, – продолжал усердствовать Сева.

– И спорить не хочу, – продолжал заводить его Загурский.

Софья Сергеевна придержала шаги, чтобы идти рядом с Зайчиком, понурим, раскаявшимся.

Шагает Зайчик, бубнит под нос, что пора ему в ателье уходить, или куда подальше, чтобы от институтской сутолоки и суеты спрятаться.

– Не надо, – убеждает его Софья Сергеевна.

– Мне терять нечего. Я с ним, – Зайчик кивает на спину Протасенко, – никогда не сработаюсь. Я знаю, чуть представится возможность, он в группу технического обеспечения меня перебросит. А я уже стар для таких перескоков.

– Ты потерпи пока. Честь, она дороже твоих ателье.

– Честь! – высоко поднимая брови, рассуждает Зайчик. – Хорошее дело. Вот раньше было такое понятие – дворянская честь. На дуэлях люди дрались и погибали за правду.

– Ты в дворяне не годишься, Миша, – посмеивается Софья Сергеевна.

Все больше отстают они от остальной группы. Идушие впереди зыбким пятном выделяются на середине улицы. Доносится до них, то тенор Севы, то басок Загурского, но никак не может разобрать Софья Сергеевна, там ли Протасенко, со всеми ли он вместе, или уже откололся от остальных.

Ночь вошла в силу. По черному бархату разбросаны пригоршни звезд, холодных, непостижимых. Из-за крыш, из-за тополей ползет луна. Мучительное желание послушать, о чем там болтают люди, написано на ее медно-красной роже. Так и тянется вверх, так и лезет и гасит звезды, тонут они в ее сиянии.

– Мне дворянское звание, как корове седло, – разглагольствует Зайчик, – но понятие о чести мне любо. Как оспу когда-то прививали насильственным образом, так

бы и ее, голубушку, начать прививать. Не дворянскую, ну ее к Богу в рай, а просто честь. Человеческую. Поторопиться бы с этим делом, а то подмена произойдет.

– Не пойму, какая подмена? – недоумевает Софья Сергеевна

– Смешаются такие понятия как честь и честолюбие. Так смешаются, что не различишь. Получится, что даже во время войны одно честолюбие людьми двигало. Не за честь, а за ордена и медали и чтобы будущее прохождение без очереди в магазинах себе обеспечить, люди на смерть ходили. Скажут нам: честолюбие – это стержень, вокруг него земной шар вертится, ось его. Больше, скажут, ничего нет.

– Кто скажет?

– Протасенки. – Зайчик понижает голос до шепота. – Страшно мне. Мне не их самих страшно. Мне страшно, что мы будто сговорились их своими считать. Мы притворяемся, будто все идет, как надо, будто бы настанет час и срок, и мы выкинем их за ненужностью, а пока пусть живут, пусть действуют, пусть размножаются – они полезны. А они же, как ржа! Они разъедают души. Ты посмотри, ты подумай, мы их видим и знаем, что они есть, и охота нам, чтобы их не было, а наши дети уже не различают их, считают, что так и должно быть. Сжились. Симбиоз называется... Пойду в ателье. Некуда мне больше идти, старому черту.

– Не получится ателье, – гнет свое Софья Сергеевна, берет его под руку, – ты там не сможешь. Сфера обслуживания не твоя стихия, там заказчикам улыбаться надо.

– Что верно, то верно, – покорно соглашается Зайчик.

Они натываются на внезапно остановившихся гостей. У них заминка, разделились мнения насчет того, как быстрее из вишнево-яблоневых лабиринтов улицы Садовой, выбраться на центральную магистраль. Николай Валентинович ругает себя, что не поехал на своей машине, а теперь они опаздывают к сыну. Их с Зинаидой Федоровной охотно отпускают, и скоро торопливые шаги обоих затихают вдаль. Не догнать.

– Нет, как вам это нравится! – выплескивает долго сдерживаемое негодование Ольга Павловна. – Разбередила всех, наговорила гадостей, и как ни в чем не бывало... Она на озеро готова ехать, провались оно. Ты прости, Сева.

– В чем дело? – удивляется Софья Сергеевна и впервые начинает догадываться, что не все было гладко во время ужина.

Ольгу Павловну невозможно удержать.

– Вы представляете себе, для чего она вообще явилась! Она затребовала, чтобы мы воздействовали на ее благоверного. Нас обвинила черт знает в чем, а сама... Нет, возмутительная дамочка! Сколько на свете живу, такого не встречала. Ни стыда, ни чести, ни элементарной гордости!

Остальные зашикали на Ольгу Павловну. Верочка дернула ее за рукав, Ольга Павловна заметила, наконец, эти знаки.

– А, ладно, что говорить. Прочихаемся каждый в свой носовой платок.

Поздно выяснять отношения. Дамы по очереди расцеловались с Софьей Сергеевной, Загурский галантно приложился к ее руке, Сева не рискнул последовать его примеру, неловко поклонился и почему-то виновато улыбнулся. Зайчика Софья Сергеевна погладила по плечу и попросила передать привет жене Валентине Петровне. Наконец, расстались.

Зайчик, Загурский, Вера и Ольга Павловна бегом к далекой остановке, чтобы хоть на последний автобус попасть. Сева отстает. Они ему:

– Догоняй, Сева!

Он сложил рупором ладони, крикнул вслед:

– Езжайте, я – пешком! – и зашагал в гордом одиночестве. Так ему захотелось.

В то время, когда уставшее за день августовское солнце присело отдохнуть на крышах домов, а во дворе Софьи Сергеевны появились гости, мельком взглянув на часы, Жанна шепнула себе – пора.

Скинула халат и в одной тончайшего нейлона комбинации встала перед зеркалом. Выглядела она ужасно. Лицо бледное, глаза запали. Истерзала себя за день.

Взяла фен, но прическа не клеилась, вымытые пряди рассыпались, она никак не могла, как следует, захватить их. Дернула себя за волосы, расслабилась и, пересилив душевную немощь, все-таки сделала укладку.

Подводить глаза не стала, но тщательно нарумянила и напудрила лицо, чтобы не оказаться перед Зинаидой Федоровной бедной родственницей, явившейся за подаянием.

Потом стала выбирать наряд. Лихорадочно швыряла на тахту шуршащие легкие платья, отливающие синтетикой костюмы, перебирала их, прикидывала, наконец, остановилась на темно-оранжевой блузке и узкой черной юбке с разрезами по бокам.

Легкие туфли ждали у входа. Она сунула в них ноги, открыла дверь, потом опомнилась и, не разуваясь, вернулась в комнату за сумкой.

Во дворе пламенно затрепетали на ветру рукава ее блузки. Сухую пыль, несколько бумажек завертело столбиком, но продержался он недолго, сразу распался. Жанна перебежала через дорогу и махнула проходившему такси.

Дверца машины захлопнулась, – она внезапно успокоилась, путь назад был отрезан. Она не обращала внимания ни на шелчки счетчика, ни на взгляды шофера, ни на его попытки заговорить с нею. Она вся была «там», пыталась заранее пережить то, что произойдет «там».

Вот она входит в подъезд, поднимается по трем ступенькам к двери на первом этаже, нажимает на кнопку звонка, и Зинаида Федоровна открывает...

Жанна вдруг съехала на заднем сиденье. Остановить машину? Вернуться? Нет! И снова видение, навязчивое, будто заклинило: вот она входит в подъезд, поднимается по трем ступенькам...

Пока ехали на другой конец города, начало темнеть. Сумерки сгустились, Жанну стали слепить фары встречных автомобилей. Но ее это устраивало, почему-то хотелось спрятаться, стать невидимой. Она заранее, на ходу, расплатилась с водителем, быстро выскочила из машины, и побежала в сторону дома.

Шла под окнами, они одно за другим зажигались над головой. Со стороны двора ее прятали от нескромных взглядов густые заросли аккуратно подстриженной живой изгороди.

Совершенно неожиданно спутала подъезды, чуть было не торкнулась в чужую дверь. Вернулась обратно, нашла именно ту, где ее не ждали, но куда она стремилась с вполне понятным волнением и отчаянной решимостью.

В подъезде было темно. Видно, перегорела лампочка, а ввинтить новую никто не удосужился. Жанна зажмурилась на секунду, чтобы дать обвыкнуться глазам, и вдруг на нее накатила волна страха. Она ощутила возле себя чье-то присутствие, что-то живое, затаившееся; услышала чей-то тяжелый болезненный вздох. Она едва удержалась, чтобы не вскрикнуть. Внутреннее напряжение, которым она весь день накачивала себя, вылилось в необъяснимую панику и желание бежать, спастись, прятаться.

Без памяти, как коза, Жанна сиганула через три ступеньки вверх, ее по инерции занесло, она чуть не стукнулась о стену. Но именно в этот момент этажом выше отворилась дверь, и чья-то услужливая рука включила свет, и сумрак рассеялся. Стук, шелчок закрывающейся двери и тишина. Жанна обернулась.

Презрительный смешок вырвался из ее горла. Пьяный, омерзительная грязная пьянь! Тащился домой, не хватило сил доползти до порога, свалился в подъезде, теперь лежит, скотина, мычит что-то неразборчивое.

Жанна перевела дыхание, взяла себя в руки, приложила ухо к обшитой дубовыми рейками двери. Страх прошел. В квартире стояла необыкновенная тишина.

«Будто вымерли все», – подумала она, и ей понравилось это выражение. Было бы неплохо, если б и вправду вымерли. Исчезли, и нет никого.

Она еще раз покосилась на пьяного. Тот затих, не шевелился. Она его неясно видела, скорее, угадывала то место, где он находился. Казалось, там лежит груда тряпья.

Жанна чуть толкнула дверь, и дверь неожиданно поддалась, стала медленно открываться внутрь. Полоска света из освещенной прихожей ширилась, разбегалась по квадратам кафеля на полу подъезда. Она радостно вздрогнула от такой удачи. Теперь-то ее не успеют прогнать. Она войдет и захлопнет за собою дверь, а там будь, что будет.

Вошла в прихожую, нажала на рычажок замка, он потихоньку зашелкнулся. Все. Назад пути не было. Жанна спросила в полголоса:

– Зинаида Федоровна, можно к вам?

Никто не отозвался.

Как же это? Не может такого быть, чтобы никого не было дома, дверь-то открыта.

Она заглянула в комнату справа от себя. Свет из прихожей квадратом лежал на паркете, смутно виднелся угол ковра и спинка деревянной кровати.

«Детская», – вспомнила расположение комнат Жанна. Она решила зажечь свет, но в последнюю минуту, передумала, вытянула шею, заглядывая. На широкой не по росту кровати, завалившись к стене, спал мальчик. Он был одет, лишь ноги прикрыты отогнутым углом одеяла.

Тогда скинув туфли, чтобы не греметь каблуками, она скользнула в следующую комнату. Обошла всю квартиру – никого. Стало ясно, почему незапертой оказалась дверь. Взрослый запер бы, а ребенок забыл. Где Зинаида Федоровна? У соседей? Но почему этот спит в одежде? Разбудить и спросить? Она вернулась в детскую, на цыпочках подошла к кровати и тихо позвала:

– Антоша!

Он проснулся мгновенно. Ничего не разобрав в полутьме, радостно закричал:

– Мама! Мама пришла! – и бросился к ней в прыжке, легкий, маленький, повис на шее, обхватив руками и ногами, как обезьянка.

Содрогнувшись, не успев ни о чем помыслить, она оторвала его от себя и с силой швырнула в сторону.

Она почему-то не услышала, как он упал. Не услышала и никогда не могла вспомнить потом, вскрикнул он или не вскрикнул. В доме воцарилась полная тишина.

«Нет, как же это? – подумала Жанна, – отчего так тихо? Он что, без сознания? Господи, сейчас он очнется, начнет орать... что будет! Что будет!»

И полетели мысли одна страшнее другой. Он закричит, набегут соседи. Чужой человек в доме. Скандал! Ник потерян – она покалечила его сына. Видимо, удар был сильный...

Или это случай? Невероятный, фантастический! Дом не заперт, в подъезде пьяный... Добить! Добить мальчишку, пока не очухался. Другого выхода нет, просто нет. Иначе он сейчас, сию минуту придет в себя и завопит изо всех сил.

Легкая, словно она потеряла вес, Жанна метнулась назад, в прихожую. Чем? Чем добить? Утюг? Палка какая-нибудь... Где? Где?

На полу в прихожей лежали гантели Николая Валентиновича, чугунные, крытые блестящим печным лаком.

Она подняла одну. Вернулась в комнату, наклонилась, схватила за ворот рубашки и притянула мальчика к себе. Свет от фонаря с улицы скользнул по лицу Антоши, и внезапно, с какой-то холодной очевидностью она осознала, что, к счастью, к великому ее счастью, убивать никого не придется. Раскrojивши тонкую, податливую косточку правого виска о бетонный косяк ведущей на балкон двери, он лежал перед нею уже мертвый.

Ненужное орудие убийства выпало из рук, гупнуло и с масляным чугунным рокотом покатилося под стол.

Она вскочила, выпрямилась, резко откинулась назад, чуть не упала, ушиблась плечом об угол шкафа, с трудом удержалась на ногах и отступила в прихожую.

Она почувствовала нечеловеческую усталость. В ней закипела ненависть к ребенку, это из-за него, не из-за кого-то другого, она так утомилась. Прислонилась к стене, постояла, закинув голову с закрытыми глазами. Потом собралась с силами, задрала юбку, одернула выбившуюся кофточку, глубоко вздохнула и с удовлетворением заметила, что дыхание ее становится ровным.

Она вдруг страшно обрадовалась, ей не довелось стать убийцей. Теперь надо было как можно скорей уйти. Подобрала с полу сумку, влезла в туфли, сразу стала выше ростом, поднявшись на каблуки, и еще раз, на всякий случай, заглянула в комнату.

То ли сумрак сгустился, то ли она стала хуже видеть, но уже ничего нельзя было различить, кроме выхваченной светом из прихожей части желтого пола. И показалось ей, что детская пребывает точно в таком же состоянии, какой была в тот момент, когда она заглянула в нее в первый раз.

Она оставит все, как есть. Даже дверь запираться не надо, а пьяный в подъезде – это хорошо. Пускай он как лежал, так и лежит.

Она выставила голову наружу. Ни души. Оставалось сделать один шаг, но она никак не могла себя заставить переступить через порог. Не в квартире, где оставался мертвый ребенок, а там, на воле, поджидали ее.

Ей стало холодно. Не желая этого, недоумевая отчего так получается, кусая губы и чуть не рыдая от странной и необъяснимой обиды, она сползла по стене на пол, неловко подвернув под себя ногу. Плыло перед глазами, неслось в безобразном хаосе, осыпало ее сухим, неприятным звоном. «Мне плохо, – скрипнула она зубами, – ну почему, почему мне так плохо!» Смотрела тусклыми глазами, никак не могла освободиться от навалившейся тошной тяжести.

Долго ли она так лежала, не помнила. Скорее всего, это был короткий промежуток времени, – на лестничных площадках было по-прежнему тихо. Она стала забывать, зачем очутилась здесь, для чего приходила. Хотелось одного: оставаться недвижимой, прижиматься к прохладному паркету лбом.

«Не-ет!» – с нечеловеческим страшным усилием она встала на четвереньки, коленом нечаянно натянула юбку. Треск рвущейся ткани привел ее в чувство.

Пошатываясь, цепляясь за стенку и подворачивая каблуки, она двинулась в ванную. Дрожащей рукой нащупала выключатель. Ослепительная белизна и блеск никеля успокоили ее. Стало по-домашнему просто. Сейчас откроется кран и потечет ледяная струя. У-у-у, как это хорошо – брызгать, плескаться, упиваться жизнью. Она попила. Стала тереть лицо, смывая румяна и пудру. Не вытираясь, глянула в зеркало, где отражалась она, белый кафель противоположной стены, полка, разноцветные мохнатые полотенца, висящие на крючочках полки. Обыкновенная ванная комната. Но сама она была страшная. Не бледная, а серая какая-то, даже губы потеряли окраску. Только глаза выделялись и жили, только мокрые пряди волос, потемневшие от воды, повисли по обеим сторонам лица и отделяли его от белизны стен.

Она бросила взгляд вниз и увидела, что юбка ее несильно порвалась по шву. Подумала, что хорошо бы застегнуть разрыв английской булавкой и даже обшарила на всякий случай полку. Булавки здесь не было.

От слабости ее осталась лишь мелкая дрожь.

Свет в ванной она погасила, но чуть было не оставила сумку. Спихватилась, взяла ее и привычным движением забросила ремешок на плечо. Глядя прямо перед собой, нисколько не хоронясь, вышла.

Придержала шаги возле пьяного, повела на него воспаленным глазом и сразу вспомнила, что ей необходимо вернуться. Страх подбирался и уже туманил рассудок, но она заставила себя снова подняться на площадку, раскрыла сумку, достала из нее носовой платок и самым тщательным образом вытерла дверную ручку. Потом сбегала вниз и очутилась в пустом дворе с детской площадкой и скамейками по периметру.

(Конец)

ПОЭЗИЯ

Пока душа летает птицей

* * *

Как выкрик – разговоры, как вызов – эта рань,
 где ситцевая штора и красная герань.
 Где с фотографий грустно взирает целый род,
 где кистью так искусно мороз стекло черкнет.
 Чу! скрипнула калитка, колодец за углом,
 тропинка, как улитка, и этот старый дом.
 Бренчит на кухне чайник.
 Здесь – в избяном тепле
 кажусь себе случайней узоров на стекле.

* * *

Со стаей птиц, летящих в небе клином,
 с людьми, домами, кошками, афишами,
 газет киоском, хлебным магазином,
 и желтым солнцем, выдутым над крышами,
 весь переулочек к горизонту скошен,
 зовет к себе,
 шагну на пол со стула я
 и выведу себя за дверь, как лошадь,
 не просто так до вечера выгуливать:

Учиться шагу до ночной звезды,
 Чтоб не испортить после борозды.

* * *

Пойди туда – глаза глядят куда,
 туда, сюда – и день как не замечен
 исчез, угас, за хвост поймать бы вечер,
 но ташит внутрь вселенной полынью
 за мигом миг,
 спасет ли иногда
 наука о смиренье,
 если грешник,
 болтун, зануда, правдолюб, насмешник,
 не знаешь сам, где собственное «Я».

Людмила БАКИРОВА

Родилась в Кировской области (Россия). Окончила медицинское училище, позже Ташкентский Государственный университет факультет журналистики. Стихи публиковались в коллективных сборниках «Поэзия-88», «Под знаком осени», журналах: «Новая юность», «Звезда Востока», «Молодая смена», «Книголюб», альманахах «Молодость», «Малый шелковый путь», «Арк», «Анор», антологии женщин-писателей Центральной Азии «Соловей в клетке» на русском и английском языках. Участница 2-го, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го Ташкентских открытых фестивалей поэзии (2003, 2005, 2006, 2008). Живет в Ташкенте.

* * *

Средь кухонной утвари вдруг забываюсь на миг в монологе,
дождь за окном мельтешит, промежутками капает целые сутки,
в свежей газете газетные плавают утки
и в дождь уплывают.
В конечном итоге
быт восстает и играет не очень-то добрые шутки.
Суп выкипает.
Сердито бормочет кастрюля,
чайник со дна собирает под паром остатки,
тесто ползет через край из ведерка на стуле,
дождь все идет.
По прогнозу опять обещают осадки.
Странно для лета, где дни продвигаются к знойному пеклу июля.

На зиму овощи с травкой в стерильные банки кладу для закатки
да не забыть бы и шторку на кухне к карнизу подвесить из тюля.

Но замечаю, что каждый предмет
в пасмурный день обретает свой цвет.

* * *

Не спится что-то спозаранку,
свое бывшее вороша,
в ком, в рог, в клубок, в крючок, в баранку,
сжимаясь, бедная душа,
куда ни глянет – все крутое,
качает, гнет свои права,
и что ей делать с простотою,
что хуже даже воровства.

* * *

Пока душа летает птицей,
своя отрада – ремесло,
но если так оно случится,
всецело хочешь с кем-то слиться,
нет, ты не будешь единицей,
а будешь дробное число.

* * *

То снег, то пыль, то дождь, то в слякоти округа,
когда-то вдруг поймешь – нет выхода из круга.
В обыденной ходьбе, порою спотыкаясь,
по лесенкам к себе – то вверх, то вниз спускаясь,
поймешь, поймешь не вдруг, подобно в небе птицам,
не обозначить круг, дано лишь единицам.

* * *

Плещется море над ухом в ракушке,
 в лужице квакают хором лягушки,
 нитью протяжною тянется звук,
 счастье свое выпускаешь из рук,
 в жизни своей иногда поневоле
 или хандрить, или ноешь от боли.
 Свет фонаря за окном после двух,
 резко моргнул и внезапно потух.

В комнате сонной при полной луне
 белый цветок на стене.

* * *

Жужжит над грядкой майский жук, о пень ворона точит коготь,
 так осязаем каждый звук, что можно пальцами потрогать
 И даже сквозь внезапный дождь, стучащий каплями по крыше,
 там – далеко – где ты живешь, мое ты имя назовешь –
 я, кажется, тебя услышу.

В отчем доме.

Бросает коршун тень на грядки,
 мышь из открытой борозды –
 шась, юрк и в норку без оглядки,
 малины пышные кусты –
 все в алых ягодках –
 с опушки
 ползут к ограде вдоль тропы,
 а там – за изгородь,
 грибы,
 с водой колодезной в кадлушке,
 в траве гуляют две несушки,
 свежо, мне дышится легко,
 поставив тесто на ватрушки,
 парное – вкусное – из кружки пью с черным хлебом молоко.

День ясен. Видно далеко.

* * *

Смотреть на быль, смотреть с любого ракурса,
 то просто так, то вскользь, то под прицелом
 бегущих дней,
 почитывая Маркеса,
 жаль второпях и как бы между делом.
 К ограде прошлых лет пытаюсь пятиться,
 через бурьян, крапиву, можжевельник,
 из четверга с трудом пролазить в пятницу,
 врасплох застанут, скажешь – понедельник.

* * *

Карта местности – белые пятна,
огонек ли вдали, иль звезда,
огонек иль звезда – непонятно,
куст шепнет мне: вернись-ка обратно,
не ходи – он прошепчет – туда,
не ходи – пропадешь безвозвратно,
там лихая таится беда.

Не ходи – остановка на слове.
Там зубастых заборов черта,
в шапке дом по косматые брови,
клык сосульки торчит изо рта.

И любому погибель пророча,
под луной ледяною в снегу,
острый клюв о столетия точит
черный ворон на черном суку.

* * *

Под вечер луг весь ливнями зарос,
вступая с рыжей глиной в поединок,
вода ручьем стекает под откос,
качая в речке чашечки кувшинок.
Всего на час.
И, выжав облака,
гроза урчит, устав от монолога,
и кажется пустынною строка,
как средь холмов размытая дорога.

Зима в Ташкенте

«По белому полю, по рваному снегу» –
смотрите, как в шлепанцах, ходко,
в жилетке ворсистой, под юбкой широкой – трико,
в сумке громадной
скуластая, смуглая тетка
в бидонах, баклажках и банках несет молоко.
Несет на продажу.
Базарные майны – нахалки
дерутся друг с дружкой, вплотную стоят гаражи
под небом провисшим,
на мусорной свалке
все утро торчат на крешенском морозе бомжи.
Во времени вязком из тика и така и тика,
у входа к базару в ведре пламенеют гвоздики,
на кость близ кафешки собаку приводит чутье,
за мостиком рядом с плитой бетонной арыка
куст ловит в воде отраженье худое свое.
В анабиозе под льдиною крепкой лягушка,
и хотя зябко, и солнце куда-то ушло,
ворона на дерева лысой макушке
каркает громко, что будет тепло.

проза

Хотеть не вредно

Рассказ

Анжелу Дмитриевну дежурный звонок сына застал, когда она на кухне блендером взбивала маску для лица – из клубники с каймаком и «геркулесом»; перед ее глазами на столе, только немного в сторонке, чтобы не закапать, лежала «обшая» сорокавосемилстовая тетрадь, в которую она регулярно вписывала заинтересовавшую ее информацию.

Господи, и что это Вальке сегодня приспичило не вовремя позвонить! Теперь она наверняка не успеет к началу «Модного приговора» и пропустит самое интересное – возраст героини и ее так называемый анамнез. Ничего не поделаешь, сама ж велела ему проверять, как она тут без него, ведь у нее и давление, и почки, и мало ли что может случиться, пока он на работе. В ее-то возрасте. Кстати, свои годы она никогда ни от кого не скрывала. Даже гордилась. Вот пусть попробуют выглядеть, как она в свои пятьдесят пять.

Анжела Дмитриевна была элегантной и молодежливой платиновой блондинкой с отлично сохранившейся статной фигурой и красивым, благодаря стараниям ее косметолога, лицом; в прошлом тренер по художественной гимнастике в обществе «Трудовые резервы», она до сих пор не утратила изящество, равно как и боевой дух. Жалко, что Валька не унаследовал ее гены, а пошел в отца, а тот ни ростом, ни крепостью телосложения, ни привлекательностью никогда не отличался. Даже секция плавания, в которую она записала сына, и которую он добросовестно посещал на протяжении нескольких лет, ожидаемого результата не дала.

Думая ни о чем и обо всем сразу, Анжела Дмитриевна вежливо поддерживала разговор с сыном.

Валя говорил:

– ...Кстати, мам, мне тут сообщение пришло... Не знаешь, кто такая Капитолина Константиновна из Воронежа?

– Как же не знаю? Знаю, – отозвалась Анжела Дмитриевна, и в ее голосе появились заинтересованные нотки. – Это старшая сестра нашего бедного папочки по их отцу, а твоему деду Косте. Наш папа с этой Капитолиной никогда не общался. Старая как мир история. Видите ли, там обиделись, что твой дед Костя их, так сказать, бросил и завел другую семью...

На противоположном конце провода сын Валентин удрученно вздохнул, предусмотрительно отведя трубку немного в сторону. Как всегда у матери миллион никому не интересных подробностей. Уж такая у нее манера.

– Валуш, а что ты про нее вдруг вспомнил?

– Я же говорю, мам, мне написали... Короче, она умерла.

– Да ты что! Умерла?.. Царствие небесное... А почему тебе написали об этом?

**Марина
БЕГЛОВА**

Родилась и живет в Ташкенте. Окончила инженерно-строительный факультет Ташкентского Политехнического института. Лауреат Международного конкурса малой прозы «Белая скрижаль – 2010».

В 2011 году рассказ «Накануне любви» был опубликован в литературном альманахе «Феличита». Публиковалась в украинском журнале «Склянка часу».

Вот теперь – миллион вопросов! Мать есть мать.

– Не знаю, почему. Вероятно, потому, что у меня с этой вашей Капитолиной фамилия одинаковая. Вычислили меня через «Одноклассников» и написали. Сама знаешь, фамилия-то у меня не такая уж часто встречающаяся.

Фамилия у Валентина, как и у его покойного отца, была действительно уникальная: Гелио-Хризумовский. Язык сломаешь произносить. По семейному преданию она досталась их предку бурсаку; тогда это практиковалось – назначать фамилии по названию растений, причем, когда и с какой стати в ней затесался дефис, доподлинно неизвестно, известно только, что изначально писали слитно. А вот мать фамилию отца не взяла, осталась Кушаковой.

– ...А что еще там написано? Отчего она умерла? Болела или как? Сколько ей лет-то было? Если нашему папе сейчас было бы пятьдесят семь, ей, значит, лет шестьдесят пять. Так, Валь? И вообще, чего они от тебя-то хотели?

Ну все, завелась. Теперь это надолго.

– А я знаю? Больше ничего не написано. Вкратце так: похоронили, мол, все О'Кей. Прислал какой-то Алексей Спиридонов от имени соседней этой Капитолины. Я ему уже ответил: спасибо и так далее...

Прошло три дня. Удивительно, но дома мать с ним, Валентином, на данную тему не заговаривала; такое впечатление, что не придавала этой новости значения, хотя он наверняка знал, что это не так. А потом взяла и позвонила в его офис. Даже правдоподобный повод не поленилась сочинить. Будто бы ей срочно потребовалось услышать его мнение о своем новом платье, хотя ему понятно, поговорить она хотела совершенно о другом. Такая уж у нее идиотская привычка – прежде чем перейти к главной теме, начинать издалека.

– Вальш, ты мне не сказал вчера: как тебе мое новое платье-сафари? Понравилось? – заискивающим тоном спросила она у него.

Его это разозлило еще больше. Как будто до вечера не могла подождать со своим платьем. У него работы невпроворот, а ей не терпится, видите ли.

– Нет, мам, абсолютно не понравилось. Не обижайся, но ты в нем похожа на дорярку из образцово-показательного хозяйства, которая, возвращаясь с утренней дойки, забыла снять халат.

– Да ну тебя!.. Что ж теперь мне его назад сдать, что ли? – подытожила Анжела Дмитриевна.

– Мам, я тебе свое мнение высказал, – уточнил он. – Делай что хочешь.

– Какой-то ты, Валька, в последнее время бешеный стал. Все тебе не так. Нервишки, что ли, пошаливают? Тебя ничего не беспокоит?

Ну вот, сейчас самое время обсуждать его здоровье. Он дипломатично промолчал, хотя язык чесался отчитать мать по полной программе.

– Валька, слушай!.. У меня из головы не выходит это письмо. Чего-то ведь они хотели, те соседи? Тебе надо туда съездить.

Тон из заискивающего плавно перешел в категоричный. Ну вот, началось!

– Мам! Когда мне? Я же не штаны просиживаю, а вкалываю, как папа Карло. Сама знаешь, какая сейчас запарка! Клиент косяком пошел, а мне все бросить и ехать – так что ли? Тебе надо, сама и езжай! Тут без этого в конце месяца чуть важный заказ не запороли. Вспомни: приходилось даже сверхурочно работать. Ты же не хочешь, чтобы меня уволили к чертовой матери?

– Что ты говоришь! – Анжела Дмитриевна даже возмутилась. – Я бы съездила сама, просто я из Ташкента сто лет не выезжала. У меня и ОВИРа-то нет. С этими визами вечно такая канитель. А ехать надо сразу. Вот ты знаешь, когда она умерла? Не знаешь. А вдруг уже полгода прошло?

– И что?

– И то! А вдруг там наследство?

М-м-да, сильный козырь.

– Да в Россию никакой ОВИР сроду не нужен был! – парировал он. – Не в Париж же собралась. Кстати, какое наследство, мам?

– Какое, какое... Дом, вот какое! – вновь оживилась Анжела Дмитриевна. – Я вспомнила: у твоего деда Кости когда-то в Воронеже дом был. Деревянный, двухэтажный, причем, купленный на его имя. Кому-то ведь он должен остаться, так? Вдруг там никаких родственников больше и нет? А ты – прямой дедов наследник. Я вот и адрес нашла...

Она начала что-то рассказывать про Воронеж.

Воронеж... С этим городом у Валентина Гелио-Хризумовского ассоциировалось только одно, впрочем, как, наверное, и у большинства. А что? А вдруг действительно на его голову свалилось наследство? И не просто в Воронеже, а на неизвестной улице Лизюкова. Вот его Ольга бы удивилась! Сказала бы: «Вау! Круто! Офигеть! Ну, ты и везунчик, Вэл!» Взяли бы с ней летом одновременный отпуск и махнули бы не в Питер, как собирались, а туда, в российскую глубинку. Русская печка, ухваты там всякие, дровишки, чугунные горшки, жареная картошка с грибочками, парное молоко, глиняные крынки, плетень, завалинка, семечки... Экзотика, одним словом. Лишь бы она не заартачилась.

Со своей Ольгой он встречался уже месяца три – обалденная девочка, один к одному похожа на Монику Беллуччи в «Малене». Может, когда-нибудь он на ней и женится, если, конечно, к тому времени не передумает (по крайней мере, сейчас он ничего конкретного не планирует; это не в его правилах – что-то планировать заранее). Мать, как пить дать, начнет возникать, подожмет губы и скажет: ну вот – дожила, теперь ее неразборчивый в связях сыночек назло ей удумал жениться на первой встречной, в то время как она женихов в молодости отшивала одного за другим, пока на горизонте не нарисовался единственный и неповторимый, то бишь отец. Еще скажет: вот, полюбуйтесь, на его награду за преданность и заботу; всю жизнь на него положила и т.д. и т.п.

О существовании Ольги Анжела Дмитриевна пока не подозревала, и слава Богу. Умудренный опытом своих прошлых амурных делишек, он не так давно завел для нее строгое правило: меньше будет знать, крепче будет спать. Не то чтобы раньше он держал мать в курсе всех своих романов, просто ее хлебом не корми, дай кому-нибудь устроить допрос с пристрастием: как познакомились, да где учились, да что за семья? А какой из девушек это понравится?

Кажется, он отвлекся.

– ...Мам, случайно не улица Лизюкова? – прервал он свои пространные размышления.

– Нет, с чего ты взял? – с жаром отозвалась Анжела Дмитриевна. – Сейчас, очки надену... Вот, читаю: Гелио-Хризумовский Константин Степанович... твой дед Костя то есть... Так... Воронеж, улица Максима Горького, дом номер...

Короче говоря, как он ни противился, как ни отнекивался, как ни ворчал, что, мол, с ее неиссякаемыми фантазиями у него никакой личной жизни, ехать все равно пришлось. Мать не переспоришь. Договорился с начальством, взял на работе незапланированный отпуск и поехал. Вернее, полетел. Поскольку прямого рейса на Воронеж не существовало, полетел до Москвы, а оттуда – поездом.

Город оказался примерно таким, каким он себе его представлял. Российская провинция. Грязное безликое предместье, исторический центр старой застройки, много церквей, в новых районах – многоэтажки, типовые школы и детсады; все серо и буднично. Вероятно, чтобы разнообразить скучную обстановку всюду понатыканы летние кафешки с веселенькими названиями типа «Муси-пуси», «Шалтай-Балтай», «Фигли-мигли», «Тутти-фрутти». Вдобавок тут еще имелась река с замшелыми берегами.

На привокзальной площади, таща на плече внушительных размеров дорожную сумку и жмурясь от ослепительного утреннего солнца, заливающего безбрежное небо, Валентин не без труда отыскал свободное такси; сдержанного вида водила всю дорогу жаловался Валентину: апрель, а уже жарко. Никогда прежде так жарко не было! Это все чертов вулкан исландский виноват, он надымил. Вон что в Европе делается! Если эта катавасия продолжится, скоро, видать, и их аэропорт закроют. Все к этому идет...

Внезапно автомобиль круто развернулся и резко затормозил. Оказывается, все. Приехали. Валентин расплатился, вышел и не без здорового любопытства огляделся.

Улица как улица, ничего выдающегося, как всюду в эту раннюю пору, голая, тихая и безлюдная.

Дом оказался угловым и выходил торцом в пыльный проулок, обнесенный поросшим сухим мхом дошатым забором. Там было грязно и заброшено, валялась груда обшарпанных старых досок, как попало сброшенных на землю; рядом копошились мокрицы и другая нечисть. Зато перед фасадом имелся небольшой ухоженный палисадник, огороженный от дороги штакетником и усаженный по периметру нарциссами вперемешку с резедой. Видимо, цветы недавно полили, потому что на листьях и чашечках дрожали ослепительные капли и играли солнечные блики. Сладко пахло медом. Дом, судя по его замысловатой архитектуре, задумывался как терем с покатою крышей и причудливым коньком; в качестве неперменного атрибута – высокое крыльцо с деревянными перилами и резным навесом. Первый этаж – точь-в-точь деревенская бревчатая избушка с зелеными ставнями и расписными наличниками, второй – целиком выкрашен зеленым цветом; ничего так, затейливо смотрится. На первом этаже ставни распахнуты, значит, кто-то есть.

Валентин поднялся по ступенькам, нащупал слева от двери кнопку и позвонил. Пылались отдаленные шаги...

Дверь отворилась, и на порог вышла одетая по-домашнему женщина материнского возраста, а может, и чуть старше, довольно крупная, коротко стриженная, с круглым лоснящимся от пота лицом и оплывшей шеей. Она выглядела не то усталой, не то чем-то озабоченной.

Он поздоровался и задал вопрос напрямую:

– Не подскажите, здесь жила Капитолина Константиновна Гелио-Хризумовская?

– А вы, молодой человек, видно, издали? – подозрительно изучая его с ног до головы, женщина не торопилась с ответом. – Случайно не из Ташкента?

Она кивнула на его дорожную сумку.

– Из Ташкента.

– О, я так сразу и подумала! Я вас давно жду. Проходите в горницу.

Он вошел, огляделся. Забавно. Изнутри терем оказался оклеенным крикливыми шелковыми обоями в крупную диагональную клетку, на полу был расстелен большой и цветастый, как павлово-посадский платок, ковер, а с потолка свисала пятирожковая хрустальная люстра. Поскольку электричество хозяйка не включила, в покоях стоял полумрак, свет лился только из ничем не затененных окон.

Женщина сняла с гвоздика и протянула связку ключей.

– Вот ключи от второго этажа. От Капитолининой половины то есть. Вход со двора. Я вас провожу.

– Подождите. Я же ничего не знаю. Давайте вы мне сразу все расскажете.

– Давайте, – согласилась она и из вежливости пригласила его присесть на диван.

Его поразило, насколько все здесь дышало показухой. Кресла и диван в этом помещении, которое язык не поворачивался назвать горницей, ибо оно больше смахивало на холл в небольшой гостинице, были обиты тканью, имитирующей шкуру зебры, вся обстановка – будто вчера из мебельного салона; присутствовало также изрядное количество комнатных цветов и даже парочка финиковых пальм, выращенных, надо полагать, из косточек. В растворенные двери была видна спальня с помпезной двуспальной кроватью посередине.

Ввиду того, что гость предпочел пока помолчать и послушать, хозяйка заговорила первой:

– Она, Капитолина, жила на втором этаже. А на первом – я; она мне его и продала когда-то. Вот умерла, а собаку свою мне оставила. А я собак не очень-то люблю. Кормлю, конечно, не выгонять же... Но вы лучше сразу забирайте ее себе. Она у Капитолины в доме жила, а я в доме сроду никого не держала. От них ведь вонь и блохи. Нагадят еще или лужу напрудят, а я люблю, чтоб у меня было чисто. Она сейчас в конуре на цепи сидит, от греха подальше, чтобы не сбежала. Животным надлежит жить на улице, ведь так? А вам, наверное, понадобятся документы на Капитолину половину, так они все у нее в комод, в верхнем ящике. Пойдемте, покажу.

Та-а-ак, интересненько, как любит говорить его Ольга. Значит, все-таки наследство имеет место быть, и не зря он поперся в такую даль. Валентин почувствовал, как у него тревожно и в то же время сладостно засосало под ложечкой.

Они вышли во двор, симметрично обсаженный живой изгородью из бирючины, обогнули дом сзади и подошли к дальнему крыльцу, декором повторяющему первое, только под ступеньками обнаружилась сбитая на скорую руку конура с узкой лазейкой, из которой наружу свешивался перекрученный отрезок цепи. Рядом валялась перевернутая вверх дном миска.

Женщина позвала строгим голосом:

– Кнопка, а ну, вылезь!

Потом сказала Валентину:

– Ее Кнопка зовут. Забилась от страха, видать. Ничего, есть захочет, вылезет. Или потом за цепь подергайте. Только давайте сначала к Капитолине поднимемся.

По крутым ступенькам, женщина с трудом начала взбираться на второй этаж, одновременно продолжая толковать что-то о собаке, о Капитолине, о доме, о своих делах, о погоде, о том, какая жара стоит у них нынче в Воронеже. Лестница, несмотря на свою кажущуюся монументальность, при каждом ее шаге тяжело постанывала и грозилась провалиться в тартарары.

Наверху было темно, душно и поразительно тихо, в нос ударил запах давно не проветриваемого помещения; обычно так бывает в подвалах со старыми коммуникациями. Женщина, пошарив рукой по стене, включила тусклый свет, и Валентинову взору открылась сумрачная, довольно просторная прихожая, в которую выходил ряд одинаковых, обитых черным дерматином дверей. В простенке было приколочено зеркало, и стояла деревянная вешалка, на которой висела какая-то одежда.

Женщина приоткрыла одну из дверей в глубине прихожей, приглашая Валентина войти, но сама не вошла. Сказала:

– Документы в комод, смотрите, а мне некогда. Мне еще в булочную надо, и сын обещал скоро прийти. Это он вас как раз и нашел. Я-то думала, гадала: что делать? Как родственников оповестить? А он в два счета сообразил. Он у меня компьютерщик.

Затем она распахнула по очереди другие двери, показывая ему, где что находится, поинтересовалась ради приличия, не нужно ли ему чего-нибудь и удалилась, а напоследок спросила:

– А что со своим этажом-то будете делать? Продавать или как?

«... или как». Последние ее слова неприятно резанули слух. Это была фразочка из материнского репертуара. Пока отец был жив, мать чуть ли не ежедневно интересовалась у него: «Ты мужчина или как?» Только недавно до него стало доходить, насколько эти слова опостытели отцу. Каждый раз будто получаешь под дых.

Откуда он сейчас знает, что он будет делать? Тут еще, оказывается, и псина есть. Кстати, что за псина?

Он спустился во двор. Подошел к конуре. Подергал за цепь. Вылезла шавка с грустной мордой, которая при ближайшем рассмотрении оказалась йоркширским терьером. Грязная, нечесаная, вся в колтунах и репейниках, хвост поджат, глаза слезятся, нос в засохшей каше, сама дрожью исходит. Такую малявку – на цепь? Вот народ пошел! Он отстегнул несчастную тварь и на руках понес ее в дом.

– Ты, стало быть, Кнопка, так? Похожа. Особенно нос. Ну, что будем с тобой делать?

Надо бы покормить звереныша, да и самому жрать охота. Последний раз он перекусывал в самолете. Сэндвич с курятиной и листиками салата, булочка с маком, яблочный джем; это у них называлось плотный завтрак. В магазин, что ли, наведаться? Только с такой уродиной разве покажешься на людях?

Он достал из сумки флакон с шампунем, а из чулана – корыто. Налил воды. Обманом выманил псину из-под стола. Искушал. Ополоснул из ковшика. Вытер хозяйским полотенцем. Посадил в кресло. Осмотрел со всех сторон критическим взглядом. Нет, что-то все равно не то...

Отыскал в прихожей под зеркалом хозяйскую щетку и маникюрные ножницы.

– Слушай сюда: сиди и не рыпайся, будем тебя в божеский вид приводить.

Собака послушалась. Не прошло и получаса, как она из комка свалывшейся шерсти превратилась в симпатягу с черными и круглыми, как виноградины, глазами, сверкающими из-под хипповой челки, расчесанной на прямой пробор.

– Вот теперь стала на приличное животное похожа. Хоть сейчас на выставку.

Собака, очутившись в домашней обстановке, спрыгнула с кресла и принялась носиться туда-сюда, обтираясь ушами о мебель.

Пока она так сушилась, в прихожей на покрытом ковриком с оленем сундуке отыскался поводок с лямками, а в кухне на подоконнике – сухой собачий корм.

В магазин они с Кнопкой все-таки ходили. Накупили впрок всякого провианта – и собачьего, и человеческого, а потом просто так, без цели, с самым безмятежным видом бродили по улицам. Кнопка дружелюбно вызвалась быть гидом, а он как дисциплинированный экскурсант послушно следовал за ней по пятам, правда, в конце немножко не рассчитали и заблудились. Ничего, с кем не бывает.

Оказавшись после утомительной прогулки вновь дома, Кнопка запрыгнула на диван, притулилась в уголке и затихла в крепком сне. Валентин сел рядышком, заложил руки за затылок, закрыл глаза. Подумалось: надо будет быстрее решать, что с этой псиной дальше делать, а то потом жалко будет расставаться. Он не допускал мысли оставить ее себе. В Ташкент заявляться с ней точно нельзя. Мать скажет: опять ты со своими фокусами? Хочешь меня в гроб вслед за отцом вогнать?..

Настало время ознакомиться с содержимым комода. Комод стоял в простенке между окнами и был уставлен многочисленными безделушками. Кавалеры в камзолах с золотыми галунами и дамы в необъятных кринолинах в купе с их преданными овечками и собачками при детальном ознакомлении оказались подлинным мейсенским фарфором, судя по всему, – из военных трофеев. На рынке антиквариата подобные пасторали стоят бешеных денег. Ну и что ему с этим сокровищем делать? В Ташкент не повезешь, таможня стопроцентно не пропустит. Искать местного барыгу и продавать? Опасно, да и жалко. Как-никак, часть наследства. Его наследства. Вот, блин, проблема!..

Все было такое пыльное и засиженное мухами, что противно даже взять в руки. Он достал из кармана штанов платок, поплевал на него и начал неспеша одну за другой протирать фигурки, заодно изучая клейма на донышках.

В старших классах он всерьез увлекся историей искусств, даже собирался стать искусствоведам. В десятом классе списался с Санкт-Петербургским университетом культуры и искусства на предмет поступления, но мать, узнав, встала в позу и сказала: еще чего! Что за профессия – искусствовед? Голову не морочь, пойдешь в ТУИТ. Все решено и никаких разговоров. Во-первых, у отца там связи, во-вторых, это недалеко от дома, даже на транспорте ездить не надо, в-третьих, зря, что ли, он маткласс кончал? Ну и в-четвертых, одного она его в другой город не пустит. Об этом не может быть и речи. Он, дурак, надеялся, может, отец поддержит его. Куда там!.. Отец, ко всему прочему, – сам технарь, против воли жены не пошел...

Поскольку ничего живописного более в комнате не наблюдалось, то, управившись наспех со статуетками, Валентин взялся за разборку документов в ящиках комода. Вскоре все это ему осточертело, тем более что он плохо представлял себе, что именно он ищет. Наверное, какие-нибудь метрики, Капитолинино свидетельство о смерти... Плюнув, он сказал себе: пора закругляться, на сегодня хватит. Завтра он ходит к нотариусу, все разузнает и будет действовать наверняка, а не лишь бы как.

Вечером пришла соседка узнать, как у него дела. Увидела валяющуюся в кресле Кнопку, неодобрительно покачала головой.

– Освоились, вижу? Капитолина тоже всегда ее баловала, даже к себе в кровать пускала.

Она потопталась немного и вышла, притворив за собой дверь, но почти сразу же вновь появилась на пороге.

– Забыла сказать: Капитолина с ней гуляла утром, часиков в шесть, потом днем, после обеда, и вечером, часиков в десять. Она так привыкшая.

«Часиков в шесть...». Он – что, из-за этой маленькой говняшки теперь должен вставать ни свет ни заря? Весело, однако.

Когда соседка ушла, Валентин вдруг вспомнил, что до сих пор не известил мать ни как доехал, ни вообще как дела, хотя еще на вокзале купил местную sim-карту. Она, наверняка уже шум подняла, куда он подевался. Не вдаваясь в подробности, он послал ей сообщение, мол, все в порядке. По поводу собаки решил преждевременно не распространяться. Мать никакой живности в доме категорически не признавала.

Как-то в подростковом возрасте он принес домой шенка, хотя знал прекрасно, что мать не разрешит. Все же осмелился, думал, может, вдвоем с отцом они ее уговорят. Как же!.. Отец даже пикнуть побоялся. Мать в тот же вечер провела воспитательную беседу на тему: собака – это огромная ответственность, а он маленький и должен в первую очередь научиться отвечать за свои поступки, а уж потом ... Короче говоря, из его затеи со шенком ничего тогда не вышло, слава Богу, на улицу не выбросили. Утром отец отнес бедолагу к себе в трест и подсел к охранникам. Пару раз Валентин даже передавал ему через отца гостинцы – колбаску там или что-то еще, а потом как-то все забылось...

Ровно в шесть утра Кнопка его разбудила. Он сначала не понял. Одеядло поехало вниз, да так внезапно, что он не успел даже очухаться. Потом его ткнули сопливым носом в глаз, облизали, смрадным дыханием надышали прямо в лицо, а под конец внаглую забрались на его голый живот и стали копать его лапой. Кнопка упорно требовала то, что ей было положено по расписанию. Вот вредина! Пришлось вскочить, кончиками пальцев, смоченными слюной, протереть глаза, влезть в штаны, всунуть псину в ляжки и очертя голову бежать на улицу.

Погуляли полчаса по пустынным окрестностям, после чего он пошел досыпать.

Часов в десять спустился вниз, Кнопка бодро трусила рядышком. Во дворе соседка развешивала белье; увидела их, подошла.

– Доброе утро! Как спалось? Вчера забыла спросить, склероз, видать: а что теперь с Юликом будет, вы уже решили? Это Капитолинин внук. Он в интернате. Это недалеко, на нашем же берегу. Я почему спросила? Скоро каникулы, а Капитолина его летом всегда у себя держала...

Вдруг она взвизгнула:

– Оса! – и принялась гнать от себя приставучее насекомое, а он, будто в немой мизансцене, оторопело стоял и смотрел, как она машет руками.

Вот теперь и внук появился. Подвох за подвохом. Сколько еще сюрпризов приготовил ему этот дом? И почему, собственно, он должен решать, что делать с каким-то неведомым Юликом? А мать его где?

Оказалось, мать его, Капитолинина дочка, умерла, причем уже давно, чуть ли ни сразу после родов. Капитолина этого Юлика сама растила. А отца у мальчишки отродь не было. Вот такие дела.

Узнав у соседки адрес, Валентин поехал в интернат. Интернат оказался специализированным и назывался «Коррекционно-образовательное учреждение для детей с нарушением слуха и речи», по-русски говоря, для глухонемых.

Ему повезло, он сразу попал к директору.

– Юлиан Гелио-Хризумовский? Да, есть у нас такой воспитанник. Позвольте любопытствовать: а вы ему кто?

– Дальний родственник.

– Присаживайтесь.

Он присел.

– А документик у дальнего родственника при себе имеется?

– Вот, пожалуйста, паспорт. Как видите, у нас одна фамилия...

– Ну и что же, что одна фамилия. Это ничего не значит. Из Ташкента прибыли, Валентин Сергеевич? Все с вами ясно. Вот что, дальний родственник, никакие сведения о своих воспитанниках я не разглашаю и тем более не даю разрешения на свидание.

– А если я его захочу усыновить?

Что он такое несет? У него что, не все дома? Кого он захочет усыновить? Во-первых, кто ему даст, он ведь не женат, если на то пошло. А во-вторых... Что «во-вторых» он додумать не успел, директор сказал:

– Так сразу и усыновить! Вам лет-то сколько, юноша?

– Тридцать три. Могли бы сами посчитать по паспорту. Что, мало?

– Возраст Христа, значит. Отлично, отлично... Мало, говорите? Это кому как, знаете ли. Кому мало, а кому в самый раз. Может, для начала попробуете опекунство? Только поторопитесь, а то раз у него, как вы говорите, больше никого не осталось, мы вынуждены будем оформлять перевод в детский дом. У нас в Воронеже в таких специализированных мест нет, так что придется везти в другой город. В Ростов-на-Дону или Самару. А вам спасибо, что проинформировали. Так вот, я не закончил насчет опекунства... У вас же даже временной регистрации еще нет, так? Вы же на нелегальном положении. Вот оформитесь, тогда приходите. Помогу, чем смогу. А сейчас до свидания. Не смею вас больше задерживать.

Детдом... Скопише мерзких ублюдков... Что-то страшное, грязное, смердящее, как источающая ядовитые миазмы клоака, как стая стервятников. Неизбывные воспоминания, от которых никуда не деться, как кость в горле, как застывший крик, сгущаются, душат, не отпускают... Когда он учился в школе, они, детдомовцы, подкарауливали его и других пацанов, возвращающихся по одиночке домой, то за углом ближайшего от школы дома, то на пяточке возле базарчика, то у аптеки. Каждый раз в разном месте. Кода обезличенных, все, как один, – на одну морду, грязных и вонючих, одетых в рвань ублюдков, уверовавших в свою вседозволенность. Они смыкали круг – плечом к плечу, локоть к локтю, кулак к кулаку так, что не вырваться. Безошибочная тактика подонка: нагнать страху, не дать опомниться, отрезать путь к отступлению. Далее – пошарить по карманам и отобрать мелочь. Если повезет – часы или плеер. Но это не главное. Главное – унижить, задеть достоинство, оскорбить, обесчестить.

Неведомый ему Юлик поедет в детдом. Из-за него. Потому что он, гад, проинформировал.

Ну, мать удружила. Заварила кашу. Посулила наследство, называется. Жил себе спокойно в Ташкенте, знать ничего не знал ни о каком Юлике, нет, надо было куда-то ехать!..

Сделал регистрацию и назад в интернат. Какая-то служащая интерната помогла ему заполнить журнал посещений. Была очень любезна и не выразила никакого недоверия. Директора не было, но Юлика к нему, как ни странно, позвали. Директор распорядился.

Вышел зашуганный пацанчик лет четырнадцати в школьной форме, в очках в металлической оправе с астеническим телосложением, смахивающий на Гарри Поттера, только мастью блондинчик. Лицо, обрамленное жиденькими белесыми волосенками, бледное, изможденное; шупленькая, как у ошипанного цыпленка, шейка выступает из белого воротника. Молчит. Пацанчик снял очки, и Валентин увидел, что у него голубые глаза. Голубые и огромные. Смотрят, не мигая, на него, будто изучают. Он не выдержал этого взгляда, отвернулся. Он никогда не обшался с глухонемыми. Как ему с ним себя вести? Тупица безмозглый, даже не додумался чего-нибудь купить по дороге. Фруктов каких-нибудь, что ли. Понял ли пацанчик, кем они друг другу приходится?

Молчать было невозможно. Не зная, что надо говорить в таких случаях, он сказал:

– Я Валентин. Тоже, как и ты, Гелио-Хризумовский. Мой дед был отцом твоей бабушки.

Посидели немного в холле на диванчике и под предлогом, что им обоим некогда, разошлись.

Мысль о том, что из-за него Юлик попадет в детдом, отравила Валентину остаток дня. Кнопка, у которой в жизни теперь была единственная потребность – служить новоиспеченному хозяину, ходила за ним как пришитая.

Около шести часов вечера, когда они с Кнопкой бездумно валялись на диване, слышался негромкий стук, а следом за стуком соседкин голос сказал:

– К вам можно? Там вас спрашивают.

Кто его может спрашивать? Казалось, его уже ничем нельзя было удивить, однако, как это ни странно, он удивился.

– А они не сказали, что им от меня надо?

– Это не они. Это он. Капитолинин зять, отец Юлика, то есть.

Валентин спустился.

У крыльца стоял пропахший перегаром и куревом алкаш.

– Ты, что ль, здесь старшой? Это, как его... Потолкуем. Юльку можешь забирать, на хрен он мне такой сдался. Нянчиться еще с инвалидом!.. Хиляк, толку от него никакого. А дом на меня оформляй. Мне положен.

Соседка, как услышала эти разговоры, сказала Валентину:

– Ты погуляй, а мы сами разберемся.

А потом руки в боки и поперла на алкаша, как танк:

– Что, опять приперся? Кто ты такой? Ты даже с Ленкой расписан никогда не был! Взял бабу для утех, а как она на тот свет отправилась, так тебя и след простыл. Юлька – всю жизнь безотцовщина. Столько лет тебя видно не было, а теперь явился, не запылился.

– Как не было? А в позапрошлом году Юлька у меня в деревне месяц жил? Жил. Я его кормил? Кормил. Кого хочешь спроси. У самого Юльки и спроси. Мы с ним огород копали. Картошку. Да я б сам взял Юльку, да не при деньгах я нынче...

Продолжая монотонно бубнить свое, он постепенно начал скисать.

У соседки одутловатые щеки побагровели так, что едва не лопались, а глаза налились гневом, как у бешеного быка. Она, уверенная в своей абсолютной правоте и чувствующая свое преимущество, напирала на него так, что Валентину даже стало беднягу жаль. Вот вредная тетка!

Алкаш, у которого иссякли все доводы, только тяжело дышал и скалился прокуреными зубами, не находя слов для достойного ответа.

Пока они так по-свойски выясняли отношения, Валентин стоял в сторонке. Курил. Слушал.

Когда алкаш под натиском преобладающей силы противника наконец ретировался, он поднялся к себе наверх и сразу завалился спать.

Наутро, как проснулся, опять поехал в интернат. По дороге закупил Юлику яблок, бананов, конфет, присовокупив к ним до кучи брикет мороженого.

Как бы с ним поговорить? Через директора – вот как.

Директор был на месте.

– Вот что. Не надо его в детдом. Я забираю Юлика к себе. Вы же сказали, что я могу быть его опекуном.

– Валентин Сергеевич, моя прямая обязанность предупредить вас, что оформление опекуна – довольно длительная процедура даже при благоприятных обстоятельствах. В вашем же случае без волокиты не обойдется. Вы же гражданин другого государства, так? Могут и не разрешить. Поэтому советуем вам начать по упрощенной схеме. Оформите доверенность на краткосрочный период, заберете мальчика на лето, а потом, если не передумаете, спокойно займетесь опекуном.

– Хорошо.

Ну вот. Сам не ожидал от себя. Еще чуть-чуть – и назад дороги уже не будет. Следанного не воротишь, как говорил его покойный отец. И куда он теперь с Юликом да еще в придачу с Кнопкой? К матери? Это исключено!

Пять лет назад, когда еще был жив отец, Валентин сблизился с Татьяной, своей сослуживицей. И влюбился, как не влюблялся ни до, ни после этого. У Татьяны была дочь Настя трех лет. Мать, вознамерившаяся узнать о новой пассии сына побольше, организовала в ее честь воскресное чаепитие, на которое Татьяна пришла с Настей. Мать увидела девочку – и в слезы. Произошло объяснение. Зачем ему чужой «довесок»? Зачем он берет на себя лишнюю обузу? Потом всю жизнь жалеть будет. Он пытался протестовать, возмущался. Позже она в его присутствии и под его нажимом позвонила Татьяне и просила прощения. Но как! Только подлила масла в огонь. То ли удар, нанесенный по Таниному самолюбию, был слишком силен, то ли мать действительно как в воду гляде-

ла, так или иначе их отношения с Татьяной постепенно сошли на «нет». Он вернулся в родительский дом. Он еще тогда не знал, что маленькое колебание имеет обыкновение перерастать в большую проблему, если это колебание не убить в себе в зародыше; как не знал, что за каждым знаковым поступком мужчины стоит женщина. Жена, любовница, одноклассница, просто случайная прохожая или вот как у него – мать. Это неоспоримая, непреложная истина.

После интерната его посетила гениальная мысль сходить проконсультироваться к адвокату. Вот он конкретный балбес! Почему сразу не пошел?

Адвокат проникся его ситуацией и сказал: все недвижимое имущество наследуется наследником по прямой, коим единолично является внук покойной Юлиан, и на данный момент продавать его никак нельзя, потому что в таком случае будут ущемлены интересы несовершеннолетнего отрока, все четырнадцать лет своей жизни находившегося на иждивении наследодательницы. Вот исполнится оному полных восемнадцать лет, тогда и делайте, что хотите, а пока – нет.

Вот так. Вот и съездил за наследством, называется. Только это уже не имело никакого значения; как оказалось, под влиянием какого-то безотчетного чувства намерения у него теперь приняли несколько иную установку. Из материнского дома ему придется, конечно, уйти. Подыщут с Юликом квартиру, ничего, как-нибудь проживут... С Ольгой тоже придется завязывать. Какая из нее мать четырнадцатилетнему пацану? Смешно. Она сама еще девчонка...

Теперь он жил как по расписанию: в 6-00 – подъем, далее – получасовая прогулка с Кнопкой, далее – завтрак, а сразу после – хождение по инстанциям, оформление всяческих бумажек, ближе к вечеру – на рынок за фруктами и в интернат. Уже смеркалось, когда он без задних ног возвращался в дом, где его неизменно ждали собачьи лужи и экскременты, а в 10-30, наскоро перекусив, он принимал горизонтальное положение, Кнопка бесшумно пристраивалась рядышком, и они оба больше не шевелились. Потом – снова утро. И уж, само собой, никаких культурных развлечений, включая телевизор.

Утешало только одно: алкаш больше не давал о себе знать.

Когда доверенность не без личного содействия директора, вдруг проникшегося к Валентину добрым участием, была готова, он забрал Юлика в Капитолинин дом. Как директор (кстати, оказавшийся классным мужиком) и напрозорчил, без волокиты не обошлось.

А на город семимильными шагами наступало лето, кругом только и было слышно: аномальная жара. Жара, как жара. У нас в Ташкенте такая каждый год, и ничего, живут люди.

Время шло, пора было закругляться и – в Ташкент. Попутно сделали ветеринарные справки для Кнопки, а когда определились с днем отъезда, то купили ей клетку для перевозки, правда, клетка оказалась кошачьей, но Кнопка великодушно согласилась не зачитывать это мелкое недоразумение за позор.

Открытым оставался один вопрос: что делать с домом, вернее, с его половиной? Валентин попробовал завести разговор с соседкой, может, она присмотрит или подскажет, кому бы его сдать в аренду, пока они с Юликом не придумают что-нибудь другое.

– Закрой, пусть стоит, – успокоила она его. – А уж я пригляжу, чтобы этот дуралей здесь не появлялся.

За день до отъезда договорились с Юликом сходить на кладбище к маме Лене и бабушке Капитолине. Попрошаться, так сказать.

Было уже пять часов, и Кнопка вся извелась от нетерпения, просясь на улицу. Ей пообещали взять ее с собой.

Валентина будто что-то стукнуло по мозгам. Он сказал:

– Юль, мы ведь так и не сходили на улицу Лизюкова. Меня ж в Ташкенте не поймут. Был в Воронеже, скажут, а памятник их знаменитому котенку не видел. А пошли прямо сейчас. На кладбище же можно будет завтра с утра, даже хорошо, что по холодку. Поезд-то наш после обеда. Успеем.

Юлик в знак согласия кивнул.

Оказалось, что Юлик прекрасно читает по губам, поэтому проблем в общении у них не было.

Юлик с Кнопкой выбежали первыми, и пока Валентин спускался, пока запирали дверь, во дворе устроили игру в догонялки. В тот момент, когда он шел вдоль торца дома, с улицы раздался звук, от которого заледенело сердце. На миг он оцепенел, потом побежал. Завернув за угол, ослепленный косыми лучами, он сначала ничего не понял. Заходящее солнце било прямо в глаза. И все же он увидел Юлика, а в его руках поводок с пустыми лямками. Кнопки нигде не было. Спустя секунду он услышал с дороги ее истошный визг.

Все попавшие под колеса собаки визжат одинаково. От этого визга можно сойти с ума, если не закрыть глаза, не заткнуть уши.

Замолчала. Потом опять и опять... Десять шагов до нее показались ему бесконечными. Когда он, весь обливаясь холодным потом, добежал, она больше не визжала. Обмякла, но еще дышала ртом.

Дрожащей рукой он поймал первую попавшуюся машину, посадил Юлика на заднее сидение, сам с Кнопкой сел рядом с водителем, и они, как сумасшедшие, помчались в ветеринарку. Адрес-то был известен.

Не довезли. В машине Кнопка впала в агонию и затихла. Глаза ее были раскрыты, взгляд неподвижен.

Нелепо... Невероятно... Необъяснимо...

Далее все случившееся Валентин воспринимал как в кошмарном сне. Ему казалось, еще чуть-чуть и он совсем потеряет голову. Остаток дня Юлик безудержно плакал, на все попытки успокоить его не отвечал ни мычанием, ни жестами, лишь смотрел блуждающим взглядом, а потом вдруг побагровел, стал задыхаться и впал в ступор.

Спокойно, главное – не впасть в панику.

Соседки, как нарочно, дома не было. Ушла в гости к сыну.

Он думал: сейчас, вдруг, что-то произойдет, и этот кошмар кончится.

Не произошло. Было уже совсем темно, когда он вызвал скорую. Через полчаса приехала фельдшерница и увезла Юлика в больницу, а ему велела дожидаться утра.

Заснуть не получилось. Всю ночь он пролежал на диване, вытянувшись пластом и тупо уставившись в потолок, по которому двигались тени. Временами ему казалось, что стены в доме живые, и они качаются.

Едва рассвело, поехал в больницу – утопающее в зелени длинное двухэтажное белое здание за чугунной оградой.

Когда в приемном покое он справился о Юлиане Гелио-Хризумовском, ему сказали, что ночью больного с такой фамилией перевели в психиатрическую.

Он подождал несколько минут, прохаживаясь взад и вперед по вестибюлю, рассматривая и ничего не видя стенды с плакатами о СПИДе и гепатите, пока не вышел дежурный врач – высокий брюнет в салатового цвета одежде, под которыми угадывалось смуглое тело, поросшее темными волосами, с кипой бумаг в прозрачной папке.

Врач сказал:

– Думаю, это надолго. А вы как хотели? Сами ж знаете: ребенок у вас проблемный. Аутизм. Отставание в умственном развитии. И с неврологией тоже не все в порядке. Еще целый букет заболеваний...

Они постояли молча, переминаясь с ноги на ногу. Обоим хотелось попросить о чем-то друг друга, но они не знали, о чем.

Пока Валентин шел к выходу, врач смотрел ему вслед; он ошущал этот взгляд спиной, и ему было так неуютно под этим взглядом, так хотелось побыстрее выйти на воздух из этого пропахшего дезинфекцией и медикаментами помещения, что он не выдержал и побежал. Единственным желанием его было – уйти подальше от этого места.

Он долго бродил по тенистым улочкам. В воздухе парило, как перед грозой, порывы ветра обдавали душным зноем. Была суббота. Мальчишки гоняли мяч. Кажется, он даже пару раз машинально сделал им пас, когда мяч прилетел в его сторону. Женщины выгуливали младенцев в колясках. Мужчины сражались в шахматы или забивали «козла». Неожиданно он вышел к реке. Река, неспешная и величавая, текла бесшумно. В синей воде отражались какие-то строения. Противоположный берег казался пустынным. С правой стороны к городу подступала плотная пелена облаков.

Потом он спросил у прохожего, как проехать к психбольнице. Ему подробно объяснили.

Четыре года назад его отец сделал страшную вещь, о которой у них в доме вслух не говорят и не обсуждают. Он влил себе в горло бутылочку уксусной эссенции. После чего он долго лежал в больнице. Сначала в реанимации, потом в общей палате, но говорить он больше никогда не мог. Вплоть до самой смерти. А потом мать сама отвезла его в психбольницу. Там он вскоре и умер. Валентин виделся с ним там незадолго до смерти. Это был не его отец. Это вообще был уже не человек.

Психбольница. В народе говорят: «дурка». Он туда не поехал.
Расхотелось.

Сегодня, завтра или через полгода, но что-то в этом роде должно было случиться. А ему надо ехать. Билеты-то на руках. Который теперь может быть час? Как бы на вокзал не опоздать... В конце концов, кто он ему, этот Юлик? Никто. Седьмая вода на киселе. Так в чем проблема? Да, у него был благородный порыв – он хотел взять чужого мальчишку, к тому же инвалида, на воспитание, но у него ничего не вышло. Кстати, это правда.

Договориться с собственной совестью не составило труда. Она его и успокоила: не заморачивайся, государство о нем позаботится лучше тебя, ведь ты даже о себе не можешь толком позаботиться, не то, что о других. Так что валяй, со спокойным сердцем езжай-ка ты в свой Ташкент и больше ни о чем не думай.

И вот еще что: сразу же по приезду он пойдет в ювелирный и купит Ольге кольцо, а потом выяснит с ней отношения. И пусть мать только попробует на этот раз встрять; имеет же он, в конце концов, право на личную жизнь!

* * *

Когда сын приехал из аэропорта, Анжела Дмитриевна крутила малину. Валентин сбросил в передней кладь и вскользь поцеловал ее в розовую, свежешлифованную щеку. Его вид ей не понравился. Лицо – небритое, помятое, почерневшее. Взгляд – хмурый. Голодный, наверное, решила она. Но сын, ничего толком не рассказав, предпочел сразу закрыться в своей комнате.

Спустя какое-то время она сама постучалась к нему. Раз, второй, третий... Наконец он открыл.

– Валюш, до тебя прямо не достучаться. Что, так занят?

– Просто не слышал. За компом сидел.

– Валюш, ты, как приехал, так ничего подробно и не рассказал, есть там наследство, нет?

– Да нет, мам, там никакого наследства! С чего ты взяла? Ну, был когда-то у деда дом, и что теперь? Посмотрел я его...

– Ну и?..

– Так себе дом. Даже не дом, а барак. И тот муниципалитет себе забрал.

– А что ж ты тогда там так задержался?

– А ты что – телевизор не смотришь? Вулкан надымил. Все рейсы отменили. Видела бы ты, что в Москве делается! Аэропорт забит под завязку.

– А-а-а... Ну, а в доме есть что ценное?

– Какой там! Так, по мелочи, из пожиток – хлам один.

– Ну и ладно. Как говорится, никогда хорошо не жили, стоит ли начинать? Какая там погода хоть была? Дожди?

– Да нет, жарко. Жарче даже, чем у нас.

– Надо же? Ну, ладно, я пошла. Мне еще малину крутить надо. Все ж хорошо, что ты съездил. Уважил теткин память. На могилу-то хоть сходил?

– Сходил.

– Молодец. Порядочным человеком я тебя воспитала. Я всегда говорю: спешите творить добро, а то другие вас перегонят. Я вот тоже, пока тебя не было, к нашему дорогому папочке на кладбище съездила...

– ...Слушай, Валька, а ведь выходит, что из Гелио-Хризумовских на свете только ты один и остался?

– Да, мам, выходит, что так...

ПОЭЗИЯ

Время отсчитывать осень

* * *

Сеется сердце сквозь трещины мелкой солью.
 Солнечный луч на воздухе нарисован.
 Время отсчитывать осень – не с первого, а с нуля.
 Что остается, когда опадают листья?
 Только пустые руки в небрежной разметке линий.
 Только земля под ногами. И вся – целиком – Земля.

Листья, а чуть позднее – ветра и ливни.
 Если на фоне осени ты не бываешь лишним,
 то, вероятно, за счет избытка пустых пространств.
 Небо холодными пальцами гладит город.
 Осенью кровь превращается в пыль и горечь.
 Осенью кровь пахнет дымом ее костра.

До ноября дотянуть, а потом – неважно.
 Ты на него поднимаешься, как на башню,
 чтоб поглядеть на прошлое, а пока
 кто-то включил саундтрек к долгой ленте
 твоих ошибок:
 возле подъезда дети поют, фальшивя,
 старую-старую песенку про бегущие облака.

* * *

Этот самолетик летит на боли.
 Только потому он летит над бойней,
 над бескрайним полем жестокой смерти,
 в небе алой точкой летит и светит.

А вон тот, что прямо над головой –
 он летит иначе: своей любовью.
 Это не отменит ни смерть, ни бойню.
 Но сильнее тот, кто идет с любовью.

Руку протяни, в темном небе шаря.
 Сколько их – один? или все же двое?
 Просто жизнь большая, малыш, большая.
 Столько самолетиков над тобою...

**Вика
ОСАДЧЕНКО**

*Родилась в 1980 году в Ташкенте.
 Окончила факультет журналистики ТашГУ.
 Участник Ташкентских открытых фестивалей поэзии, удостоена приза зрительских симпатий «Глиняная книга» на 5-м Ташкентском открытом фестивале поэзии.
 С 2006 г. член Союза писателей Узбекистана.
 Автор сборников: «Пейзажная лирика», «Егоркины сказки», «Воздух», публиковалась в журналах: «Звезда Востока» (Узбекистан), «Книголюб» (Казахстан), «Новая Юность», «Дружба Народов» (Россия), «Интерпоэзия» (США), альманахах «Преддверие», «Сегодня», антологии «Анор».*

* * *

Кому-то маска, а кому-то метка.
 Кому-то легче, а кому-то лучше.
 Не заняла ли я чужое место?
 Как странно жить вполне благополучно.

Как странно выходить из дому к людям,
 отбрасывая тень, имея голос.
 Как странно говорить про все, что любишь,
 всего одним-единственным глаголом.

* * *

Просто раковина нарастает наружу,
 а моллюск отступает внутрь,
 и твоё окружение смотрит все строже,
 если ты берешь не ту ноту.

И пока ты строишь на диссонансе
 эту жизнь и попутно рифму,
 безголосый песок день за днем заносит
 скорлупу улитки, тростник, отбросы,
 острый знак перевернутого вопроса
 и к нему плывущую рыбу.

* * *

Вскрываешь драгоценную бабочку,
 чтобы понять, как она работает.
 Не находишь внутри нее
 никаких механизмов –
 только кровавый комочек
 мертвого сердца.
 Вертишь его между пальцев.
 Самое время сказать,
 что волшебства не было.

* * *

Не сказал ничего.

Словно в гости зашел с ночевой,
 а наутро в дорогу.
 Дотянул свою жизнь бечевою
 до условленной точки.
 Шел дотла разворован.
 Искал, как ты знаешь, второго.
 Было семь годов тучных,
 а восемь, как водится, тоших.

В самый полдень пустыне
 надежду оставь, что остынут
 ночью камни.
 Осы, псы ли...
 Не кровит – мелкой пылью сыплет.
 В серых венах песок бессилья.
 Не удержишь руками.

Там, где пусто,
 головой ни во что уткнуться.
 Вот и устье.

Дальше – море.
 Тонет сердце его немое
 лодкой утлой.

Накорми эту боль собою.
 Невесомых небес соборы.
 Возвращаются звезды в улы.

Тонет сердце его немое
 там, где море грехи замолит,
 даст с ладони рыбешкам узким.

И встает над чужим простором –
 легкой радужною каймою,
 новым утром.

проза

Листья тутового дерева

Рассказ

Было время!
Было счастье!

Утром, днем, вечером, на пыльной улице, на заснеженной улице, на залитой лужами улице, мы, пацаны, гоняли в футбол. Мы могли делать это бесконечно. До одури, до темноты, до угрожающих криков взрослых: – Если ты, паразит, сейчас же не придешь домой!..

Мы всегда были на улице. И поэтому знали о ней и наших соседях все.

Мы знали, в какое время придут молочницы, когда придет керосинщик, а когда старьевщик. Когда инвалид войны дядя Юлдаш развезет на своей бричке уголь и станет угощать нас конфетами, карамельками-подушечками, перемешанными с махоркой. Знали, что рано или поздно забредет на нашу улицу неизвестно откуда Сема-дурачок со своей балалайкой.

Сема-дурачок... Он принадлежал всем улицам.
И все улицы принадлежали ему.

Мы, мальчишки, относились к существованию Семы с веселым любопытством. С его круглого монголоидного лица не сходила улыбка. То искривляя, до ушей, то смущенная, испуганная, если кто-то кричал на него или пугал его.

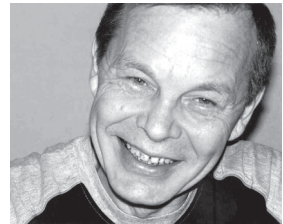
Ему можно было дать и 25, и 40 лет. В любую погоду Сема ходил в тельняшке, пиджаке и разноцветной шапочке, похожей на тибетейку. Такой, как у писателя Горького на фотографии в учебнике.

Репертуар у Семы был обширный, заемный и путанный. Пел он шепеляво, но вдохновенно: перевирая слова, связывая на ходу обрывки разных фраз и мелодий, дополняя их своими озарениями. Словом, доводил песни до ума. До своего незлого, свободного от сомнений ума.

Сема перемешался в пространстве семяшками шажками. Всегда неожиданно, словно вспомнив о чем-то, он вдруг останавливался и начинал петь.

Как всякий дурачок он был доверчив.

Взрослые мужики иногда заводили Сему в пивную у реки, возле бани, и подпаивали. Для забавы они учили его частушкам с грязными словами. А потом гоготали, слушая, как он пел их под балалайку. Нам, мальчишкам, было жалко

Александр КОЛМОГОРОВ

Родился в 1951 г. в Ташкенте. Актер, режиссер, драматург, поэт. Член Российского авторского общества и Союза театральных деятелей России. Окончил факультет русской филологии НУУз и театральную студию при Русском драматическом театре им. Горького. Работал в Молодежном театре Узбекистана, театре «Ильхом», Театре Ленинского комсомола (г. Ростов-на-Дону). Стихи публиковались в альманахах «Молодость», «Малый шелковый путь», в журнале «Новая Юность».

А. Колмогоров автор поэтических сборников «Созвучие» (1981), «До востребования» (1990), «Глиняная игрушка» (2010). С 1997 г. живет в Москве.

его. «Зачем его поить?! – думали мы. – Ведь он и так всегда такой улыбочивый, смешной, добрый...»

Неожиданно приходила какая-то пожилая сухонькая женщина. Она стыдила мужиков и уводила Сему.

А в футбол мы играли всегда в одном и том же месте.

Между деревянным забором дома учительницы Афанасьевой и стеной дома соседей-узбеков Согдиевых, которые жили напротив. Именно в этом пространстве мы были в безопасности: взрослых этих домов наш футбол не раздражал.

Семья Согдиевых состояла из мужа и жены, их сына подростка Ибрагима и двух его старших сестер – Наргизы и Юлдуз. Соседи уважали Согдиевых за спокойный нрав, доброжелательность. А мы, пацаны, были счастливы от того, что во дворе дома Согдиевых жил великан.

Великан! Гигант! Огромный тутовник! Его крона нависала над всем двором, виноградниками и даже над переулком, разделявшим двор Согдиевых с двором соседнего дома. Когда тутовые ягоды созревали и, падая с дерева-великана, застилали белым ковром траву во дворе, мама Ибрагима выходила на улицу и звала нас:

– Болалар! Дети! Идите ягоды кушать!..

Под предводительством Ибрагима мы шли в его двор. Сбирать, а вернее – поедать, пожирать до отвала эти нежные сочные ягоды. И надо же! Именно в этом дворе, где росло необычное дерево, выросла и дочь наших соседей, красавица Наргиза.

Красавица!

Когда она выходила из дома, все – и взрослые, и дети – заглядывались на нее. Это была настоящая восточная пери!

Смутно помнятся черты лица Наргизы. Но не забыть ощущение праздника, радости от того, что есть такая красота на свете! И чувство гордости от того, что эта красота живет рядом с нами, на нашей улице!..

Однажды Сема забрел к нам на Набережную и увидел Наргизу. Она выходила из своего переулка. Сема остановился. Открыл рот. А потом поднял голову и стал рассматривать что-то в небе. Может, хотел понять, откуда спустилась на землю такая красавица?

Сема редко смотрел прямо перед собой. Чаше всего взгляд его был устремлен или вверх, к небу, или на землю, под ноги.

Когда Наргиза скрылась за поворотом, Сема вдруг запел:

– Здравствуй, моя Мурка,

здравствуй, дорогая!..

Ты много-много радости

детискам принесла-а-а!..

Он пел с такой нежностью и радостью, каких в его голосе мы не слышали никогда. Спел. Вдохнул. Скромно встал у входа в переулок возле фонарного столба. Стал ждать, когда небесной красоты девушка появится снова. Стоял он долго. Несколько раз в пылу футбольной борьбы мы налетали на Сему. Несколько раз в беднягу попадал мяч.

Наконец, кто-то крикнул:

– Сема! Отойди в сторону! Чего ты тут встал?!

На что Сема улыбнулся до ушей и сказал:

– Сема здет красивую девуску.

Мы остановили игру. Кто-то сказал:

– О! Видали? Это он Наргизу ждет!

Послышались веселые голоса:

– Ой! Семка в Наргизу влюбился!

– Сема! Иди домой! Она не скоро придет!

После встречи с Наргизой Сема стал появляться на нашей улице каждый день.

Обычно он останавливался у входа в переулочек и, задрвав голову, сквозь провода с птицами и ветви деревьев разглядывал небо. Если ноги его затекали, он присаживался на корточки и наблюдал жизнь муравьев.

Мать Наргизы, обратившая внимание на необычного часового, выносила ему иногда яблоко или кисть винограда.

Никто не трогал, не гнал его.

Впрочем, нет!

Живодер!

Вот кому не нравилось, что Сема зачастил к нам.

Живодером мы называли соседа, дом которого находился в самом начале нашей Набережной улицы. Вообще-то его звали дядя Петя. Он работал охранником пересыльной тюрьмы. Это был толстый мужчина с неожиданно маленькой головой. Жена Пети была очень похожа на него и фигурой, и характером.

Такого забора, как у них, мы не видели ни у кого! Высоченный! Из больших квадратов серой жести! А наверху – несколько рядов колючей проволоки! Как на «пересылке», в тюрьме.

Живодер был единственным человеком на улице, который не возвращал залетающие в его двор мячи. Он выносил мяч только для того, чтобы медленно, с садистским удовольствием, разрезать его ножом на наших глазах. Такой подлянки не вытворял никто!

Ну, поворчат соседи, если мяч попадет на грядку с помидорами или цветами, и все равно возвращают его нам.

Мы объявили Живодеру войну! Наша мальчишеская ненависть кипела! Мы забрасывали ему во двор дохлых крыс, «взрывпакеты» – огромные газетные кульки с пылью. Из свинцовых пугачей, выменянных у старьевщика, стреляли по его забору глиняными пулями, начиненными порохом. Писали на этом заборе мелом или обломком кирпича всякие скверные словечки.

Взрослые тоже терпеть не могли Петю. Поначалу они пытались хоть как-то взрывать его. Но он так на всех орал, такими матюгами, что и взрослые плюнули, махнули на него рукой. Перестали здороваться с ним.

Любоваться красотой Наргизы нашей улице пришлось недолго.

Однажды осенью ее родители стали приглашать соседей на свадьбу. В их дворе вокруг тутового дерева расставили столы, за которые сели взрослые гости. Зазвучали рубабы, дойры. На айване под занавешенными клетками с перепелками-беданами появился певец. Он был в розовой сорочке и темно-зеленой праздничной тюбетейке. Прикрыв от удовольствия глаза, он запел свадебную песню. Гости чинно пили из пиал водку, которую им разносили в чайниках незаметные помощники хозяев застолья.

В углу двора, в стороне от взрослых, за двумя низкими столиками сидела ребятня. На каждом столе стоял ляган с пловом, лежали лепешки. Ибрагим в белой рубашке ходил по-хозяйски от стола к столу. Показывал нам, как нужно есть плов руками. Старался быть важным и серьезным. Но когда шепотка риса рассыпалась у кого-то из нас на стол или колени, он не выдерживал и прыскал в кулак.

Жених увез Наргизу на белой «Волге». И наша улица как-то сразу опустела, осиротела.

В тот день было особенно жарко. Живодер сидел в своей выцветшей шляпе под палящим солнцем, помахивал газетой «Правда», как веером, и ждал момента, когда же наш мяч отскочит к нему или перелетит через его забор, чтобы насладиться как следует нашим отчаянием и унижением.

Мы, футболисты, были в поту, в пыли и уже собирались на озеро в парк Шумилова, когда появился Сема-дурачок. Только тут мы вспомнили, что его давно не было видно.

Он похудел. При нем не было балаалайки. Болел, что ли? Своей шаркающей походкой он подошел к переулку, ведущему к дому Согдиевых. Скромно встал у входа в него.

– Опять приперся? Иди отсюда, дурак! – крикнул Семе Живодер.

– Эй, дядя, не трогай его, – сказал Колька, самый старший из нас.

Живодер побагровел.

– Заткнись, шпана! Опять в колонию захотел?

Колька, действительно только что вышедший из колонии, сплюнул себе под ноги.

– Если б такой козел, как ты, мекал в нашей колонии, ему бы там быстро рога пообломали.

Живодер так резко вскочил со своей табуретки, что опрокинул ее, а его шляпа слетела с головы в пыль, скопившуюся возле забора.

Колька со смехом отбежал подальше, на всякий случай подобрав увесистый камень.

– Сучара! Мразь уголовная! – кричал Живодер.

Двигаясь вперед, наблюдая за Колькой и его руками, он не заметил, как сблизился с Семой, столкнулся с ним.

– У, придурок! – заорал он. – Тебе что сказали? Вали отсюда!

Сема сначала зажмурился от этого ора, заслониł голову руками. А потом улыбнулся и объяснил:

– Дядя, Сема Наргизу здет.

– Какой я тебе дядя, дурак?! Нету твоей Наргизы! Увезли ее... к чертовой матери!

Живодер так разозлился еще и потому, что он и его жена были, наверное, единственными людьми со всей нашей улицы, кого на свадьбу Наргизы не пригласили.

Сема растерянно хлопал своими длинными ресницами.

– Нету Наргизы... Ай-я-яй... А сто теперь Семе делать?

– Сто делать, сто делать! – злорадно передразнил его Живодер. – Повеситься!

Вот сто делать!..

Сема задумался. Посмотрел на небо.

– А-я-яй... Нету Наргизы...

Повторяя эти слова, сокрушенно хлопая себя руками по бокам, Сема зашаркал по пыльной улице прочь.

– Козел ты, Петя, – сказал Колька, – вонючий козел.

Никто не знает, что случилось потом.

Но с того дня на нашей улице Сему-дурачка больше никто не видел.

И на других улицах тоже.

Во всем нашем Шумиловском городке его больше никто никогда не видел.

Люди посудачили немного о нем. Пожали плечами.

И забыли.

Было время!

Уплыло, как мячик по реке Кара-Су.

Укатилось, как стеклянный шарик под кровать.

Разномастные дома на улице нашего детства однажды снесли. Со всеми их колодцами, садами, виноградниками, банями, курятниками, тандырами и прочими признаками человеческой жизни. Вдоль берега реки Кара-Су встали огромные коробки административных зданий метрополитена.

И все мы – набережные, прибрежные люди, соседи – растворились в нашем огромном Ташкенте. А потом сквозняком по судьбам рванул ветер перемен. Кое-кого из нас погнал он по всему миру, как листву с веток тутового дерева.

ПОЭЗИЯ

Летят заветные моменты через года

* * *

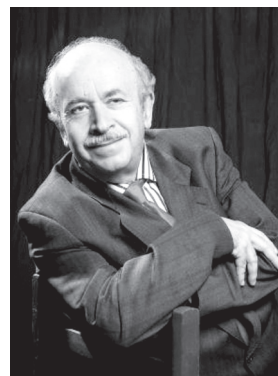
Один нашел – но думал, что терял.
 Другой терял – а верил, что находит.
 Один не знал, что все сметет обвал,
 Другой не ведал, что заря восходит.
 Один играл – но думал, что любил.
 Другой любил – а верил, что играет.
 Один был зол, но думал, что простил,
 Другой же – мстил тем, кто вины не знает...

Один топил, надеявшись спасти,
 Другой спасал – в тисках души разлада...
 Один молчал, хоть должен был сказать,
 Другой сказал, когда смолчать бы надо...
 Один все шел, не ведая, куда –
 И вышел к счастью в вечно юных веснах.
 Другой, не сомневаясь никогда,
 Все ж заблудился в трех – тех самых! – соснах.

Один сказал: «Не знаю ничего...»
 Другой вскричал: «Я знаю жизни цели!»
 Но на вопрос: «А что важней всего?»
 Они никак ответить не сумели.
 ...Не знал ни тот, кто знал все наперед,
 Ни тот, кто падал, веря, что восходит, –
 Что, находя, – теряют в свой черед,
 И что в потерях – главное находят...

Вечер устал...

Вечер устал.
 И шептал
 Контуры слов,
 игры снов.
 Месяц был мал.
 Он сиял,
 В листьях кустов,
 юн и нов.
 Ветер не спал,
 все искал
 Чей-то совет
 иль привет.

Андрей СЛОНИМ

*Родился в Ташкенте
 в 1949 году. Окончил
 Ташкентский
 театрально-
 художественный
 институт, режиссер-
 постановщик,
 театральный
 сценограф,
 поэт, публицист.*

*Заслуженный работник
 культуры Узбекистана.
 Автор поэтических
 сборников:
 «Перекрестки»,
 «Мгновения», а также
 многих поэтических
 публикаций в журналах
 и альманахах Узбекистана
 и России. Председатель
 Литературно-творческого
 объединения «Истоки».*

В контурах скал
 был провал,
 В шорохах лет –
 жил секрет...

Чей был удел –
 не у дел?
 В чем же урок
 был не впрок?
 Что тот, кто смел, –
 не сумел?
 Где дух в залог
 сдать он смог?
 Страстью пылал?
 Иль – желал
 Пресной тиши
 для души?
 Мир воссоздал?
 Иль – раздал
 Пенье души
 за гроши?

Фразу скажи
 и свяжи
 Пестрый платок.
 Между строк –
 Сладенькой лжи
 виражи,
 Фальши залог
 и предлог...

Горечи рать...
 Как прогнать
 Духа порок
 за порог?
 Ждать? Иль – дерзать,
 чтоб сорвать
 В случай ли, в срок, –
 свой цветок?..

Ночь наплыла
 И ждала
 Сердца река
 маяка.
 Грусть замерла,
 как скала, –
 Так далека,
 так близка...
 И огонек
 был далек.
 Что он кричал
 в кручи скал?
 Что ж он изрек?
 Зов? Упрек?..
 ...Вечер не знал.
 Он устал...

Следы

На камне – след воды,
 на влаге – след огня.
 На Солнце – тьмы следы,
 на сумраке – след дня.
 След неба на земле –
 и след беды на счастье...
 Огня след – на золе.
 В затишье – след ненастья.
 Во встречах – след разлук,
 а в расставаньях – встреч.
 В тиши оставил звук
 свой след и эха речь.
 В пруду заросшем – след
 пучины океана.
 Во тьме крошечной – свет.
 В сиянье – след тумана...
 В злых стужах – лета жар,
 а в знойности – мороз.
 Оставил след пожар
 на белизне берез.
 В стремлении – запрет.
 В унынье – след горенья.
 В сомненьях – веры след,
 а в вере – след сомненья.
 В весельях – лед застыл.
 По будням – бег коня.
 На слабости – след сил,
 на хрупкости – броня.
 На юности – кровь ран.
 На седине – зов детства,
 Порыв, что правдой дан,
 И – полуправд наследство...
 В горении – мороз,
 в самосоженье – лень,
 В сияньях – горечь слез,
 и – собственная тень.
 У скромности внутри –
 бурлит гордынь тревога.
 В священной цифре «три» –
 следов различных много...
 След засух у воды.
 Мечтаний след вдали.
 Весомости следы
 в отрыве от земли.
 А через шаг, что твердь
 впечатает в движенья, –
 Свой след оставит смерть
 на таинстве рожденья...

Эхо

От легких шалостей луны
 На ряби пляшущей волны
 Мерцали блики,
   блики,
   блики...
 Дрожали волны чередой. А
 над играющей водой –
 Лишь птичьих клики,
   клики,
   клики.
 И повторялись много раз
 Осколки слов, обрывки фраз,
 Порывы смеха,
   смеха,
   смеха.
 Над темной кромкою лесов
 Вдаль улетевших голосов
 Носилось эхо,
   эхо,
   эхо...
 На давних памяти лугах,
 В жаре июльской, и в снегах –
 Все зори яркие,
   ярки,
   ярки.
 Они сверкали, как алмаз.
 И были взоры чьих-то глаз,
 Как солнце – жарки,
   жарки,
   жарки.
 Из лоскутков был сшит портрет,
 И тот неясный силуэт
 Парил, как вежа,
   вежа,
   вежа.
 А отзвук смысла и основ
 Тех пламенных и внятных слов
 Твердило эхо,
   эхо,
   эхо...
 Большая круглая луна
 Была собой упоена, –
 И сердце плыло,
   плыло,
   плыло
 По тихой заводи тех дней,
 По искрам радостных огней...
 То счастье – было,
   было,
   было...

Над вязкой зыбкостью песка
 Вздыхала светлая тоска,
 Прибоем моря,
   моря,
   моря...
 По ветру эхо в этот час
 Носило отголоски фраз,
 Им робко вторя,
   вторя,
   вторя.
 ... Там, где звенел поток на дне, –
 Любовь промчалась на коне,
 А эхо пело,
   пело,
   пело.
 И над обрывом, в высоте
 Свой вальс кружили в темноте
 Душа и тело,
   тело,
   тело...
 Глухих сомнений злую рать
 Уж поздно было отражать –
 Иль слишком рано,
   рано,
   рано.
 Но перед грудью серых скал
 Вдруг голос эха прозвучал
 Светло и странно,
   странно,
   странно.
 Был многолюден пестрый бал.
 Бил тамбурин, смычок играл.
 Все гости – в пляске,
   пляске,
   пляске.
 Куда-то нес их бурный бег.
 Клялись в любви, любви навек
 Друг дружке маски,
   маски,
   маски.
 Но колкий ледяной испуг
 Возник сквозь бурный танец вдруг
 В разгаре лета,
   лета,
   лета.
 И эхо услышало вмиг,
 И повторило сердца вскрик,
 Летая где-то,
   где-то...
   где-то...
 Продрогли за окном кусты,
 Их ветки – голы и пусты.

Ведь листья пали,
   пали,
   пали.

И дождь всю ночь искал ответ:
 Да было это – или нет? –
 В туманной дали,
   дали,
   дали?..

Затем, щедрее всех даров,
 Зима стелила свой покров
 Равниной меха,
   меха,
   меха.

А кто-то в городе не спал.
 Кого-то звал. Но отвечал
 Лишь голос эха,
   эха,
   эха.

* * *

Летят заветные моменты
 Через года,
 Нам страстно шепчут комплименты
 И льстят всегда.
 Как бы не зная, где граница
 Всех правд – и лжи,
 Преображают гримом лица,
 Как миражи...

А после – поспешат упрятать
 Карандаши,
 И как невесту – ложь сосватать
 За зов души.
 Так, с обаянием слов всех неясных
 Лицом к лицу, –
 Неправды в платьях белоснежных
 Идут к венцу.

Им пишет письма жаркой строчкой
 В игре искусств
 Ум, обвенчавшись с оболочкой
 Пустейших чувств.
 Но очень скоро, и без мыла,
 Смыв макияж,
 То, что незримой ложью было, –
 Войдет в свой раж.

Чтобы в осанке горделивой
 В глазах людских
 Казаться самою правдивой
 Из правд земных, –

Ей важно свежестью улыбки
 Дух усыплять,
 И слабости, и все ошибки
 В нас оправдать;

Поет, в сон погружая совесть,
 Та ложь весь век,
 Что слов и дел реальных повесть
 Чиста, как снег.
 И все заветные моменты
 Сквозь рубежи
 Твердят в той песне комплименты
 Сладчайшей лжи...

* * *

Полу-улыбка, полу-шутка,
 Полу-походка, полу-смех...
 Полу-настырно, полу-жутко –
 Полу-провал, полу-успех.
 Полу-игра, полу-любезность,
 Полу-сердитость, полу-страсть.
 В полсилы полу-бесполезность
 Полу-достигнуть полу-власть...
 Полу-устой, полу-забава,
 Полу-понятье, полу-чутье...
 Полу-триумф и полу-слава,
 Полу-отчеты полудуш...

Полу-степенность, полу-спешка,
 Полу-молчок, полу-порыв.
 Полу-упрек, полу-насмешка,
 Полу-роман, полу-разрыв...
 Полу-прикол, полу-серьезность,
 Полу-весомость полуправд,
 Полу-покой, полу-нервозность,
 Полу-привычки, полу-нрав...
 Полу-резон полу-суждений,
 Полуфинал, полу-почин,
 Полу-пролог полу-рождений,
 Полу-итог полу-кончин.

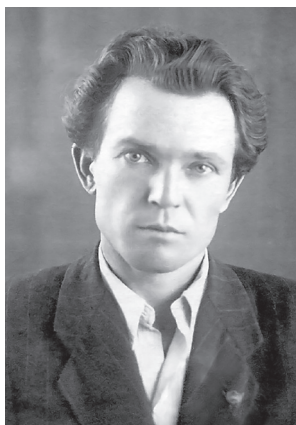
Полу-весомость полумеры,
 Полу-ажур полу-одежда,
 Полу-влекомость полу-веры,
 Полу-восторг полу-надежд.
 И взор Любви, уж полускрытый
 В полубреду, в полу-уме, –
 Полулюдьми полузабытой,
 Полуубредающей в полутьме...
 ...А полусумрак, мглою манящий,
 Все ждет, что в полуснах глубин
 Сумеет кто-то настоящий
 Разбить цепь горьких половин...

проза

Илона ИЛЬЯСОВА

Интервью с отцом

(Памяти Явдата Ильясова)

Девять повестей и романов, четыре сценария, сотни стихотворений, статей и переводов – таковы итоги творческой деятельности Явдата Ильясова, жизнь которого оборвалась на взлете его таланта в 53 года (1929 – 1982). Почти все его книги – «Тропа гнева», «Пятнистая смерть», «Черная вдова», «Согдиана», «Месть Анахиты», «Заклинатель змей» – стали бестселлерами и неоднократно переиздавались в Узбекистане массовыми тиражами. Некоторые произведения писателя публиковались в России, Таджикистане, Литве, Словакии, Греции и других странах. Общий тираж его изданий – около 4 миллионов экземпляров.

В московском издательстве «Вече» в серии «Исторические приключения» были опубликованы романы Явдата Ильясова «Месть Анахиты» (в 2008 г.) и «Золотой истукан» (2009), в «Коллекции исторических романов» – «Согдиана» (2009) и дважды – «Согдиана» и «Месть Анахиты» в одной книге (2010 и 2011). Ташкентское издательство «Узбекистан» издало его повесть «Заклинатель змей» на узбекском языке (2011). Журнал «Жахон адабиёти» публикует, перевод повести писателя «Пестрая смерть» (2012).

Поклонники таланта Явдата Ильясова, его друзья и родственники рады, что после двадцатилетнего перерыва, связанного с переустройством мира, произведения писателя вновь востребованы и интересны новому поколению читателей. Если «рукописи не горят», что уж говорить об опубликованных книгах, хранящихся в государственных и частных библиотеках нескольких стран?

Серия переизданных книг стала достойным памятником Явдату Ильясову, горестный юбилей которого – 30 лет со дня смерти – пришелся на июнь текущего года.

Предлагаемое вниманию читателей интервью дочери с Явдатом Ильясовым, – скромная дань памяти писателя. История этого материала такова.

Весной 1982 года я позвонила отцу (с которым в детстве прожила всего лишь год под одной крышей) и попросила дать мне серию интервью. Я хотела записать историю его жизни, понимая, что это должно быть сделано. И, хотя отец сомневался в моих литературных способностях, он все же согласился, не желая огорчать меня. Свое мнение о способностях отпрысков гениев он высказал в повести «Заклинатель змей» устами одного из героев примерно так: дети великого человека не наследуют его дарование целиком – оно дробится и распределяется между ними более или менее равномерно... и мельчает. Мы договорились о том, что будем встречаться на нейтральной территории, где никто и ничто не отвлечет нас от беседы.

В прохладный и ясный апрельский день мы встретились с отцом в скверике перед большим книжным магазином на улице Пушкина, близ метро. Несмотря на его неуверенность в успешности этой затеи, в нем все же чувствовалось осознание важности этой встречи. Он явился в урочный час серьезный, нарядный, с налетом грусти

и усталости на лице и в голосе. Во время интервью в его взгляде, обращенном на меня, читалось огорчение, которое испытывает музыкант-виртуоз при звуках, извлекаемых из инструмента новичком. Однако отец, по своему обыкновению, не сказал ни слова по поводу стиля ведения беседы и просто отвечал на вопросы.

В то время о портативных диктофонах мы и не слышали, а профессиональная аппаратура, с которой сотрудники радиовещания ездили на запись – тяжелая и громоздкая бандура в кожаном футляре на длинной ручке – была недоступна для личного пользования. Не владея скорописью, я записывала только то, что успевала. По рассеянности я даже не отметила в тетради дату записи. И все же у этого давнего интервью есть одно несомненное достоинство: его подлинность. Кроме того, это было одно из последних, а, возможно, и последнее интервью с писателем. В тот день я записала только некоторые детские воспоминания отца, но в беседе он упоминал и более поздние события своей жизни.

В разговоре с людьми, близко знавшими Явдата Ильясова в разные годы его жизни, выяснилось, что сведения, которые он сообщил о себе мне и им, не всегда совпадают. В своем интервью я придерживаюсь записей, сделанных мной с его собственных слов.

Итак, интервью с отцом.

– Расскажи, как ты оказался в Узбекистане.

– Я родился в 1929 году в селе Исламбахты Ермекеевского района, в Башкирии. Моя мать Сайдикамал Хуснутдинова родилась в 1906 году. Комсомолка и кандидатка в партию, она сбежала на Урал, на завод, и бросила меня на бабушку, с которой я жил до 5 лет. Много лет спустя, в 1961 году, я был на родине и видел лесостепь, Белебеевскую возвышенность, холмы, железнодорожное полотно, реку Ик – приток Камы.

Потом мать испытала какое-то нервное потрясение, завербовалась в Среднюю Азию и уехала в совхоз имени 5-летия УзССР под Янгиюлем. Здесь она вышла замуж за пекаря Али Закирова. Когда мне было 5 лет, она забрала меня к себе. Ни метрик, ни других документов у меня не было. В 6 лет я пошел в узбекскую школу («олма» – первое слово, которое я выучил, лучше всех в классе написал его и нарисовал яблоко), в 7 – в русскую. Позднее заболел малярией – вокруг были болота, камыши, змеи.

– Ты был хорошим учеником?

– Школа для меня была забавой. Но, хотя я был хулиганом и озорником, по окончании 1-го класса в русской школе получил в награду за прилежание – книжку «Наши ясли» Зинаиды Александровой. Первая книга, которую я взял в библиотеке, была «Рваное ушко» Константина Паустовского. Из учителей помню Веру Федоровну. Когда мы жили в 1-м отделении совхоза, приходилось идти в школу 4 километра по пустынной дороге, вдоль которой стояли телеграфные столбы.

Поначалу плохо знал русский язык. У нас был демобилизованный краснокутский солдат. Как-то он провожал меня в школу и напевал частушки:

*Жил был Марков генерал,
Сволочь красную рубал.
Эй, Дуня, Дуня, Дуня, Дуня, Дуня, я!
Дуня – ягодка моя!*

*Белый крестик на груди,
Сам Корнилов впереди.
Эй, Дуня, Дуня, Дуня, Дуня, я!
Дуня – ягодка моя!*

И так далее. Когда он запел куплет о матросе, я спросил: «А что такое матрос?». Он пытался объяснить: это тот, кто по воде плавает. А я знал матрас, набитый со-

ломой. Я сразу представил себе матрас, плывущий по болоту, и спросил: «Его выбросили, что ли?». Он, отчаявшись объяснить, махнул рукой: «Подрастешь, узнаешь».

Потом наша семья переехала в русское село Новомихайловка в 3 километрах от совхоза. Здесь я три года был отличником и гордостью школы. В конце каждой четверти мне в качестве премии дарили книги, в конце учебного года – похвальные грамоты. Участвовал в художественной самодеятельности, много читал, оформлял классную стенгазету. Выписывал газету «Пионерская правда», журналы «Пионер» и «Костер».

– В каком возрасте ты начал сочинять?

– У меня была большая общая тетрадь, куда я записывал все интересное, сопровождая текст рисунками. Ребята лазили по садам, а я сидел у окна и мечтал. В 3-м классе написал первое стихотворение «Кем я буду» – жизнерадостное и веселое, но подражательное, и сделал к нему рисунок: птицы поднимают самолет, а в нем сижу я. Отправил в детский альманах железнодорожников. Ответили, что, возможно, опубликуют.

В 4-м классе я переписывался с редакцией журнала «Чиж», который издавался в Ленинграде. Рассказывал, как мы живем. Я был капитаном детской речной команды.

– Что больше всего запомнилось тебе из детства?

– Без одухотворенности природы, которая меня окружала, детство это ничего не стоит. Люди были страшны: сброд, переселенцы, лиходеи. Совхоз имени 5-летия УзССР находился за Янгиюлем, недалеко от 55 разъезда, на Чирчико-Ангренской равнине, к нему нужно было съезжать под обрыв.

В 30-е годы эта долина была настоящими джунглями – заболоченная местность, масса воды, которая текла, как ей заблагорассудится. Повсюду росли камыш, токай, тамариск. В зарослях обитали шакалы, изпод каждого куста вылетали фазаны. Водилось огромное количество змей. Кто их не боится? Во всех протоках и ручейках кишела рыба. Удочку закинешь – хоть что-нибудь попадет.

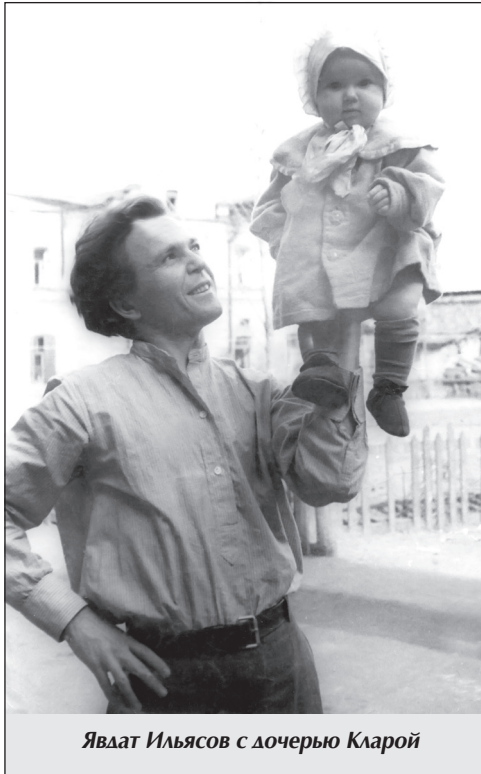
Под стрехами ютились в гнездах из соломы воробьи. Однажды слышим с ребятами – шум, визг. Змея влезла в воробьиное гнездо пожирать детенышей, живот раздулся от птенцов. Мы начали кричать, змея упала из гнезда. Зачем мы ее побеспокоили – ведь она все равно уже всех съела?

Однажды ночью змея заползла в дом. Электричества у нас не было, только тусклая керосиновая лампа. Начался крик, шум – убили змею. Мать сказала, что это болотная змея.

Возле нашего дома был участок земли: тогда он казался огромным, а сейчас – всего лишь дворик. Посадили на нем дыни. Воды много, дыни зреют. Каждый вечер, как только солнце заходит, начинается вой шакалов, как детский плач. Утром по росе мы срывали дыни наполовину объеденные шакалами, – очень любят их!

Писатели Лев Белов и Явдат Ильясов (справа)

Явдат Ильясов с дочерью Кларой

Бабка, мать отчима, думает: что делать? Кто будет всю ночь сидеть и бухать по металлу, отпугивая шакалов? Придумала. В конце огорода врыли шест, и на него на нитях, протянутых к дому, подвесили две крышки от кастрюль. На веранде спала наша семья под пологом от комаров. Нити привязывали к моей ноге. Ночью комары проникают сквозь щели в пологе, кусаются. Я сплю беспокойно, дергаю ногой. Пока крышки звенят, шакалы отходят. Потом возвращаются и съедают лучшую дыню.

Все тогда казалось безмерным: и огород, и улицы. Позже, когда я работал в «Ташкентской правде», даже город – столица – казался дырой.

За нашим домом в совхозе проходила болотная протока, а там росли камыш, гребеншик, джида, ивы, тополя. Оттуда всегда раздавались жуткие крики. Ребятишки, повторяя рассказы взрослых, говорили: это шурали, болотный черт, который забирает детей. Нам запрещали подходить к протоке. Потом выяснилось, что это кричит болотная курочка.

Однажды, когда мы жили в 1-м отделении совхоза, а школа была в центральном отделении, иду я один в школу и слышу утробный звук, тяжкий громкий стон, как будто кого-то мучают. Кругом болото, камыши, вода, ряска, кугач. Что случилось? Увидел: метрах в двух от меня змея с огромной головой разевает пасть и стонет. Когда пригляделся, оказалось, что змея заглатывает лягушку, и та стонет. Я шлепнул змею прутиком, и она отпустила жертву. Лягушка вскарабкалась на лист кувшинки. Мне было и противно, и интересно.

Все эти впечатления я впитывал. Я выходил на берег первым, увлеченный какими-то мечтами. Надо мной было такое яркое изумительное весеннее небо, пахло диким чесноком, колыхалась высокая зеленая трава. И все же матери я всегда говорил: «Когда мы уедем отсюда?». В том совхозе обычным делом были пьянки, драки. Худое место было для меня.

– Не скучно тебе жить в городе, где ты лишен общения с природой?

– Наблюдать ее можно и в городе. Сегодня утром в 5.20 началась обычная возня за окном: горлицы и воробьи. Ждут, когда им насыпят хлеб или остатки каши. И вдруг за окном на ветке я увидел ястреба – сидит, поводит головой. Я оцепенел. Он смотрел на меня через стекло. Как он оказался в городе? Я счел это за добрый знак. Ястреб – гордая птица, не сравнить с этой чепухой. Я был потрясен. Все горлицы и воробьи разлетелись.

– Что помогло тебе выживать в «худом месте»?

– Я был мечтатель. В селе Новомихайловка была полноводная река – не такая, как сейчас, обмелевшая. В 3 классе я начитался «Дети капитана Гранта» Жюль Верна. Книги ходили по рукам, колхозной библиотеки не было. Как-то иду по селу с книгой под мышкой, навстречу – дядька Остап. Спрашивает: «Куда несешь, зачем читаешь?». Не мог он понять, какой толк в книгах.

Я был маленького роста, слабый, но мечтал о путешествиях и подвигах. Я назвал себя капитаном Немо, собрал всю ребятню, которая лазила по садам. Предложил: «Давайте организуем детское географическое общество – ДГО. Сколько можно лазить по садам?».

На реке целый день работал паром «Чирчик». Ни машина, ни пешеход не могли обойтись без него. Нас, мальчишек, было человек 7 – 12. Мы приходили на «Чирчик», где паромщиком работал Табаков – бывший чапаевец с орденом Красной Звезды. Он был для нас героем. Мы боготворили его, мир его праху, он давно уже умер. Сухощавый, плечистый. Орлиный нос, впалые щеки, усы. Табаков был пьянчуга. В детстве я был влюблен в его дочь Зою.

Табаков добряк был, изумительный человек. Мы сказали ему: «Река широкая, острова. У нас нет флота!». Табаков сколотил из трех бревен плот. Через многие протоки можно было и пешком пройти, но были и широкие разливы. Табаков сердился на нас: «Паразиты! Если потопнете, Табаков будет виноват?!». Мы негодовали: «Кто потопнет?! Мы – пионеры!».

Когда Табакова на пароме сменяли, он обязательно напивался в поселковом буфете. В белой рубашке, задранных штанах, босой. Пиджак у него отнимали, чтобы не потерял. На всю жизнь я запомнил, как он, пьяный, говорил: «Кто виноват? Табаков виноват, что сыну на фронте оторвало ногу?». Табакову, как напьется, нужен был чапаевский простор! Конфеты ребяташкам покупал, ухой угошал.

Однажды мы, человек пять, поплыли на остров, взяли сырой картошки, котелок. На острове варили картошку, ловили рыбу. Об этом я написал в журнал «Чиж»¹. На все письма в 1938-1940 годах отвечал Дима (фамилию не помню) из отдела писем. Он был знаком с поэтом Самуилом Маршаком. Когда началась война, я получил от Димы последнее письмо: «У нас бомбежки, некогда заниматься играми».

– Как ты впервые услышал о войне?

– Однажды я пошел на почту – по домам газеты не развозили. Такая была халупа – наша почта. Около нее какой-то дядька спрашивает: «Война началась, слышали?». Зашел на почту, а мне говорят: «Газет сегодня нет». Тут же собралось несколько человек. Вместо газет вышел бюллетень о нападении Германии на нашу страну.

Все были уверены в скорой победе: «Подумаешь, в нескольких местах вторглись на 3 километра. Мы им дадим!». Верили в неизвестную силу, которая на границе разгромит врага. Околпачили народ! «Мы их разобьем! Еще 2-3 дня...».

В поселке до войны было 7 ларьков и магазинов, где продавалось все, что в то время могло продаваться. Один ларек даже был дежурный. Потом в ближайшие три месяца все они позакрывались. Осталось два магазина: продовольственный и промтоварный. Хлеба не стало. Начали ездить за ним в Янгиюль, но и там его не было, выдавали тесто.

¹ «ЧИЖ» – ежемесячный журнал для самой младшей возрастной группы читателей, выпускавшийся в Ленинграде детским отделом Государственного издательства (с 1935 года – ДЕГГИЗом) с января 1930 года по июнь 1941 года. Первоначально выходил в качестве приложения к журналу «ЁЖ», ориентированному на подростковую аудиторию, позже стал самостоятельным изданием. Авторы литературных материалов: Евгений Шварц, Николай Олейников, участники литературной группы ОБЭРИУ (Объединение Реального Искусства): Даниил Хармс, Александр Введенский, Николай Заболоцкий. Главный консультант и идеолог журнала – Самуил Маршак. В качестве расшифровки названия редакция предлагала, как основной, вариант Чрезвычайно Интересный Журнал (ru.wikipedia.org; www.librego.ru, и др.).

– Как твоя семья пережила войну?

– Худое было время! У меня были младшие братья Шавкат и Шанияз, сестра Рая. В 1941 году я с ребятами пошел работать на лубяной завод возчиком кенафа. Платили 10 рублей в месяц – приносил их матери.

Ходил в школу и работал. Собирал овощи, копал землю. Потом меня забрали в ФЗО – школу фабрично-заводского обучения. Примерно в течение года мы делали на Тахтапуле детали для военных самолетов.

В 1943 году отчим уехал на фронт. Матери захотелось вернуться на родину, в Исламбахты. Бабушка была еще жива, младший брат матери был на фронте. Вернулись. Я работал в колхозе, пас лошадей, на молотье работал. Удивительные места: яркие зеленые крутые холмы, чистая прозрачная речка, долина. Недалеко был город Абдулино. Прожили какое-то время. Мать сказала: «Нет, мы здесь не приживемся. Климат не тот, отвыкли. Возвращаться сюда навсегда незачем».

Нашлась родня в Самаркандской области по отцовской линии, и мать увезла нас туда – в свеклосовхоз «Зеравшан», во 2-е отделение. Там я познакомился с немочкой Зинаидой Габриэль четырнадцати лет.

В совхозе работал молотобойцем в кузнице при тракторном парке, потом слесарем. Горы ржавого железа! Нужно было бороны развинтить, промыть керосином. Потом работал колонным механиком. Руководил работой Виктор Жуков, молодой парень, инвалид Отечественной войны, без руки.

Это было мучение, а не работа. Запчастей не было. Тогда я впервые услышал, как трактор кричит человеческим голосом. Ни культивации, ни плана. Везде камыши, работать трудно. Неделью работали, три – на ремонте. Умудрялись работать, пригонять трактор на трех свечах в ремонтную мастерскую. Не было даже лебедки, коробку с трактора снимали вручную, звали кого-нибудь на помощь.

Я был здоровым. Трактористом работал с полгода. Все дети были на моем издвении. Мать работала на почте, разносила письма. Раз в месяц мне полагался килограмм мяса, килограмм сухофруктов, каждый день 500 граммов хлеба и кастрюля супа – баланда из воды. Хлеб пекли из чего угодно – жмых, овсяная мука. Я ничего не видел, потому что все съедала семья.

Питался сахарной свеклой. Разрывал бурт и доставал две штуки. В резервуаре трактора над радиатором они как раз и помешались. Одно ведро служило и для керосина, и для автола, и для воды. Табак менял на керосин или лепешку. Пока работаю, свекла тушится. С тех пор ненавижу сладкое. Все готовили из свеклы, даже брагу.

Вернулся отчим с фронта – при форсировании Днепра его ранило в руку. Узнал через учительницу наш новый адрес. Вызвал меня телеграммой в Михайловку. Что будем делать? В грамоте он плохо разумел.

Пошли работать в пекарню колхоза имени Крупской. Отчим пек хлеб, считался заведующим, но фактически заведующим был я. Потом я послал вызов и деньги семье, мы снова были вместе.

Был голод, но мы работали в пекарне, и это нас спасло. Я принимал хлеб: смесь толченого жмыха ядовито-зеленого цвета и кукурузной муки. После раздачи всегда оставалось 2-3 буханки, из которых одну я менял на абрикосы и яблоки. Проклятое, жуткое было время, лучше не вспоминать...

На этом интервью с отцом в тот день закончилось. Прошаясь, мы договорились о продолжении при следующей встрече. Однако она произошла только через месяц и по совершенно другому поводу.

Еще примерно через месяц, 19 июня 1982 года, когда ко мне пришли однокурсники готовиться к выпускному экзамену, прозвучал какой-то особенно громкий и резкий, как крик, телефонный звонок от его последней супруги. Она сообщила, что в этот день мой отец утонул, купаясь в парковом озере на Чиланзаре.

На следующий день в крошечной квартирке в доме по улице Муками состоялось прощание с писателем Явдатом Ильясовым, на которое съехались все его род-

ственники, друзья, знакомые, соседи, явился Союз писателей Узбекистана в полном составе. Несмотря на то, что по мусульманскому обычаю женщины не должны провожать умершего на кладбище, мы, несколько близких родственниц и знакомых, все же отправились туда с процессией.

Явдат Ильясов похоронен на городском кладбище «Чилонзор-ота» недалеко от дома, где он прожил последние годы и написал несколько книг, в том числе «Заклинателя змей», «Мечь Анахиты», незавершенную «Башню молчания». Этот дом близ станции метро «Хамза» можно узнать по мемориальной доске на торце, обращенном к проезжей части улицы.

На могиле писателя мой сводный брат Жангар Ильясов, известный археолог, установил стелу из белого мрамора, к которой прикреплен барельеф работы ташкентского художника Владимира Лунева в виде античной монеты с профилем отца – ведь тот так любил древнюю историю...

Интервью с отцом осталось незавершенным, но, как говорил он от лица Омара Хайяма в повести «Заклинатель змей», «Я написал о себе все в своих книгах. Читайте их и узнаете меня».

караван истории

**Альбина
МАРКЕВИЧ**

Филолог, поэт,
искусствовед,
общественный
деятель, обществен-
ный директор клуба-
музея А.А. Ахматовой
«Мангалочий дворик»,
одна из инициаторов
и основателей Музея
С. Есенина, сопред-
седатель Есенинского
общества «Радуница»
при РКЦ Уз.

«Глупое сердце, не бейся!»

(Музейная предыстория)

Но я, уже заглядевшись на картины, пошла вдоль стен, увешанных ими. Кто-то зажег свет. Видны несовершенства картин и в композиции, и в рисунке, но оторваться невозможно, что-то завораживающе-притягательное в сине-голубых, коричневато-золотистых переливах, в реалистически-фантастических картинах природы. Вроде декоративное, плоское изображение, но проступает глубина. Холодные тона, но сквозь них пробивается теплота и не отпугивает.

– Нравится?

Оглядываюсь на голос. Бородач выше среднего роста застенчиво, выжидательно улыбается и напряженно глядит прожигаяще черными глазами. И тут же начинает произносить строчки есенинских стихов. Это названия картин. Увлекательно находить соответствия. Иногда не совпадают слово и изображение. Слегка наклонив голову, он слушает мое несогласие.

– Может быть... Нет, вы вслушайтесь. Я же про другое.

– Да как вас зовут?

– Вадим Николюк.

Мы с Валентином просим его почитать не строчки, а стихи.

*Несказанное, синее, нежное,
Тих мой край после бурь, после гроз.*

Совсем как сегодня утром...

На работу возвращаться поздно – снова дождь пошел, но легкий и недолгий.

Не торопясь, втроем идем к остановке – ехать в одну сторону. Разговор зашел о возможности создать музей Есенина. Есть люди, есть картины, которые Вадиму приходится переносить с выставки на выставку или хранить дома. Есть скульптор И.Г. Онищенко, автор скульптурного портрета Есенина. Он и приобрел Вадима к есенинскому слову. И вот уже несколько лет художник занят поиском возможности словесные краски перенести на холст. Пишет главным образом темперой, иногда акварелью, редко маслом. На холсте, картоне. Все это так захватывающе искренне и неожиданно близко. А в голове варианты возможного решения замечательного замысла – создать музей любимого поэта, да еще вместе с таким удивительным чело-

веком. Будто ночной ливень смыл налет вынужденной министерской нуды и подготовил меня к этой встрече. Валентин хохочет белозубо:

– Вы же сможете, я знаю!

– Сможете? Я уже ходил с письмом к Солдатенкову, но пока ничего. Да и отец сильно болеет. Эх! Забыл маме позвонить!

Я сошла через три остановки, чтобы пересесть на юнусабадский транспорт, а мои попутчики поехали дальше. Они ровесники – им по тридцать лет.

Мне же осталась задачка-заноза: может, и вправду получится?..

*А душа моя – поле безбрежное –
Дышит запахом меда и роз...*

«На сердце день вчерашний, А в сердце светит Русь»...

Весна сияла молодой зеленью деревьев, благоухала разнотравьем даже сквозь автобусные выхлопы, и было в ташкентских ветерках и дождичке что-то очень российское. Меж разбегавшихся облаков проглядывала небесная синь из вчерашних картин, а молодые тополя своими серебристыми стволами напоминали русские осины. На работе мне не успели сделать выговор, так как с порога я всех пригласила в перерыв отправиться на выставку Вадима Николюка. Сбегали, посмотрели. Кто-то вспомнил, что знает его по университету, где он при каждом удобном и неудобном случае с готовностью и одержимостью читал Есенина и делал временные выставки своих картин.

Мысль о музее не давала покоя и привела меня к моему однокласснику по вечерней школе Юре Глассу. Тогда у нас в вечерней школе была целая группа недавних фронтовиков, среди которых Юра пользовался особым уважением, а мы, семнадцатилетние девчонки, робели, но задирались и даже иногда спорили. 1947 год... 30 лет назад... А ведь это год рождения Вадима! Ничего себе! Нашла Гласса, рассказываю о замысле создать музей, потому что кому как не ему, организатору большинства музеев в Узбекистане и руководителю музейного отдела Управления охраны памятников Минкультуры, знать все о реальности подобного дела. Выслушал, рассмеялся:

– С ума сошли что ли? Из чего музей-то делать и где? Это пустое! Кто будет этим заниматься?

– А с чего же начинать?

– Что начинать?

– Ну – музей?

– Да я же сказал: материалы, люди и место. А вы что это, серьезно?

Мне показалось, что я узнала главное.

Командировка в Ургенч, где в то время шла подготовка к открытию музыкального училища и наш методкабинет готовил его документацию, навела меня на мысль познакомиться и с документальным обоснованием создания музеев.

Опять к Юре, то бишь Юрию Исааковичу Глассу. Он объяснил мне, какие бывают музеи, посмеиваясь, рассказывал о случаях из своей богатейшей практики. И вдруг просверлил меня колючим взглядом:

– А ведь это история – приезд Есенина в Ташкент! Попробуем!

«Я снова здесь...»

Вадим, свернув свою выставку, куда-то исчез, но позвонила его мама, Галина Ивановна Алексеева, кандидат биологических наук, как она представилась мне по телефону. Она произнесла какие-то восторженно-хвалебные слова в мой адрес, настойчиво говорила о том, как Вадим нуждается в поддержке, и бесконечно благодарила меня, непонятно за что. Едва пробившись сквозь словесный поток, я попросила

ее сообщить Вадиму о необходимости прийти в Министерство для встречи с Ю.И. Глассом.

Вадим Николук пришел припоздняясь, был несколько навеселе, никого уж не застал. Провожая меня к остановке, отвечая на мой вопрос о есенинцах, он назвал С.И. Зинина, П.И. Тартаковского и долго рассказывал мне об И.Г. Онищенко, о своих поездках в Константиново, о Т.С. Есениной, которая написала отзывы на его дипломную работу и выставку его картин. Вот вам и материалы, и люди.

О С.И. Зинине я знала только понаслышке от филфаковцев ТашГУ. С П.И.Тартаковским, высоким, красивым седеющим человеком с голубыми глазами, пишущим не только литературоведческие труды, но и прекрасные стихи, я была немного знакома. К. И. Савченко, известный педагог и мой тогда старший друг, много рассказывала о нем. Оба они серьезно занимались есенинской поэзией. И если Тартаковский писал книги о Есенине, то Клавдия Ивановна знала почти все стихи и поэмы Есенина наизусть, чем еще в студенческие годы поражала нас, ее поклонников и последователей. Она дала мне тогда тетрадку с переписанными от руки стихами Есенина. Иногда мы переключались есенинскими строчками. Она же рассказывала о встрече с Т.С. Есениной, которая приняла ее с ученицами, ровесницами есенинских внуков – Володи и Сережи – у себя дома. И, конечно, с предложением принять участие в создании музея Есенина я пошла и к Клаве. Человек основательный и осторожный, она на первых порах недоверчиво отнеслась и к идее, и к Николуку. Чтобы придать большую основательность и прочность нашему начинанию, мы с Вадимом отправились в библиотеку им. С. Есенина, что и сейчас находится на Новомосковской. Этой библиотекой пользовалась Т.С. Есенина, жившая напротив. Мы узнали об этом от заведующей К. И. Пасконовой. Слово за слово, и вот приходим к обоюдному согласию – будем создавать клуб «Собеседник». Здесь впервые мы все встретились: я, В. Николук, С.И. Зинин, тогда зав кафедрой ТашГУ, П. И. Тартаковский, работавший в издательстве Г. Гуляма, К.И. Савченко, Ю.И. Гласс и, конечно, К.И. Пасконова. Сюда пришли и постоянные читатели библиотеки, и руководители общества книголюбов, которые поддерживали нас и морально, и материально, приглашая на оплачиваемые лекции. Прикинули, что из материалов, способных стать основой музейного фонда, уже есть, что и где можно раздобыть, где хранить, как пропагандировать нашу идею, к кому обращаться за поддержкой. Оказалось есть уже немало: от Тартаковского – подготовительные материалы к его книге о приезде Есенина в Туркестан, от Зинина – прижизненные издания Есенина и другие книги, экслибрисы, от Вадима – картины, переписка с сестрами Есенина, от меня предметы быта и книги, от Гласса – открытки старого Ташкента. И это только начало... Сложилась инициативная группа из 11 человек, позже присоединились другие.

А потом мы стали проводить заседания в «Собеседнике». В Доме знаний организовали выставку картин Вадима, вызвавшую противоречивые оценки. Но присоединилась пресса, привлекая новых людей. Большой поэтический вечер, посвященный Есенину и ташкентским поэтам, тоже помог утверждению задуманного.

«Каждый труд благослови, удача»

И снова проливной, но уже осенний дождь. Стою на остановке «Дархан». Ба! Старая знакомая, воспитательница моего брата в детском саду, Любочка Гуськова. Теперь она, оказывается, завуч школы им. Омара Хайяма, что на Ак-тепе, рядом с улицей им. С. Есенина. Все кстати. Рассказываю ей о поисках помещения под музей, и она предлагает:

– Приезжай-ка в школу. Вероятно, мы найдем для вас место.

Еду. Читаю для педагогов и старшеклассников лекцию «С. Есенин в Ташкенте». Получаю согласие директора, которое следует закрепить решением райОНО и городского и районного отдела культуры. По этим адресам отправляется Вадим, он

и С.И. Зинин сомневаются в целесообразности размещения музея так далеко от центра, да и ограничивать его статусом школьного музея. Я, Гласс и Тартаковский настаиваем, т.к. это первый этап формирования, от которого можно переходить к следующему.

Это надо было видеть! В освободившийся от спортивных снарядов и паутины спортзал Зинин с Тартаковским, Валентин Артишевский с Вадимом и я с завхозом втаскиваем трубы, пытаемся закрепить их на стенах, чтобы подвешивать на них картины и планшеты с фотографиями для первой выставки к 3 октября 1977 года, ко дню рождения поэта. Прибили, развесили. Неуютность полупустого зала чуть-чуть скрашивают стеклянные витрины, присланные из Бухарского АРКа благодаря хлопотам Гласса и поддержке Ф.М. Ашрафи, замминистра культуры, архитектора, школьного друга С.И. Зинина, он знал о давнем зининском увлечении Есениным и организованной им в 1975 г. замечательной юбилейной выставке в ОДО.

И как гром среди ясного неба – пожар в ТТОЗе! Зал отдают под имущество погорельцев. Мечусь по Ташкенту в поисках пристанища. Приняли временно в библиотеке им. Есенина. При перевозке Вадим не удержал витрины – две раскололись. Ишу стекла. На работе выговор за пропуски рабочих дней. Проходит год. 17 февраля 1978 года скончался отец Вадима Виктор Федорович Николок, известный ученый-микробиолог, чью научную статью в издательстве «Фан» редактировала Т.С. Есенина, удивив его доскональной точностью своих замечаний.

Районный отдел культуры (М.А. Ханонянц) приглашает нас на лекции по линии общества «Знание» в парках и домах культуры. Книголюбы читают в школах и на предприятиях. Заработанные деньги собираю для нужд музея. В приемную Ш. Рашидова нами, инициативной группой, передано письмо, составленное мной и Глассом, о создании музея. Дошли слухи, что идея одобрена, но подтверждения не получено. Стали поступать тормозящие наше дело предложения о создании общего музея русской культуры им. С. Есенина. Споры, нервы. Едем с поэтом Э. Вахидовым смотреть дом Михайловых (Первомайская, 4), где три раза побывал Есенин. И место хорошее, и прямая связь с поэтом, но в ГлавАПУ нам ответили, что на этом месте будет строиться библиотека им. Навои. Теперь там высится голубая гостиница «Шаратон».

И вновь счастливый случай: встреча с директором Дворца культуры им. Луначарского Хамидом Джалиловичем Джалиловым. Театровед, помнит мои лекции в ТТХИ им. Островского, считает меня своим учителем. Почтителен, отзывчив. Не очень уверенно они с М.А. Ханонянц предлагают нам с Вадимом посмотреть филиал Дворца культуры на Высоковольном массиве – трехкомнатную секцию на первом этаже в доме № 123 около Института культуры.

Весь 1980 год уходит на ремонт помещения, сбор экспонатов, подготовку празднования 85 годовщины со дня рождения С. Есенина. В библиотеке им. С. Есенина продолжают заседания «Собеседника», которые посвящаются Пушкину, современным поэтам, В. Высоцкому. К.И. Савченко, В.В. Манычева, я, В. Николок, С.И. Зинин, П.И. Тартаковский не даем ташкентцам забыть о нашем замысле. Люди приносят замечательные свидетельства любви к поэту. За каждым своя потрясающая история. Они фиксируются нами, как «легенды» экспонатов. П.И. Тартаковский приближает к завершению свою книгу «Свет вечерний шафранного края», утверждая, что если бы не наша активная надежда на создание музея, он не стал бы над ней работать. Этим он ответно поддерживает нас. Вадим пишет новые картины, работает над слайд-фильмом. Я по субботам езжу по всему городу с лекциями по школам. В Министерстве и в издательствах мне сочувственно помогают художники и фотографы. Организовываем съемки семьи ташкентских Есениных, записываю по совету Т.С. Есениной рассказы М.В. Прохиной, односельчанки Есенина. С помощью Гласса командировали Николока в Самарканд и Бухару для сбора дополнительных мате-

риалов. К сожалению, таковых не оказалось. Кроме того, что П. И. Тартаковский раньше досконально описал в своей книге, просчитав все по часам и минутам.

«Молюсь дымящейся земле О невозвратных и далеких»...

Оставив тяжело больную маму на попечение занятого брата и друзей, еду в Москву. В экскурсионном бюро в Москве, узнав о нашем намерении создать музей Есенина в Ташкенте, подробно расспросили о малоизвестном периоде есенинской жизни, успевая за мной что-то записывать, и пригласили в Константиново, бесплатно, что было для меня немаловажным.

*Топи да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.*

Еду к Есенину. В пол-уха слушаю экскурсовода и гляжу не наглядясь на Русь. Этой дорогой, и пешком, и на перекладных, ходил он к отцу в Москву. В душе моей смятение уступает место какой-то тревожной радости и вере – все будет хорошо!

Директор заповедника в Константинове Астахов встретил очень приветливо. Все показал, устроил в общежитие, позволил работать в фондах. Брожу по саду, трогаю исписанные посетителями бревенчатые стены сарая. Изба, где он жил, сгорела. В новой избе Есенин не бывал, она выстроена позже. Но многие вещи подлинные. Печка – «верблюд кирпичный», та же. Само Константиново церковь, луга и спуски к Оке, крестьянские избы, лужи с валяющимися в них свиньями – все окутано травяным ароматом, тишиной. Звучат в душе есенинские строки:

*Изба-старуха челюстью порога
Жует пахучий мякиш тишины...*

В Фондах показали мне оставленные Вадимом пейзажи. Ташкентские лучше... Посмертная маска поэта с выражением неожиданной обиды на лице и вмятиной над бровью причинила мне истинно физическую боль.

Провожая меня, сотрудники подарили для будущего музея буклеты, наборы фотографий, приглашали приезжать.

С этим я и вернулась в Ташкент.

«Прядите, дни, свою былую пряжу»...

Приближался 1981 год. 60-летие приезда С. Есенина в Ташкент. Откладывать нельзя, в мае надо открыть музей. Надо! А готова только одна комната. Я.Х. Туракулов и Т.П. Пустовая, руководители городского общества книголюбов, сообщают мне, что поддерживать нас и морально и материально смогут, если будет у нас клуб книголюбов. Идею клуба все поддерживают, но осуществлять ее берусь я, как бы продолжая традицию «Собеседника».

4 января 1981 года открываю клуб книголюбов «В мире прекрасного». 12 человек из тех, кто живет в близлежащих домах и учится в Институте культуры. Многие из них на долгие годы остались верны нашему делу. Анна Михайловна Носенко, родственница великих Васнецовых, живая, веселая, отзывчивая на любую просьбу о помощи. Она первая прибежала, увидев мою самодельную афишку с программой заседаний клуба, она и собирала первых участников наших еженедельных заседаний. Клавдия Ефимовна Волкова, Маргарита Дмитриевна Рухалис, семья Бродских, Любовь Васильевна Быкова, Любовь Семеновна Романенко, Леня Николаев, Розалия Исаковна Рухлис, Ольга Даненкова, Алексей Назаров, Петр Гейер. И Вера Ивановна Попова, преподаватель русского и английского языков янгиюльской школы, радостно восторженный знаток мировой поэзии и особенно Есенина. Атмосфера какого-то

необъяснимого взаимотяготения встречного движения душ сложилась в нашем клубе. Это отмечали все, кто приходили к нам с лекциями, выступлениями и выставками: филологи из вузов А.П. Алякринский, Л. Тартаковская, Н.Г. Гопштейн, А. Вулис Л.П. Ульрих, артисты – чаще мои бывшие студенты – А. Кузин, А. Слоним.

А тем временем, урывками между писанием собственных картин, работой, «болезнями», Вадим делает планшеты из материалов, добытых мною при помощи Джалилова, Пустовой, активистов из библиотек и ПКО им. Тельмана, фотографа Ю. Игумнова, товарища Вадима, министерских работников. С.И. Зинин со своими филфаковцами вбивает дюбеля для картин и планшетов, чтобы хоть чем-то ускорить оформление музея. В спорах и уточнениях рождается экспозиция. А пока красим окна, двери, готовим вывеску, белым-перебеливаем стены. Полы красим в последнюю очередь... Когда же закончим?!..

И попутно бумаги, бумаги... Письма... Прощения... Ходатайства...

В начале 80-х открывалось несколько музеев (музей С. Бородина, Г. Гуляма и др.), и наш общественный как бы вписался в общее направление деятельности министерства.

А поиски экспонатов дают свои результаты. 2 апреля от внука известного журналиста В.Г. Михайлова получили и через весь город в общественном транспорте провезли стул. На нем сиживал Есенин в мае 21 года, бывая в гостях у этого известного семейства.

Тартаковский связал по телефону нас с Маргаритой Петровной Новиковой-Костеловой, невестой Ширяевца. Надежда получить у нее подаренные ей Есениным книги с автографом так и не осуществилась. Но многое другое из ее архива передано было музею.

В мае, к сожалению, мы лишь смогли в своем клубе и по предприятиям провести встречи, посвященные 60-летию приезда Сергея Есенина в Ташкент.

«Под кушей обновленной сени»...

И вот 10 июля. 15.00. Возле обычного жилого дома человек 120, несмотря на жару, собрались по необычному и долгожданному поводу – открывается музей Сергея Есенина.

Митинг открывает народный поэт Узбекистана, переводчик Есенина, Эркин Вахидов. Заканчивает он свое обращение к собравшимся словами:

– Известно, что ни в Москве, ни в Ленинграде у Есенина не было своего дома, а у нас, в Ташкенте, он теперь получил постоянную прописку. Навсегда! Спасибо создателям музея, прекрасным энтузиастам.

Зазвучал голос Есенина, Вахидов разрезал обязательную ленточку и первым вошел в «дом Есенина» под аплодисменты собравшихся.

Экскурсию я вела, едва сдерживая волнение. И хоть не смогли быть С.И. Зинин, К.И. Савченко, П.И. Тартаковский с нами в этот день, их участие сказывалось во всем. Оставалось еще немало доработок, да и новые поступления впоследствии потребовали изменений в экспозиции, но музей был создан!

По «Маяку» из Москвы по моей заявке через УЗТАГ 11 и 12 июля весть о создании Есенинского музея в Ташкенте разнеслась по всему миру.

Я с бесконечной благодарностью вспоминаю всех, с кем мы вместе за 4 года заложили начало музея и потом 15 лет ему служили. Музей продолжает активно жить и сегодня, являясь очагом русской культуры и литературы в Узбекистане. История Есенинского музея продолжается.

переводы

Хуршид ДУСТМУХАММАД

Родился в 1951 г.
в Ташкенте. Окончил
факультет журналистики
НУУз. Член Союза
писателей Узбекистана.
Автор более 10 книг.
Переводчик, журналист.

Кичкирик

Рассказ

(перевод с узбекского Саодат Камиловой¹)

Ежегодно летом, сколько помнит себя Султан, трое-четверо ребятишек, да и взрослые мужчины погибают в Кичкирике. Вся махалля целыми днями, а иногда и неделями ищет пропавшего, и, хорошо, если он найдется в тот же день, а если нет, то через пять, семь... десять дней всплывает распухший, как барабан, труп бедняги где-то в западной части анхора². Были и без вести пропавшие... И тогда несколько дней все – и стар, и млад – твердили: «Кичкирик взбесился!», «Кичкирик жаждет крови!», «Не приближайтесь к Кичкирику-у!». Но проходит время, тихое и размеренное течение анхора успокаивает людей, забывается его дикий и необузданный нор. Одной из интереснейших особенностей человеческой природы является то, что человек не представляет и даже мысли не может допустить, что именно с ним может что-то случиться, что именно он может попасть в водоворот и исчезнуть. Интересно и то, что с давних пор, взрослые, казалось бы, здравомыслящие люди, прекрасно знающие непредсказуемый нрав анхора, считают Кичкирик тихой и мирной речкой. Кто знает, возможно, действительно, какая-то часть анхора может быть обманчиво степенной и спокойной, что и вводит людей в заблуждение...

Ни о чем таком не размышляя, Султан, босой, неторопливо вошел в реку и сделал пару шагов, ледяная вода резанула его по лодыжкам, маленькие, как кукурузные зернышки, камешки, покрывающие дно, зашекотали пятки. Уже несколько дней его терзали странные мысли и чувства, они-то как будто и вели его за руку к берегу анхора, подталкивали за плечи к воде. Он забыл обо всем: забыл, что с детства недолюбливал Кичкирик, ну не то что бы совсем не любил, но всякий раз при слове «Кичкирик» в его нежном детском сердце рождалась и сотрясала его тень жуткого необъяснимого панического страха; что, когда вместе со сверстниками учился плавать на мелководье Кичкирика и,

¹ Саодат Камилова родилась в 1974 году в г. Ангрене Ташкентской области, окончила историко-филологический факультет Ташкентского областного государственного педагогического института, доцент. Работает на кафедре русского и зарубежного литературоведения НУУз. Автор более 30 научных публикаций. В периодических изданиях республики печатаются рассказы современных узбекских авторов, переведенные С.Э. Камиловой на русский язык.

² Анхор – большой оросительный канал.

освоив технику плавания саженками, наконец, поверил в себя, поверил, что перешибит страх, течение вдруг унесло его, и сколько Султан ни силился выплыть, вместо того, чтобы двигаться в сторону берега, он, не справившись с течением, несмотря на то, что смог два-три раза вынырнуть из воды, почувствовал, что какая-то дикая сила тащит его в самую бездну; ... потом он не помнил, что произошло, а придя в себя, повалился, обессилев, на берегу под ивой, будто душа покинула его тело; что стоящие над ним толпой люди переговаривались между собой; что впоследствии, придя в себя, он стал посещать плавательный бассейн в центре города; что принял решение никогда не приближаться к этому коварному анхору; что каждый раз, когда видел радостно кричавших и плескавшихся детей, целыми днями не вылезавших из воды, сердце у него уходило в пятки. Ничто не могло отвлечь Султана: ни волшебное журчание воды, ни щебет ранних птиц, ни доносившийся издалека шум торопливо мчавшихся по большой дороге авто.

Вода билась по коленям, голеням, а через минуту и по спине Султана. Он недолго размышлял, с какой стороны войти в воду, с наступлением лета вся местность вокруг железного моста, единственного над анхором, превращалась в место отдыха ребятишек и разгоряченных жарой мужчин, река здесь была разливистой, текла размеренно и спокойно, только 50-60 саженей ниже русло анхора резко сужалось, течение становилось более быстрым и порывистым.

Молодая невестка, бедняга, именно здесь хотела зачерпнуть ведро воды...

Султан, едва достигнув узкого места, нырнул, его тело привыкло к холодной воде, он предполагал, что его ждет, но течение, вернее глубинная его часть, вдруг как-то ускорило, забурлило с двух сторон у прибрежных деревьев, он почувствовал, что его с легкостью закружило, точно клочок бумаги, или листок с дерева. Султан попытался слиться с направлением течения, и как бы то ни было, удержаться на плаву, в лицо ему била беспрерывно набегающая волна, он поворачивал голову то вправо, то влево, чтобы не сбить дыхание... но не для того же он вошел в воду, чтобы продемонстрировать мастерство, приобретенное во время посещений плавательного бассейна, он решился на это, чтобы найти тело молодой невестки, вышедшей замуж всего пятнадцать дней назад! О том, что утонула невестка, он рассказал Башорат на следующее утро. Девушка с сожалением воскликнула: «Ах, несчастная!». Султану тогда показалось, что белые, как молоко, щечки Башорат стали еще белее. Через несколько дней девушка сама позвонила, интересуясь утопленницей, казалось, что поиск тела стал смыслом жизни его возлюбленной и, чем больше она интересовалась той бедняжкой, пропавшей в Кичкирике, тем больше казалось, что она возлагает на Султана определенные надежды.

Султана целую неделю не покидали мысли об этом: выходя из дому ни свет, ни заря и возвращаясь вечером, он всё расспрашивал жителей махалли, которые, как и родственники, близкие, знакомые, с утра до ночи безрезультатно бегали, как угорелые, по берегам Кичкирика, не теряя надежды, а Султан, не скрывая недовольства восклицал: «А что водолазы? Неужели они ничего не могут сделать?!» На эти вопросы никто не давал вразумительного ответа, тогда он сам отправился к руководителю водолазов, который, не выслушав его даже для приличия, раздраженно махнул рукой, мол, не вмешивайся в нашу работу. Султан, пытаясь что-то прояснить, обошел берег реки, был у мелководья, обрыскал все прибрежные заросли – в общем, пешком обошел все, что мог, вот тогда-то и зародились в его душе неожиданные неведомые чувства, Султан сердцем что-то почувствовал к анхору, к его извилистому руслу, его бушующим водам, к волнам, которые стремительно гоняясь друг за другом, то непринужденно играя, то пенясь и бурля, то кротко и нежно ласкаясь, шумят и жаждают чего-то. Ему показалось, что и анхор почувствовал его состояние, и, будто в ответ

на его чувства, водная стихия готова была выразить свою благосклонность и манила красивого юношу в свои объятия. Неожиданно Султан столкнулся с водолазом, всплывшим из глубин анхора. Вокруг было безлюдно, Султан, не задумываясь, кинулся к нему с расспросами.

– Я перевидал много вод, но такого не встречал! – сказал коренастый водолаз, тяжело дыша и ругаясь. Его лицо то ли от холода, то ли от сильного страха было бледно-синим.

А теперь... Султан почувствовал, как что-то то и дело цепляется и ударяется о его ноги и спину, и тут же понял, как несправедлив был к водолазу. Зимой, во время морозов, когда воды в Кичкирике становилось совсем мало, он, проходя по единственному во всей округе железному мосту, видел собственными глазами всякий хлам на дне реки: затонувшие ветки, металлолом, кости, части оград домов, домашнюю утварь, унесенную течением, всякие вещи, отходы, отбросы, бутылки, проволоку... истлевшие трупы крупного рогатого скота, собак и кошек... Весеннее половодье не в состоянии было все это расчистить! Водолазы, наверняка, подвергались опасности, цепляясь одеждой или обувью за железки или ветки! Может, и тело бедняжки-невестки не всплыло поэтому в течение всей недели?! И еще... Может, именно для того, чтобы очистить свое дно от всякого затонувшего хлама, Кичкирик ведет себя так непредсказуемо, неистово и своенравно?!

Султан поплыл против течения, он был рад, что сила течения оказалась гораздо слабее, чем он предполагал, обогнув берег, окинул взглядом деревья, раскинувшие ветви над водой. Вдруг его ногу обвилось что-то клейкое, похожее на ленту, оно было холоднее холодной воды! Змея что ли?! – внезапно вырвалось у Султана, и он, зажав голень, попытался оторвать холодную ленту. Не похоже на живое, если бы змея, то ужалила бы!.. Водоросли?.. Если так, то как ни тяни, ленты не оторвать. Султан ослабил ноги, повернул голову в сторону течения, в лицо била вода, он почувствовал, что, если не освободит зацепившуюся ногу, ему грозит опасность и, расслабившись, отдался воле течения. Несколько секунд он плыл как утопленник. Терпел. Через мгновение холодная лента соскользнула, нога освободилась из петли. Султан пришел в себя, вынырнул и, наполнив грудь воздухом, не мешкая, поплыл против течения. Осмотрев все потайные и укромные места, хотел дать передохнуть рукам и ногам – не удалось, буйная волна бросала Султана из стороны в сторону; он, приняв удобное положение, оглядывался вокруг, а когда выпрямился на мгновение, его отнесло, хоть он и учитывал силу течения, продолжая плыть саженьками. Он догадывался, до какой степени дикий норев у Кичкирика, но, оставшись один на один с ним, впервые ощутил упрямство и силу его вод!

Широко открыв глаза и не обращая внимания ни на злую волну, которая угрожала его «пошечинами», ни на брызги воды, застилавшие глаза, Султан все плыл и плыл по анхору, стараясь не упустить из виду трудно различимые с берега укромные места, веря, что где-нибудь обязательно покажется подол желтого платья, или хотя бы часть его. Приняв решение обследовать шаг за шагом всю реку, Султан то и дело нырял, соблюдая все предосторожности ныряльщиков, и старался достать до самого дна, его руки, голова, плечи обо что-то ударялись, но он не чувствовал боли, лишь ощущал всем телом: плечами, спиной, ногами как волны, будто делились на слои, от поверхности воды до самого дна движущиеся с разной скоростью. Это мешало сохранять равновесие в воде.

Султан словно сговорился с анхором, заключил договор о недопустимости преднамеренного вероломства, т.е. беспощадное течение ни в коем случае не могло покушаться на молодую жизнь юноши, верил, что не утонет, он ощущал, что у него хватит сил выстоять, а когда ему не хватало воздуха, он всплывал на мгновение на

поверхность воды и, как голодный, хватал воздух всей грудью, озирал оба берега, чувствуя, что отдаляется на все большее расстояние, снова и снова обсматривал все уголки, лелея надежду что-то обнаружить, и вновь плывя саженками против течения.

Странно, кто бы ни говорил об утонувшей невестке, обязательно делал акцент на том, что она была в желтом платье. Султан видел ее, кажется, раза два, когда она рано поутру поливала улицу и подметала, ей так шел новый наряд невестки, прекрасная молодая женщина на мгновение перестав мести и соблюдая правила приличия, отходила в сторону, опустив голову, а Султан, который вот-вот должен был жениться, волновался, представляя, как Башорат будет так же благовоспитанна, в такие моменты сладких и радостных грез он даже не отвечал как следует на застенчивое, едва слышное приветствие невестки. Эта красивая, обаятельная девушка вышла замуж за лысого соседа, которого с детства все звали «Мавла», «Мова», и теперь Султан пытался привыкнуть называть его полным именем «Мавлон», «Мавлонбек». Мавлонбек тоже рассказывал, что она была в желтом платье и узорчатой безрукавке. Молодой муж старался держать себя в руках, но Султан заметил, как он был растерян и осунулся за два-три дня.

– Как мне быть теперь, ака?..– спрашивал Мавлонбек, войдя в какой-то ступор. – С рассвета не отхожу от воды, ни слуху, ни духу – тишина.

Эти слова Султана коробили, но он не показывал вида Мавлону, потому что в таком состоянии человек верит до последнего, хватается за любой шанс. «Говорят, что в ночной тишине слышатся крики о помощи утонувших в анхоре!..»

Слова молодого мужа «ни слуху, ни духу – тишина», выражающие последнюю все еще теплящуюся надежду, передаваясь из уст в уста, стали, своего рода, прискорбным анекдотом. Значит, Мавлонбек, веря разговорам о криках утонувших, не спал ночами и надеялся услышать в ночном плеске Кичкирика голос жены, человека, едва успевшего стать ему близким... «Эх, надо было позвать Мавлонбека на помощь», – промелькнуло в голове Султана. Вместо того, чтобы ждать жалобных криков о помощи утонувшего не найденного человека, лучше бы Мавлонбек был рядом, стоял на берегу и держал конец веревки, обвязав ею спину Султана, тогда течение не было бы таким опасным для него, и было бы легче шаг за шагом исследовать и поверхность, и дно анхора. Либо вместе с водолазами... нет, они бы не позволили, это их твердое решение было известно Султану! Поэтому-то он и пришел к анхору, когда было безлюдно, отважившись один на один сразиться с норовистым Кичкириком, непокорные волны которого, закручиваясь в большие и малые водовороты, старались с силой отнести Султана к западной стороне, Султан не надеялся, что будет легко, но как бы то ни было он должен найти тело пятнадцатидневной невестки, которое вот уже неделю не могут найти, найти и передать несчастному соседу, несостоявшемуся пятнадцатидневному мужу!

Тело ныло, но он не обращал внимания ни на ломоту в плечах, ни на то, как горели пятки и голени, не чувствовал холода. Иногда он плыл саженками против течения, иногда по течению, временами, собрав силы, нырял в воду и, коснувшись дна, вытаскивал попавшуюся под руки вещь, а когда не хватало воздуха, или начинало шипать глаза, всплывал на поверхность. Если бы в это время появилась на берегу Башорат, Башоратхон!.. Если бы девушка увидела его, наверняка, сильно бы перепугалась, растерялась, от волнения протянула бы руки к Султану, словно желая броситься в анхор, просила бы своего Султана быть осторожным и не кануть в этой свирепой пучине, последовав за ним, рьяно подбадривала бы своего возлюбленного, вступившего в эту неравную схватку.

Эти мысли придали Султану сил. Он забыл все трудности. «Если Башорат подержит, – сказал он, высунувшись из воды и осматривая анхор сверху, – то я не

отступлю, не изменю решения найти невестку, даже если в Кичкирике вместо воды будет огонь!..»

У берега внезапно появилась огромная собака, она, царапая землю и виляя хвостом, смотрела на него, затем, подняв голову, завывала, вслед за собакой показались мужчина и женщина, идущие под руку.

– Зачем в такой холод купаться! – воскликнула женщина, теснее прильнув к своему спутнику.

– Молодые же, молодые, – засмеявшись, весело ответил мужчина, – они не думают о болезнях!..

Султан отдался воле течения. С обеих сторон анхора поднимались густые стены камыша-тамариска, покрывающие оба берега, в расщелине между ними текла вода, и он пожалел о том, что ему не пришло в голову взять с собой подводные очки, которые могли быть очень кстати. Унесенное водою тело могло застрять в этих камышовых зарослях. Сквозь них пробраться невозможно!.. Султану трудно было продвигаться. Тонкие длинные камышовые стебли мешали движению, и Султан с трудом раздвигал камыши вперед, назад, в разные стороны. Султан чувствовал, как малюсенькие рыбки ударялись хвостами о подошву его левой ноги, на всякий случай он потряс ногой, и рыбки бросились врассыпную, оставив ногу в покое. Султан двигался в сторону берега. Через какое-то время у его ног, между пальцами снова собрались рыбки, теперь среди них были более крупные, они, словно свирепые водные существа, пытались сбить его с ног, били хвостами. Пальцы, лодыжки, подошвы стало шипать, значит, его ноги изранены, из них течет кровь...

Султан покинул густые заросли камыша, выбираясь из воды, по колено увяз то ли в железках, то ли в ветках и увидел, что по воде мутными кругами расплывается его кровь. По мере того, как редели заросли камыша, усиливалось течение, Султан поплыл в сторону берега, где, как пальцы какого-то злобного существа, выпирали корни дерева, покрасневшие от воды. Он все-таки отважился схватиться за эти «пальцы». Берег был высоким, и он по грудь оставался в воде. Долгое время он не мог вдохнуть полной грудью. Голова его кружилась. Султан с надеждой посмотрел в небо, солнечные лучи постепенно приближались к самой середине анхора. Оглядевшись по сторонам, на противоположном берегу он увидел большую ветку какого-то изогнутого дерева, достававшую до воды, течение то поднимало ее вверх, то опускало вниз, со стороны казалось, что ветка сердито хлещет воду. Султан не знал усталости от многочасового плавания, но теперь, здесь, он с удивлением покачал головой, и, желая постичь нрав анхора, долго и пристально глядел на воду. Он столько проплыл, столько раз нырял с надеждой, шаг за шагом исследовал все дно!.. За время, проведенное в воде, казалось, с Кичкириком, с водой Кичкирика, он нашел общий язык, почувствовал и понял его душу. Султан, стоя по грудь в воде, обессиленный и изнуренный, не отрывал глаз от анхора и как будто изливал горбатым волнам родившиеся в душе упреки, обиды, волны, пенясь и клокоча, бурля и вздымаясь они в спешке догоняли друг друга. Анхор – это непостижимое человеческому разуму некое живое существо, и как всякое живое имеет свой характер, так и анхор живет по своим правилам. Наполнять свое русло до краев водой есть образ и смысл жизни Кичкирика, поскольку его естество и судьба воплощены в поспешном течении воды.

Упреки и обиды у Султана сменились интересом, даже уважением к анхору. Анхор не понял этого, его бесноватость и подводные течения замучили Султана – с правой стороны течение кажется спокойным и вялым, течение же с левой стороны мгновенно утянет в бездонную пропасть и поглотит, и если ногами еще можно было двигать, то тело сгибалось в три погибели от натиска бьющих в бока волн. Султан

вспомнил брань и недовольство коренастого водолаза и... спокойно покачал головой, мол, «это не так». Его мысли, отношение к реке изменились, теперь он, даже если анхор не понял его, он понял анхор, капризное течение не открыло ему свою душу, но человек всегда найдет путь к капризной душе...

Султан давно почувствовал, как что-то нежно поглаживает его лодыжки. Это что-то, длинное, соскользнуло с ног Султана и нежно обхватило его спину. Султан почувствовал, что вот-вот встретится с чудом, его сердце заволновалось и застучало в ожидании. Он осторожно опустил руки в воду, боясь неловким движением сбросить мягчайшую вещь, охватывающую спину. Что это могло быть, живое-преживое?! Его мысли стали сбивчивыми и прерывистыми, его охватило какое-то неясное чувство. Это что-то живое обхватило спину... похоже какой-то хлам или ткань, вообще в воде любая неживая вещь может показаться живой и превратиться в неведомое существо.

Кончиками пальцев, погруженными в воду, Султан нащупал это неживое существо, обхватившее его спину и грудь. «Неужели?!» – громко воскликнул Султан вне себя от радости. «А вдруг желтое?!», «А вдруг это платье невестки?!» Султан понял, что, отпустив «пальцы» диковинного существа, он с шумом плюхнет в середину водного течения. Он был вне себя не от того, что бросился в быстротекущую воду, а от того, что держал в руке... что-то, что это?! Неужели все усилия Султана оказались не напрасными, его смертельно опасные поиски... нашел подол желтого платья?!

Султана не унесло течением, двумя руками он схватил материю и стал медленно и осторожно наматывать на руку. «Лишь бы не оборвалось», – думал он и старался не делать резких движений. «В желтом! Была в желтом платье!... В желтом!...» В голове Султана звучало лишь это слово, он верил что нашел.

Это ткань... настолько длинная? Так тяжело достать до зацепившегося места?... Султан осторожно и бережно наощупь добрался до зацепившегося места, схватил желтоватую ткань, нет, широкий подол желтого платья и... на протяжении недели не обнаруженной пятнадцатидневной невестки тру... «Нашел, Башорат! Нашел, до-рогая Башорат!» – воскликнул Султан.

– Не только ваше имя, но вы и сами султан, – однажды сказала Башорат, положив свою голову ему на плечо. – Вы достойны любого султаната!..

«Свет моих очей, Башорат, вот сейчас, в эту минуту, в это мгновение, здесь, в воде, слова твои получают подтверждение!» Волнение Султана прибавило ему сил, он забыл об усталости и о боли. Тянул обеими руками желтоватую материю, наматывая на руку, перед глазами появилась стайка рыбок, мутная с раннего утра вода стала прозрачнее, он отчетливо видел, как снуют рыбки. Рыбки были цветными! Красные, желтые, зеленые!.. Они указывали Султану путь, направление движения. Плечи, грудь, живот, колени, кончики ног горели огнем. «Ничего страшного, потерплю! – думал Султан и, стиснув зубы, стал продвигаться вперед, в сторону берега. Он почувствовал, что руки затем и ноги перестают подчиняться ему, и пожелал себе сил: «Ну! Ну-у!.. Не пасуй! Не пасуй, говорю! Эге-ге-гей!»...

«В этом анхоре утопленники в полуночной тишине кричат и зовут на помощь...» Султан тоже... нет, он не кричит, у него пока нет намерения утонуть, сдавшись бурным волнам. Не подчинится и не попросит пощады... Он настолько сблизился с анхором и его водами, что может деликатно просить его, делиться своими чистыми помыслами, а если надо, кричать во весь голос, так кричать, что Кичкирик хоть на миг приостановит свое движение, воды станут прозрачными, и русло обнажится. Название «Кичкирик» («Вопль») так подходит ему, редкостное название!.. По словам живых, утопленники «молча кричат», вернее, их смертное молчание воспринимается живыми как крик. И слова Султана, обращенные к самому

себе, со стороны воспринимаются как крик, как вопль. А между тем, до наступления темноты еще уйма времени, до ночной тишины еще эхе-хе-хе... Вон солнце ярко светит, только... только оно светит неровно,... кто-то толкает что ли,... оно похоже на пламя, которое то вспыхивает, то угасает...

Султан внезапно перестал ощущать свой вес, руки, ноги стали бессильными, его охватило чувство тревоги. Какие бы усилия он ни делал, он оставался неподвижным, ему не хватало воздуха. Появившееся у его ног доброе, мягкое и безобидное существо приподняло Султана, мысли его были подобны полотну, обхватившему сначала ладони, затем предплечья. Султан перестал двигаться, руки его были туго охвачены найденной желтой материей, которую он хотел, во что бы то ни стало, вытащить, и которая обвила его полностью, он не мог скрыть своего изумления и волнения. От волнения он взмок. Тело стало мокрым не от воды, а от пота. Он несколько раз поднимал голову над водой, желая выровнять дыхание, но потом уже не чувствовал в этом необходимости, он даже не заметил пятен крови, растворяющихся в воде. Существо, поддерживавшее и приподнявшее его... Султан почувствовал, что он верхом на смирном коне, это ощущение длилось недолго, нет, проблески мысли быстро исчезали, лошадь медленно стала высвобождаться из-под него. Что делает лошадь в анхоре?.. Это не лошадь, а рыба, но... если рыба, то похожа на лошадь. Рыба-конь!..

Султан никогда не слышал, что это существо обитает в водах Кичкирика, но даже если бы и услышал, то не поверил бы в эти сказки. Но вот теперь он видел его своими глазами, одно из них посадило на себя тонущего Султана и ... Султан обмяк, как каша халим¹. Мягко, но решительно и отчетливо он сказал: «Я начну все сначала! Если нужно, пятнадцать раз войду в воду, но не остановлюсь, пока не найду!..»

До слуха Султана издали доносились непрерывные крики. Султан хотел прислушаться, понять их, но не смог сосредоточиться. Ему показалось, что вода сильно нагрелась, Султан почувствовал, как его ноги резко ударились о твердый грунт. Хотел поднять голову, но не смог. Русло анхора к западу в районе кишлака расширялось и очень мельчало – вода в некоторых местах доходила до колен, в ней шумно плескались ребятишки, радостно кричали, гоняясь друг за другом.

– Смотрите, человек! Человек в воде!

Султан смутно услышал этот крик. А солнце было в зените и ярко освещало мир, плечо Султана, посиневшее от холода, стало согреваться...

¹ Халим – особым образом приготавливаемая каша из очищенных зерен пшеницы и мяса.

Арбуз

Рассказ

(перевод с узбекского Зульфиры Хасановой¹)

Худойкула покорило, когда Омондават позвонил из кишлака и сообщил, что собирается завтра с женой и детьми навестить их. Его сразу же осенила догадка: похоже, этот тоже придет просить деньги в долг, иначе, что за нужда встречаться с одноклассником через пять-шесть лет. Эта мысль так и засела в мозгу, не давая покоя: если бы он не приехал, то я бы нисколько не обиделся, честно признался он сам себе. Не в силах сдержаться, он стал изливать душу жене: «В наше время только глупец дает деньги в долг, а тот, кто одолжил, вовремя не возвращает, и вот ходишь, умоляешь, упрасиваешь, а он упирается: сам видишь, денег нет, хоть убей, но вернуть долг не могу. А если скажешь, что был уговор, должник резко обрывает: когда будут деньги – тогда и верну. Что делать в этой ситуации: хоть бей, хоть режь, но разве деньги вернешь? Одолжить жителю кишлака – это все равно, что бросить золотую монету в колодец, и через тысячу лет не достанешь, он сделает запасы для скота, пшеницу перемелет, семью накормит, а перед тобой будет каяться и причитать: делай, что хочешь, но мы все проели, друг, брат. Так что, жена, ты мне подсоби, на этот раз нельзя давать в долг, потому что не вернет, Сапувра, хотя Омондават самый близкий школьный друг, но и он не вернет».

– Ладно, объясню его жене, что у нас нет денег, а она передаст мои слова мужу, уж тогда он, наверное, не возьмет тебя за горло. Верно ведь?

– Словом, найди выход, выручи меня на этот раз. В противном случае, ты же знаешь, какой мягкосердечный твой муж, расчувствуюсь, отдам деньги.

Муж с женой продумали до мелочей план встречи гостей. Если друг скажет так, то ответим ему эдак, если же заговорит иначе, то получит другой ответ, будет настаивать на своем, убедим его в том, что денег нет, на том и порешили.

Гости приехали ближе к вечеру. Омондават, жена с грудным ребенком, рядом шел, шмыгая сопливым носом, мальчик лет пяти. Увидев, что хозяина нет дома, гость расстроился, будто друг должен был не выходя из дома до-

Собир УНАР

Родился в 1964 году в Кошрабатском районе Самаркандской области.

Окончил факультет журналистики НУУз. Произведения С. Унара публикуются в республиканских изданиях с 1984 года. Член Союза писателей Узбекистана.

Лауреат Государственной премии. Автор книг «Кишлак окутанный мечтой» (1989), «За дальними далями» (1990), «Чамбилбелнинг ойдаласи» (2006), «Бибисора» (2011).

Работает главным редактором литературного журнала «Ёшлик».

¹ Зульфира Хасанова родилась в 1951 году в Мирзачуле. В 1987 г. окончила Литературный институт им. Горького в Москве. Публиковалась в альманахе «Молодость», журнале «Ёшлик», Сборнике «Путь мастерства». В 2011 г. вышла книга Мухаммада Исмоила «Лучезарная» в переводе с узбекского З. Хасановой.

жидаться его. Омондават нес в руках два арбуза, жена одной рукой прижимала к груди дочь, в другой несла большую сумку, напоминавшую корзину. В сумке были сухофрукты, орехи, кишмиш, несколько обычных и сдобных лепешек из муки мельничного помола, а также платица для маленькой дочери Худойкула. Омондават отнес арбузы на кухню, умылся и затем уже прошел в большую комнату, служившую гостиной. Его сын был предоставлен сам себе: он стал кричать в телефонную трубку «алло», нажимать на кнопки телевизора, вытащил из картонной коробки игрушку и стал возить коробку по комнате. Омондават выложил на стол гостинцы, стал пить чай, поел винограду, наколот орехов, сидел себе на диване, смотрел телевизор и не заметил, как уснул. Немного погодя проснулся оттого, что его тормозил друг. Вскочил с дивана, кинулся обниматься, приветствовать друга. Стал извиняться, что уснул.

– В дороге, наверное, намаялся, стоит ли извиняться, – сказал Худойкул, он только присел, они еще и парой слов не перекинулись. Но когда хозяин дома увидел, что мальчик перевернул все вверх дном, услышал безутешный плач девочки из соседней комнаты, у него испортилось настроение, выказав недовольство, он сказал сердито:

– Дорогой друг, ты бы сходил в ванну, помыл ноги и заодно постирал носки.

– Сразу даже не сообразив, шутит друг или говорит всерьез, Омондават хотел было, улыбнувшись, сказать: “да, брось ты, что уж мои ноги провоняли что ли”, но увидев, что хозяин дома рассердился всерьез, сконфуженный гость поднялся с места. Может, потому что лет с шестнадцати его никто так не одергивал, что-то надломилось в его душе. Но позже, подавив обиду, он подумал: городские комнаты тесные, привычный для меня запах пота, может, неприятен ему, он сказал мне об этом открыто как близкому человеку, чужому он бы этого не сказал.

Словом, так он пытался утешить себя. Худойкул, расспросив о новостях в кишлаке, о родственниках, друзьях-приятелях, ни с того, ни с сего вдруг стал жаловаться на то, как трудно нынче даются деньги, если одолжишь их кому-то, то невозможно добиться возврата. Омондават не понял стратегию друга, который начал заранее палить из пушки, чтобы друг не стал клянчить у него деньги. Друг очень удивился его словам, дома все блещит и сверкает, телевизор, мебель за бесценные деньги, в кишлаке поговаривали, что где-то строит дом, купил себе иномарку, в его уме как-то не укладывалось то, что говорил друг, он хотел пристыдить его, призвать, чтобы тот бога благодарил за то, что имеет, но почему-то его мысли приняли другое направление, и чтобы подтвердить, что люди и в самом деле сейчас ненадежные, признался, что дал в долг сыну дяди пятнадцать тысяч сумов на семена и никак не может получить их назад, пару раз он возвращал ему по пятьсот сумов, а потом заявил, что посева пшеницы сгнили на корню, и что он теперь ничего ему не может вернуть.

– В том-то и дело, все до единого такие, без исключения – хоть в городе, хоть в кишлаке, друзья или враги – результат один и тот же, – сокрушался Худойкул. – Пятнадцать тысяч не такие уж большие деньги. В городе это сумма дневных расходов более-менее зажиточной семьи. Омондават от удивления воскликнул: “да, ну”, его даже телевизор перестал интересовать, он взглянул на друга, не зная верить его словам или нет. Худойкул, не обращая внимания на реакцию друга, тем временем продолжал:

– Вот к примеру, мои кровные пятнадцать тысяч долларов ходят по рукам. Даже когда позарез нужны деньги, не могу получить их назад. Все должники близкие люди: друзья, сокурсники, родственники, братья.

Омондават даже в лицо не видел этот самый доллар, первой мыслью было спросить: сколько стоит, где продается, но, честно говоря, его это нисколько не интересовало. Он сокрушался о другом, поскольку считал недостойным поведение человека, который все имеет, но при этом жалуется на судьбу. Но вдруг он вспомнил, что у друга родилась дочь, смутился, что забыл об этом, порылся в кармане, сказал: «поздравляю с новорожденной, пусть будет мастерицей, долгой ей жизни», вручил

подарок. Ему так захотелось поговорить по душам, вспомнить все хорошее, ну и проделки тоже, те дни двадцатитрехлетней давности, когда они учились вместе. Он тут же поведал ему о жизни одноклассников. О том, как один раз в два месяца они встречаются, покупают вскладчину три кило мяса и, как бы между прочим, сказал: «было бы хорошо, если бы ты хоть раз присоединился к нам, устроил угощение, и с тебя взятки гладки, а то парни говорят, что ты зазнался».

Худойкула это задело за живое. Но он повел себя так, словно ему были безразличны и деньги, и люди. «А среди вас есть хоть одна достойная душа?» – злорадно рассмеялся он. Заметив, что друг стал обижаться, он сказал: «Ладно-ладно, не буду так говорить, поверь, я ведь не над тобой смеялся», – сказал он и опять рассмеялся.

Только ему не удалось провести друга, Омондават стал осознавать, что Худойкул не тот прежний верный друг, он превратился в совсем чужого человека, и пока не знал то ли смириться, то ли отвернуться от него. Одно он знал точно, в данный момент и он сам, и его семья оказались здесь очень некстати. Он ведь считал, что лучше подружиться семьями – отношения будут крепче, если жены и дети будут называть друг друга по имени, вспоминать и пусть изредка навещать. Но, похоже, что такие отношения Худойкулу вовсе не нужны. Гость краснел, бледнел, чувствовал себя неловко. Уставясь в телевизор сидел словно каменный, только уши горели, будто он получил затрешину. Хотя Худойкул на словах был приветлив, но особого гостеприимства не проявил. Первое блюдо, появившееся на столе, была машхурда. Хозяин дома стал резать хлеб.

– Там в сумке домашний хлеб и сдобные лепешки из кишлака, скажи Сапувре, пусть принесет, – сказал гость. Хозяин дома позвал жену, и та принесла черный-пречерный хлеб и сдобную лепешку.

– Ну, конечно, совсем другой вкус, жалко только вид неприглядный у хлебушка, – сказал хозяин и, глядя другу в глаза, стал донимать вопросами:

– Скажи честно, пить будешь, если есть желание, то велю принести.

– Такой необходимости нет, – сказал Омондават, вновь поворачиваясь лицом к телевизору. Подвигая еду поближе к себе, бросил реплику:

– Если дома нет, то не стоит ходить за выпивкой.

Тем самым он дал знать, что есть желание выпить, что хотел бы за «поллитрой» излить душу, что истосковался по задушевному разговору. Однако...

Они шумно хлебали суп из риса и маша.

Когда с супом было покончено, в дверь позвонили. В комнату вошли двое франтовато одетых парней. Они обнялись, расцеловались с хозяином дома, сели за стол, по виду чувствовалось, что у них есть и время, и желание надолго продлить застолье.

Хозяин дома закружил, запорхал возле них. Гости, похоже, были партнерами по бизнесу, к тому же возвращались, совершив удачную сделку, по обычаю с Худойкула полагался магарыч. В один миг на столе стали появляться необычные яства. Такие лакомства «бедняка» как арахис, парварда, конфеты и сухофрукты тут же были убраны со стола. На столе появилось все, начиная с нескольких видов колбасы, сыра, куриных окорочков, до крупного полураскрытого миндаля. «Кишлачный» гость насторожился, подобрался.

Он до глубины души прочувствовал, что это очень важные люди, жестом подождал Худойкула и шепнул на ухо, что привез из кишлака орехи, кишмиш, арбузы тоже есть, пусть жена разрежет и принесет, к тебе пришли такие гости, нельзя перед ними ударить в грязь лицом.

Слова Омона остались без внимания, наоборот, чтобы куски хлеба из мельничной муки и сдобные лепешки не нарушали красоту богато накрытого стола, их быстро унесли на кухню.

Вот это да! Омону еще не доводилось видеть такого великолепия. Ему было в радость пить вино из фаянсовых пиал на кишлачных свадьбах, он воображал, что такие деликатесы существуют, но видеть не видел.

Не успел и глазом моргнуть, как в хрустальном сосуде появилась водка, пиалы наполнились, и зазвучали высокопарные тосты, все стали друг друга хвалить и хвалиться.

Оказавшись в этой компании, Омондават почувствовал себя второсортным лишним человеком, несколько раз выходил на балкон, курил в туалете, у него даже появилось желание найти укромный угол, укрыться с головой и уснуть, но он постеснялся, решил терпеть до конца. А трое дельцов тем временем наливали, выпивали, обсуждали кто какой договор подписал, на сколько миллионов, как их теперь освоить, на что потратить, говорили о каких-то непонятных методах. Слушая все это, Омондават пришел к выводу, похоже, что это воротилы, крутые парни. У него даже сложилось мнение: Бог знает, может, за ними кто-то стоит. Когда парень с кудрявой шевелюрой вытащил из нагрудного кармана какой-то предмет чуть больше спичечного коробка, и, приложив к уху, заговорил, Омон догадался, что это телефон, он по телевизору видел, э, садаганг кетай, хукумат, ана, бор бўл, қандингни ур, яша! Однако, похоже, что по этому телефону вовсе не обязательно говорить важные серьезные вещи, парень звонил каким-то женщинам, бухгалтеру что ли, словом, к одной девушке, и обращался с ней грубо, но в конце сказал несколько ласковых слов по-русски.

Может, потому что вместе пили, прежний гость и вновь прибывшие гости поладили. То ли самолюбие выиграло из-за того, что эти все время заносились, а может, потому, что в душе давно копилась и искала выхода обида, он сказал, что у него тоже есть разного рода планы, если все намеченное исполнится, то ты, дружище Худойкул, сам выберешь на Сергелийском рынке для меня «Жигули». Худойкул взглянул на него удивленно, словно из камня высекали огонь, затем в его душе будто просвет появился, как бы желая выяснить, какая машина нужна, старая или новая, он спросил:

– На какую сумму ты рассчитываешь?

– Пусть будет за миллион, – сказал Омондават и махнул рукой.

– Ого, ты молодец, не сдаешься, – сказал друг наигранным высокопарным тоном. Затем поинтересовался: а деньги-то есть.

– Зерно есть, друг. Сейчас оно дешевое, зимой цены подскочат, вот тогда я и сниму куш. Всему свое время, понятно?

– Понятно-понятно. Значит, за миллион продашь?

– Может, за два, посмотрим.

Гостю из кишлака захотелось показать, что его тоже голыми руками не возьмешь, поэтому он дал волю языку. Если предусмотрительность не проявишь, эти за человека не будут считать.

– А в общей сложности сколько зерна ты собрал? – не желая сдаться позиции, но для вида безразличным тоном спросил Худойкул.

– Моего зерна восемь тонн, если не хватит, то у Самара есть. Это примерно пять тонн груза. Зерна в этом году собрано мало, так что, я думаю, скоро цена превысит сто. Только на это и надеюсь.

– Хорошо, только не хвастайся, что два миллиона. Говори конкретно, пусть машина будет стоить плюс, минус миллион. Семье ведь тоже нужно на что-то жить. Имей в виду, что зимой и машины поднимаются в цене.

– Ну, если не хватит – ты у меня есть, что мне переживать.

– Вот только этого мне не хватало. Все ждал, когда же ты заговоришь об этом, я ведь давеча сказал, есть, только вот назад получить не могу.

– Не бойся. Во-первых, я в долг не попрошу, а если попрошу, ты не отказывай мне, договорились?

– Придет зима, тогда и поговорим.

– Знаю, деньги у всех в печенках, они, коварные, разделяют родителей с детьми. Как только переступил порог твоего дома, ты сразу ныть начал, будто умираешь с голоду. Ты говоришь, пусть зима наступит. Когда зима наступит, я у тебя даже снега

не попрошу, уверяю тебя, а то ведь ты сон потеряешь, беспокоясь, что одноклассник к тебе приедет.

– Давай наливай, давай чокнемся! – застолье продолжалось. Наконец на тонких прозрачных блюдах принесли нарезанный ломтиками арбуз. Похоже, Омондават порядком захмелел, потому что как только увидел арбуз, у него на душе посветлело. Эх-ма, он обрадовался как маленький ребенок. Если допустить небольшое преувеличение, то он почувствовал себя хозяином застолья.

К нему вернулось красноречие, он повернул разговор на дыни и арбузы, выращенные в степи. Несмотря на то, что темный арбуз сорта чулаки был куплен рядом с домом Худойкула, выбран продавцом из горы арбузов, выращенных на продажу, а потому, вдоволь вобрал в себя селитру, однако именно он послужил поводом для воспоминаний о тех дынях – кандаляшках, арбузах, тыквах из его незабвенного детства. Омондават заговорил о том, как в пору созревания дынь, перемахнув через ограждения, сделанные из колючих веток миндаля, он совершал набег на бахчу, однако, бабка, караулившая огород, несмотря на то, что доводилась родней его матери, нешадно стегала его кнутом. Позже на огороде рядом с домом вместе с помидорами, огурцами, стали высаживать и десять-пятнадцать семян дынь. Вначале по земле стелилась короткая плеть, затем появлялась длинная, а вот когда появлялась завязь величиной с орех и начинала день ото дня расти и менять цвет, то вся детвора в доме теряла покой: кому-то хотелось погладить маленькую дыню, кому-то понюхать, мать, теряя терпение, гнала их со двора и говорила, что если они не оставят плоды в покое, то дыни никогда не созреют. Омондават говорил об этом самозабвенно, как мальчишка, как и о том, что когда нюхал дыни, то тонкие иглы на стеблях царапали нос, а если вдруг созревала кандаляшка, то поутру тонкий аромат наполнял двор, какая это была непростая задача отыскать созревшую дыню, сколько плетей надо было перевернуть... Свежие утренние запахи: запах влажной от росы земли, влажных от росы плетей и множество других неведомых запахов опьяняли... Тыквенные и дынные плети, вырастая, «перелезали» через глиняный забор и темно-зелеными и желтыми дорожками свисали до самой земли, а они, домашние дети, караулили дыни и тыквы от уличных детей, их отец сеял за забором веники, чтобы защитить свою бахчу от набегов, для большей надежности привязывал там собаку.

От детства, не ведающего разочарования, остаются следы полные разочарований.

– Да, удивили меня, – воскликнул кудрявый гость. – Оказывается, если двух одноклассников изрядно напоить, то они становятся поэтами.

– Да, нам это ничего не стоит, – сказал Худойкул, – тем более, что мой друг – потомок сказителя Жуманбулбула. Если он еще пять грамм добавит, то сложит руки тамбуром, и начнет свое сказание.

– Мы вас умоляем, не надо нам никаких сказаний, – ухмыльнулся кудрявый. – Когда я слушаю туркменские песни, то ночью вижу кошмары. Стоит услышать голос бахши, я пугаюсь до смерти.

Хотя это было сказано в шутку, все же чувствовалось, что этим парням нет никакого дела не только до сказаний бахши, но и до жизни кишлака, такой волнующей, полной надежд и воспоминаний. По этой причине Худойкул, почувствовав, что совершил непоправимую ошибку, быстренько свернул эту тему. Бывает школьники, читая на уроке наизусть стихи, умолкают, забыв следующую строку, но стоит им чуть напомнить забытое, они опять во весь голос продолжают декламацию, то же самое происходило и с Худойкулом. Когда он вдруг осознал, какую ответственность придется взять на свои плечи, если он не сегодня-завтра перейдет на работу в таможду, будет подручным Кобила, то его уважение к двум друзьям, а точнее – цвету собравшейся здесь компании – возросло еще больше. Омондавату же оставалось лишь удивляться размаху их бизнеса. Принесли праздничное блюдо – мясо, сдобренное специями и запеченное в котле. Выпили. Он закусил ломтем арбуза. В ту минуту, ког-

да бросил арбузную корку на тарелку, он вновь пережил потрясение, это был другой арбуз! Омондават принес темный, а этот был полосатым.

Да, эти люди нам не ровня, и они постоянно стремятся подчеркнуть свое превосходство – мысль стрелой пронзила его душу, и настроение вконец испортилось. Он наполнил водкой пиалу и, выпив все до конца, перевернул ее вверх дном, как бы говоря: с меня довольно! Ему захотелось побыстрее захмелеть, нет, не просто опьянеть, а перейти в другое состояние, он хотел достойно выйти из неприятной ситуации, закинув под язык понюшку насвая, он добился-таки желаемого эффекта.

Выйдя из-за стола, плюхнулся в кресло. И некоторое время спустя, крепко уснул, опустив голову на грудь. Проснулся уже утром. Голова гудела и разламывалась от боли. Гостей и след простыл. Худойкул успел уже помыться, побриться и хлопотал на кухне, заваривая чай. Омондават лишь дивился, с него как с гуся вода, бодрый, деловой, будто вчера ничего не было. К чаю подоспело и незнакомое гостю блюдо, «кук-си», его принесла русская женщина. Похоже, что все вчерашние блюда, словно по волшебству появившиеся на столе, были приготовлены на заказ, подумал Омондават. Ведь у жены Худойкула грудная дочка, сама бы она на кухне не управлялась.

Гость извинился перед хозяином за доставленные хлопоты и сказал, что им пора домой. В ответе Худойкула гость уловил: скатертью дорога.

– Как-нибудь в другой раз посидим, поговорим. А сегодня я собираюсь лететь в Алматы.

Разумеется, Омондават до глубины души был обижен безразличием друга. Когда Омондават с женой и детьми стал прощаться с хозяевами, Худойкул вышел с ними в подъезд, но провожать не пошел, а лишь подсказал короткий путь. Его жена дошла вместе с ними до дороги. Оказывается, там была мусорка. Омондават не обратил на это внимания, но почувствовав, что его толкнули в бок, растерянно посмотрел туда, куда взглядом указывала жена, и увидел два арбуза, оставленные возле железных ящиков, точно такие же черные, как те, что они принесли в подарок хозяевам дома. Этого не может быть, он не хотел верить своим глазам. Неужто орехи и кишмиш, которые не каждому горожанину по карману, тоже выкинули на помойку!

«Эй, человек! Ведь еще вчера мы были с тобой равны. Из кишлака, из-за сложенного горкой кизяка ты вышел в люди. Так будь человеком, что ты себе позволяешь? Пусть я не в состоянии делать тебе подарки стоимостью в миллион, но я привязан к тебе душой, друг, всей душой! Разве можно унижать человека до такой степени. На тебе свет клином не сошелся, если бы я не приехал, то не умер бы, мне хотелось навестить тебя из уважения, а что вышло... Ты обошелся со мной плохо, недостойно. Ты осквернил святое! Тебе за все предстоит держать ответ, Бог тебе судья!»

Вслух же он произнес следующее:

– Сапувра, возвращайтесь, не надо нас провожать. Теперь мы знаем, кто мы такие. А также кто вы. Между нами все кончено. Бывайте. Прошайте. За все спасибо.

Высказавшись, он заспешил вперед. Его распирало желание вернуться и высказать горькую правду, но, боясь прослыть неблагодарным, он не останавливаясь шел все дальше и дальше.

Устюрт

Рассказ

(перевод с узбекского А. Фазилова¹)

Только после заката я добрался до станции, откуда единственная в этих краях железная дорога и магистральная автотрасса уходят вглубь огромной безжизненной пустыни плоскогорья Устюрт. Вокруг под убогими навесами пять-шесть женщин торговали подогретой едой, лепешками и всякой ходовой мелочью. Хотя было еще достаточно светло, с грохотом проносившиеся массивные крытые грузовики и длинные фургоны уже шли с зажженными фарами. Движение не прекращалось ни на минуту, машины неслись сплошным потоком. На обочине под целлофановой пленкой ведра и тазы с помидорами, огурцами. Овоши, ясное дело, привезены из какого-то далекого аула. Тут они даже в самых северных окраинах этой безводной пустыни не растут.

– Вон отсюда, алкаш, сгинь!.. Чуть дай им спуску – конец! Прилепятся как назойливые мухи.

Молодая женщина, укутавшись в пуховый платок, с палкой в руках гналась за двумя бродягами, видимо, выпрашивающими еду. Обросшие бродяги бежали не разбирая дороги. За что их так, наверное, потому что бродяги, потому что бомжи.

– Сдохни, чем так кланчить хлеб. Иди, работай, крутись как мы. Я, дура, решила вытащить тебя в люди, а ты ухитрился спиться с моим же, у меня же дома, – с горькой обидой женщина замахивается на одного из них.

– Вы меня убьете! – выкрикивает он, прячась от удара.

Я, конечно, невольно обратил внимание на эту сцену. Бродяга, которому и сорока не было, сидел на земле, закрывая голову грязными руками. Женщина, уже заносившая палку, в последний момент почему-то передумала и, опустив голову, повернула назад причитая:

– Пропади ты пропадом с этой пьянкой. А еще говорят, что ты сын приличных людей. Посмотрите, в кого превратился. Чем глотать здесь эту заразу, иди, трудись, крутись как мы... Мне вас кормить, или своего домашнего алкаша?.. Которого кормишь – ест, бьешь – терпит...

Саломат ВАФО

Родилась в 1966 г. в Шавате Хорезмской области. Окончила ТашГУ факультет журналистики.

Работала на Узбекском телевидении.

Автор первого исторического романа на узбекском языке, написанного женщиной

«Таинственное государство», а также сборников рассказов: «Фарида» (1991),

«Женщина, которая ищет себя» (1995),

«Ангел душ» (2002),

«9/1» (на английском языке, 2007), романа

«Воспоминания о заблуждающейся женщине».

Живет в Ташкенте.

¹ **Абдухаким Фазилов** родился в 1943 году в г. Ташкенте. Работает в НПО «Физика-Солнце» АН РУз. Заведует лабораторией «Солнечные Лазеры». Кандидат физико-математических наук. Член Союза Писателей, прозаик, переводчик, автор трех художественных книг и более 80 научных статей.

– Женге¹, что вы нервничаете? Их что ругать, что бить – без толку, – сочувственно вмешался я.

Женщина подняла голову. Ее, к моему удивлению, достаточно тонкое лицо было багровым не столько от холода, сколько от возмущения. Она несколько смутилась, увидев перед собой молодого мужчину в непривычной для здешних мест городской одежде. Глаза ее тут же наполнились слезами. И она начала поправлять платок, вытирая слезы его кончиками.

– Э э, не видишь.. эти уже совсем.. – теперь уже мягким голосом говорит она. – На базаре, кроме меня, им никто куска хлеба не дает. Все объедки, отрывая от собак, приношу им. Это ведь тоже люди... А этот Паша, за которым я сейчас гналась, иногда приходил и делал у меня дома хоть что-то полезное... А потом узнаю: тайком пьют водку с моим.

Я поворачиваюсь к Паше. А он, оказывается, благополучно улизнул и с собутыльниками роется в ближайшей мусорной куче. Вокруг них родная стихия – бутылки, пивные банки, грязные пакеты и всякая дребедень.

Вдалеке догорал закат. В холодном и прозрачном воздухе слышались резкие звуки взмахов птичьих крыльев.

– Неужели больше не будет автобуса, женге? – спрашиваю я, вглядываясь в уже начинающее стареть лицо обиженной всем мужским родом женщины.

Показав, что статус «женге» ей не по душе, она постояла немного, не поднимая глаз.

– Никакая я тебе не женге. Мне всего двадцать семь, – сказала она с еле заметной улыбкой. – Последний автобус ушел часа три назад. Водители спешат проехать пустыню пока светло. Дорога сейчас промерзла, едут осторожно, медленно. Разве можно доверять железу. Не дай бог сломается на полпути в пустыне. Вон там, – она указала рукой на убогую хибару, – сидят и ждут, кто автобуса, кто поезда, чтобы поскорее пересечь пустыню.

– А мне на чем ехать советуете, – спрашиваю, заметив ее явное расположение к себе. В ее грустных глазах светилось участие, как к близкому человеку... может быть, даже большее...

– В четыре утра придет поезд. Поедешь спокойно, горячим чаем погреешься. И людей будет не очень много.

– Поездом я буду дома только завтра вечером. Нет, мне надо уехать отсюда сегодня. Да, кстати, с наступающим праздником вас! Как вас зовут? – спрашиваю, чтобы больше не раздражать ее, словом «женге».

Торговка, собирая пустую посуду из-под еды и напитков, несколько поколебавшись выдала из себя:

– Олмагуль.

Лицо ее вдруг просияло, как после трудного решения.

– Не знаю как тебе быть в таком случае... Хочешь, отдохни до утра у нас дома, наверное, утомился в дороге.

Добродушие и гостеприимство женщины тронули меня, человека достаточно помытарившегося в непростых условиях далеких русских городов. Тут я по-настоящему почувствовал, как соскучился по родине, по своему кишлаку. Из гостинцев для домашних я вытащил флакон духов и пачку печенья в красивой упаковке и протянул женщине.

Она растерялась:

– Я на продажу вещей не беру.

– А я вам это дарю.

– Как это? Почему?

– Потому что вы красивая и хорошая женщина, – говорю я, подчеркнув слово «красивая». При этом подсознание успевает отметить – искусство обвороживать незнакомых женщин ты приобрел на чужбине. Но почему ты пользуешься этим сейчас и здесь? Сам себе отвечаю: не знаю. Захотел, и все.

¹ Женге - уважительное обращение к женам родственников, земляков.

– Ой спасибо.. спасибо, – встрепенулась женщина. – А я... подумала на продажу.. – неуверенно повторяет она.

Как легко покорить женскую душу.

– А что мне вам дать?.. я вижу, вы человек интеллигентный.

– Это на самом деле так, – говорю игриво.

– Я это заметила. Поэтому стараюсь, чтобы вам не было тошно с несчастными горе-путниками в этом сарае... И муж сегодня дома, – смущенно добавила она.

– А как вас зовут?

– Шухрат.

– Что делали, на чужбине?

– Есть у меня друг, турок. Мы с ним учились в университете. В прошлом году он открыл свое дело в Москве. Вызвал меня, дал работу. И вот, я уже год там.

– Пусть сам Аллах пошлет вам удачу... Все же там в основном на черной работе... гастарбайтеры...

– Спасибо. У кого какая работа. Тут у каждого своя доля, везение. Я спешу домой к празднику. Говорят, что если с какой угодно точки Земли доберешься до Устюрта, то считай, что ты уже дома. А здесь, оказывается, можно застрянуть неизвестно на сколько, как насекомое в стеклянной банке. Странное это место, и зачем я поехал через него?... Обдурили, убедив, что всего через восемь часов буду дома. Ладно, загляну-ка к тем ожидающим. Как, интересно, они думают уехать отсюда?

Женщина не ответила. Но я видел, что она не хотела, чтобы я уходил и, не поднимая головы, тянула время, продолжая возню на прилавке в каких-то сумках. А потом я почувствовал, как она провожала меня взглядом, когда я уходил. Кажется, внутри у нее что-то зажглось. «Зачем мне это было нужно? Я же ее больше не увижу и ничего не узнаю о ней? Почему в таких ситуациях я веду себя так неразумно, мало того, эгоистично? Может, пытаюсь необоснованную в моем случае мужскую щедрость проявить?! И в то же время не задумываясь чуть ли не на поножовщину решаю даже со своими родными братьями из-за денег, которые сюда высылаю. Здесь, на Устюрте, тоже оказался из-за своей расчетливости и прижимистости. Хотя я за два-три месяца зарабатываю столько же, сколько эти жалкие, богом забытые люди за год», – ругал я себя. Но эти рассуждения были уже как мертвому припарки.

Войдя в дверь лачуги, я застыл на пороге. В тускло освещенном электрической лампочкой помещении между тюками и клетчатыми сумками в тесноте сидели люди.

– Кто-нибудь собирается сегодня пересекать пустыню? – спросил я.

Все сразу зашевелились.

– Приехал автобус? Докуда? Почему берет?

Сидящие поодаль начали подниматься.

– Да нет, я сам хочу ехать.

– Ээ... что тогда морочишь нам голову?!

И все вернулись к своим делам: кто жевать, кто дремать.

– Садись сюда, братан, – позвали меня. Несколько человек лет сорока в спортивных шапках читали газеты. Несмотря на холод, воздух здесь был тяжелым. Пахло сигаретами и несвежими носками.

– Хотите? – мужчина с густыми черными бровями на мозолистой ладони протянул мне горсть земляных орешков.

– Спасибо.

– Вот японцы, – восторгается худощавый человек с удлинненным лицом, – создали робота, выполняющего всю работу за человека, – гордо заключает он и складывает газету, будто это он создал такого робота.

Мужчина в черной телогрейке, угостивший меня орешками, которого все называли Рахим ака, не переставая бросать карты в круг бравирую: «Вот вам еще два туза», – озорно спрашивает:

– Вот это здорово. А работу, на которую намекал Кучкар в «Железной Женщине»¹, тоже может выполнять, а Артык?

¹ Комедийный кинофильм о роботе-невестке.

- О какой работе речь? – намеренно подтруниваю я.
- Что вы строите из себя наивного? Лучше сознайтесь, что соскучились по жене, – подкальывает меня Артык.
- Скучать по жене это же нормально. А если робот выполняет роль женщины, пусть выполняет и эти дела тоже, – огрызаюсь я.
- А сейчас что, мы должны мучиться по ночам в холодном мужском одиночестве, страдая ради этих проклятых заработков? Ну и брали бы их на маевки с собой. Если это не по карману – сбрасывались бы. Они же не жены, чтобы ревновать их друг к другу. Помыл как следует после сеанса от предыдущего, и все дела, – самодовольно хохочет Рахим.
- Действительно, в русском городе пойдешь куда-нибудь расслабиться, разденут и отдубасят до полусмерти. Другое дело японская кукла. Закончив дело, кладешь ее в сумку и отправляешься по своим делам.
- Взрыв хохота.
- А ты Артык, у тебя вообще все не по-человечески. Всегда ставил палки в колеса. Договариваемся с будто сливочными длинноволосыми русскими девочками. Пьем, нажираемся, а как только дело доходит до дела, из какой-то дыры выползает Артык и причитает: «А если у нее СПИД, или другая страшная болезнь?». На этом все и кончается... Эх твою мать...
- Артык продолжает читать свою газету. Временами усмехается и ворчит себе под нос.
- А что же вы слушались меня? Я только хотел, чтобы вы домой к своим детям вернулись здоровыми. За руки же я вас не держал.
- Тут открывается дверь и входит грузная женщина в тулупе с огромным тазом прижатым к боку и какой-то девчонкой, выпуская пар из ноздрей после холодного воздуха, словно бык.
- Есть горячая гумма...
- Мгновенное затишье.
- Артык, ты как надоедливая вошь. Хватит трепаться, давай наляжем на горячую гумму. Один раз живем. А приправа острая есть? – спрашивает Рахим у женщины, – и тут же оборачивается ко мне, – Вам сколько?
- Двух хватит.
- Два?.. Мы с Артыком слопаем не меньше десяти. Это очень вкусные пирожки из сбоев: легких, шек, уха, горла и носа скота.
- Да, скосили нос скотине и положили в пирожок, – иронично вставляет Артык разойдясь. – Может выпьем немного, а, Рахим ака?
- Верзила Рахим дружинисто встает.
- Вот это другое дело! Вот это я понимаю. Только не вздумай, как всегда, обращаться к своим методам и сомневаться в свежести гуммы.
- Растаяв от такой дружеской фамильярности, Артык спрашивает у женщины:
- Сулув опа¹, водка у вас есть, или нам сбежать?
- Ни на секунду не прерывая бойкую торговлю пирожками, женщина отвечает: «А как же, есть», – и ставит перед нами две бутылки.
- Упивайтесь теперь без опаски, друзья. Мы же почти дома, – стелет как дастархан перед нами свою газету Артык.
- Налетайте, парни! – Рахим проворно вытаскивает откуда-то колбасу, копченое мясо и соленья, умело порезав их, раскладывает на газете. Я тоже вынимаю что-то из своих гостинцев. Опрокинули по первой. Я вижу, Артык, сморщившись, с трудом глотнул и сидит опустив голову, нюхая откушенный помидор.
- Да съешь уже, Артык, замучил ты его.
- Собравшиеся хохочут.
- Ну, давайте еще, пока идет, – высоко поднимает вторую пиалу к удивлению всех тот же Артык, – Дай нам Бог здоровья!
- Рахим удивленно посмотрел на Артыка:
- Ну, ты, оказывается, совсем свой парень. Мужчина. А я-то думал... – хлопает его по плечу.

¹ Сестра-красавица.

– А что, разве не понятно, если там будешь выпивать, всего лишишься. С работы выгонят. Деньги отберут. Да и в лесу можешь замерзнуть случайно... Теперь, слава Богу, мы дома. Устюрт ведь хоть и суровая, но часть нашей родины. Все торопятся к празднику домой, а здесь застряли. А всех ждут родные... Этот братан тоже оказывается из наших, – заплетаясь языком начал говорить Артык, трогая меня за локоть.

– Сколько заработал, братан?

– Э... оставь. Только что похвалил его, и что, тут же хочешь допрашивать? Давайте лучше поднимем следующую, – перебивает его Рахим.

– Не очень много. Я там всего год был, – отвечаю я, с некоторой опаской.

– А деньги переправлял через «Вестерн Юнион»? Какие там проценты?

– Да, через него. Раз все отправляют через него... я тоже... а процентами даже не поинтересовался, – отвечаю я, поднимая полную водки пиалу.

Голова у меня начала заметно кружиться. Я с утра ничего не ел.

– Совсем замордовали, – спешит Рахим, – давайте уже покончим с этой пиалой.

После чего все накидываются на дастархан. Поодаль от нас поднимается шум, уже хорошо набравшиеся парни пристают к молоденькой, помогающей торговке гуммой, девочке.

– Эту вашу девочку выкраду, женге.

– Так вам и дала выкрасть. У нее есть здоровенные братья, а у тех – скакуны, как ветер.

– Ээ... в наше время какие такие скакуны? Оставьте.

– А мы на чем добираемся сюда из аула?

– Ладно, дам выкуп женге, отдайте девочку. Знаете, с кем дело имеете? – с самим Рустамбеком.

– Знаю, как доберетесь до водки, вы все смелые, богатые, – пренебрежительно парирует Сулув, уже имеющая опыт в таких разговорах, – а завтра сделаете вид, что даже не узнаете.

– Есть кто хочет пересечь пустыню? – прерывает нашу возню и галдеж громкий крик вошедшего в дверь парня с заиндевелыми бровями, трудно различимого в дыму и паре. Полупьяная толпа пришла в движение. В помещении стало как будто еще темнее.

– Вот. Если Бог даст, и автобус как из-под земли возникает, – радуется кто-то.

– Крытый Камаз! Дадите с головы по шесть тысяч – за пять часов перебросим через пустыню.

Поднимается шум.

– За наши легкие, простуженные в кузове? – пьяно хохочут в одной из компаний.

– Поехали! Только давайте по пять! Вот здесь только нас уже двенадцать. У вас же не автобус с отоплением?

– По пять не можем. Все уйдет на бензин. Кто не хочет, пусть ждет автобуса с отоплением. По шесть повезем. А так, можете утром ехать поездом. Будете дома только после Нового года.

Все замешкались. Желание встретить Новый год с близкими было то, самое уязвимое, тонкое, на что грубо, но умело надавил шофер Камаза. Артык с недоодеанным бутербродом с колбасой в руке растерянно смотрел на водителей. Сзади люди начали собирать вещи. Рахим посмотрел на меня, потом на Артыка и поспешно поделил остаток водки на три пиалы:

– Поехали, Артык. Не здесь, а в машине будем спать. Была – не была!

– Будет очень холодно, Рахим ака. Не дай Бог, если случится что... в пустыне, говорят, и мобильники не работают, – слабо пытаюсь отрезвить их.

– Будем дома до того, как закончится подогрев водкой, – твердо заявил он после очень короткого раздумья. – Поехали, очень соскучился по детям. Да еще завтра день рождения жены.

– А у меня день рождения матери... Говорят, после окончания действия водки холод чувствуешь вдвойне сильнее... А если случится что: сломается машина, или собьемся с пути и заблудимся?! – как будто сам с собой говорит Артык.

– Э-э-э. Поднимайтесь, видишь, все уже на ногах. Один что ли хочешь остаться здесь? Если сломается – вон сколько мужчин – толкнем. Вот наш новый братан Шухратвой тоже с нами. Так?!

– Так, – киваю я.

Захмелевшая толпа, поддерживая друг друга, движется к двери.

– Сулув опа, еще пару бутылок. Если по дороге Артык начнет коченеть, буду его разогревать. Его же надо доставить в объятия жены тепленьким.

За дверью нас встречает колючий холодный воздух пустыни. По трассе с ревом несутся большегрузные фуры и автобусы с ослепляющими глаза фарами. По краям площади тускло светятся огни полностью накрытых целлофаном ларьков. Как они держатся там на таком холоде?.. Сюю голову в один из них и вижу Олмагуль, недавнюю грозу бомжей и бродяг. Она при свече слушает радио – «Ночи лунные, ночи лунные... Примите наш поклон, ночи лунные».

– Заходи. Хотела отправить тебя к себе домой, не пошел. Видишь, как похолодало. А этого Пашу я опять пожалела. Приютила его. Так этот идиот вернулся обратно. Наверное, дома водка кончилась.

Теперешний румянец от холода ей очень шел.

– Решили ехать, зашел попрощаться.

Она начала растерянно поправлять платок. Тревожно посмотрела на меня, как на родного.

– Автобус что ли приехал?

– Крытый грузовик. Двадцать-тридцать парней решили ехать.

Красивое лицо женщины внезапно помрачнело. Быстрым проворным движением высунувшись из целлофана, она посмотрела на небо. От нее пахло свечами.

– Думаешь, что говоришь? Когда машина едет, становится раз в десять холоднее. Окоченеешь или себе что-нибудь отморозишь. Этот дурачок Павлик, оказывается, тоже собрался ехать с вами?

– Я же не один. А шофер обещает за пять-шесть часов вывезти нас к Амударье.

Заметно нервничая, она начала наводить порядок на прилавке. Среди вещей своих подарков я не увидел.

– Сам знаешь. Я бы не поехала. Если потерпишь четыре часа, подъедет поезд – удобно, теплые вагоны.

– Не хочу отставать от спутников, – объясняю я. А в голове мелькает: может, остаться?

Оказывается, чтобы утеплить железный пол и борта, в ауле загрузили в машину соломы. Как только машину с открытым задним бортом подогнали к постоянной хибарке, все, расталкивая друг друга, начали забираться в кузов, чтобы устроиться, где потеплее.

– Поедем по старой дороге. Тогда доедем за четыре-пять часов.

Тут появляется Олмагуль с каким-то тюком в руках.

– Эй, чернобровый... Возьми это. С Пашей завернетесь в него. Сними свой галстук, натяни на себя что-нибудь теплое, если есть. Ты где Паша?

– А нам что, Олмагуль? Среди нас тоже есть чернобровые. Мы тоже хотим одеяло или тулуп.

– Здесь я, здесь, – кричит из темноты, видимо, Паша.

– У меня что, думаете тут цех одеял для всех вас? Каждый день ташусь сюда на повозке со всем своим скарбом, чтоб заработать. До свидания, Павлик. Где бы ты ни был, будь здоров.

– Спасибо, – говорю я разворачивая тюк. – Это похлеще, чем шкура арктического белого медведя. Спасибо. По возможности, обязательно верну.

– Будь здоров, – на ее ресницах блестела то ли слеза, то ли крупинка инея, а слова звучали с заметным надрывом.

Мошная машина с ревом тронулась. Нас обдало запахом едкого выхлопа и бензина. Несмотря на достаточный хмель, мы все проводим по лицу открытыми ладонями, с привычным: «аминь...»

Как только мы выехали в степь, в многочисленных щелях крытого борта засвистел холодный ветер.

– Ээ... что, всю дорогу теперь будем ехать под этот свист, – кашляет Рахим. – Тем более, когда человек двадцать выдыхают перегар. Водители обязаны были каждому из нас выдать по противогазу, – в ответ раздается развязный хохот...

Где-то через час кто-то кричит: – телефоны отключились, высвечивается: «нет связи».

– Брат, как ты? – спрашиваю у Паши.

– Привет, как ты сам? – отвечает тот фамильярно на «ты», как принято у казахов и каракалпаков.

– Ничего. Паша, как ты дошел до такого состояния? Женге говорит, что ты сын порядочных людей...

Мотор, своим рыком как бы пытаюсь перебороть рев холодного ветра бескрайней пустыни, мчит нас в ее темные просторы. Очень скоро в голосах путников полностью исчезли нотки даже пьяной веселости. Холод острым ножом пронзал тело.

– Это длинная история. Налейте немножко, расскажу, – говорит Паша, подбирая ноги под тулуп. По легкому подпрыгиванию его тела от тряски борта понимаю, что он уже на этом свете не жилец.

– Какого черта его поить? Нужен вам его занюханый рассказ? – бормочет Рахим в полудреме.

На соломе нашупываю бутылки. Нахожу полупустую и сухую в жадно дрожащую руку Павлика.

– На, пей сколько хочешь.

– Это все мне?

– Да.

Вскрежете тряски кузова, свисте ветра пустыни еле слышно несколько глотательных увик,... увик,... бродяги. Бросив бутылку на солому, он замирает.

– Эй, товарищ Павлик Морозов, не спи. Рассказывай...

– Ух, где можно укрыться от этого холода? В холодильнике, наверное, теплее. Шухрат, дался вам его пьяный рассказ? – ворчит Рахим. – Хотелось бы знать, куда мы доехали?

– Наверное, в центр пустыни, Бог его знает, – отвечает кто-то.

Ветер воет. Машину, как мяч, подбрасывает на колдобинах.

– Какой негодяй посоветовал ему ехать по старой дороге, – продолжает ворчать Рахим.

Ветер пустыни завывал как стая шакалов. Если прислушаться, в шуме мотора улавливалось нечто напоминающее топот тысяч копыт скачущих по степи лошадей. Временами слышалось обрывочное полусонное, полупьяное: «О чем... Да...да», – Павлика. Иногда звучали вполне осознанные душеизлияния, которые постепенно превращались в пьяную дремотную дребедень.

– Моя мама – Роза Хасанова – родилась в этих степях. В Москве... во ВГИКе училась, там и осталась...

Видимо, Олмагуль неспроста горько причитала. Быть может, он действительно отпрыск достаточно благородных людей.

Вдруг, несколько раз судорожно дернувшись, машина остановилась. Затаив дыханье, все превращаются в слух. Со всех углов кузова слышатся причитания – о, Боже! Кто-то стучит по крыше кабины. Мотор заводится и опять начинает реветь.

– А что если водители заснули? – как бы сам себе говорит Артык.

– Потом родители разошлись. Я остался с матерью.... Ух-ху, как она мучилась воспитывая меня... В 1995 году во время съемок она скончалась от остановки сердца. Тогда мне было всего двенадцать. Меня отправили в степь, к бабушке... Недавно она тоже умерла... – Паша шумно сглотнул слюну, руками жадно шаря в соломе.

– В Москве я попал в капкан мошенникам, ух-ху... Они квартиру мою продали... Остался на улице. Начал пить... И вот брожу свободный, как ветер...

Он нашарил бутылку, где что-то еще оставалось.

– Эй, ты, «свободный ветер», полетай, если можешь. Алкаш, бездельник, негодяй. Ты хоть понимаешь, что из-за пьянства профукал трудами добытую квартиру матери?! Теперь тебе никогда не видать квартиры в Москве.

– Рахим ака, оставьте его. Ведь у всех своя доля и судьба.

– Да положил я на это! Если бы этот свободный ветер не пил, его судьба-доля были бы совсем другими.

- Паша, и куда ты теперь?
- В Питер... Там есть знакомый.
- Его голос едва перекрывал рев мотора.
- А знакомый кто, тоже бездомный?

Опасаясь, видимо, очередного выпада Рахима, Паша немного помолчал. Потом послышалось:

- Бездомный, но он работает дворником. У него в подвале есть теплое место.
- Здесь тоже полно таких мест... Сколько тебе лет?
- Тридцать два... Да, но здесь постоянно: «Иди домой». Видели же...
- А там из дома, да? – вставляет Рахим.
- Ветер усиливался. Чувствовалось, что машина с трудом пробивалась сквозь него.
- Вай... вай... Такой молодой... Я-то думал, что ему далеко за пятьдесят... Шухрат, если он не заткнется, выброшу его за борт. Шакалам на радость.
- Оставьте его, не берите грех на душу.
- Э, этого проспиртованного «свободного ветра» и шакал есть не станет. Отравится, – ворчит Рахим.

Павлик замолк. В машине становилось все холоднее. Тряска усиливалась. Ворчание Рахима и Артыка затихало. Мне казалось, что те, кто лежит ближе к выходу, замерзли, закоченели. Степной холодный ветер, как бы празднуя победу над людьми, барабанил по железному покрытию кузова, бил по бокам. Где-то в самой глубине степи, в объятиях непроглядной темноты упрямо редела наша одинокая машина-богатырь... А в уютных домах едущих здесь мужчин, худо-бедно, но все же все по-новогоднему празднично украшено, накрыт стол. Домашние прислушиваются к шуму проезжающих машин:

- Иди, посмотри, может, папа и брат приехали? – говорят с надеждой...

Подползаю к двери борта. Слышу шенячье поскуливание Павлика. Смотрю в шель. Мрак. Очень далеко в стороне едва угадывается что-то напоминающее предрассветное зарево. В страхе откидываюсь назад. А что если от очередного толчка машины дверь откроется, и я выпаду... Замерзну, стану добычей шакалов.

– Боже всемогущий, все святые, молю вас. Ради наших детей и близких помогите доехать до дома живыми. Будь проклят ты, Рахим! Почему я тебя послушался и сел в эту машину... Приполз обратно и забрался под теплый тулуп, прислушиваясь то ли к стонам степного ветра, то ли к многострадальному реву мотора...

Лет десять назад я случайно оказался в одном купе с голубоглазой, цвета чистой озерной воды, стройной русской девушкой. Пообщались, выпили. Ночью, когда я проявил мужскую инициативу, она не выказала возражения... Мы отдалились друг другу. Вагон любовно раскачивал нас. Это была моя первая близость с чужой женщиной... Почему я сейчас вспомнил это? Неужели это к чему-то недоброму?..

Проснулся от шумных криков, ругани. Машина стояла. Павлик мертвецки спал. Еще несколько путников сплелись, видимо, в крепком сне. Протирая глаза переполз через них и слез с машины. Сонные люди жалась друг к другу от холода. У всех из носа и рта шел пар. Вокруг все серо-желтое, вдали белеют солончаки, мешаясь с примерзшим к земле тонким слоем снега, казалось, мы находились на самом краю земли, об ушедшей отсюда десятилетия назад цивилизации напоминала лишь заброшенная сорокаметровая вышка радиорелейной связи «Москва – Ташкент» и тянущиеся непонятно куда какие-то провода на покосившихся столбах.

Увидев настроение людей, понял, случилось что-то ужасное.

– Что мне мозги крутишь? Если не можешь, зачем взялся, сволочь!? Сейчас я тебе морду расквашу, – орал Рахим, за горло прижав шофера к двери кабины. Второй шофер сидел уже избитый, с растрепанными волосами, без шапки.

– В полночь, чтобы не заснуть от холода, сменил напарника. Наверное, задремав, свернул с дороги...

– Твою мать... слышите, не говорит заблудился, говорит свернул. Тебе что, жизнь двадцати пяти человек – игрушка? Пес!

– Почему не сознаешься, что ты возвратил нас в то же место, где взялся за руль. Тварь!

– Рахим ака, успокойтесь. Это сделано не умышленно. Давайте будем думать, как выбраться отсюда к людям. Давайте будем думать об этом, – пытаюсь я отвлечь Рахима.

Оба шофера были совсем охрипшими с красными от плача, бессонной ночи и усталости глазами. Ну и верзила Рахим кое-что на их щеках дорисовал.

– Осталось всего десять-пятнадцать литров бензина... Думал, залью на первой же заправке, – бормочет шофер.

– Ну как, залил да?

В ответ водители испуганно поворачивают головы во все стороны, вглядываясь в невидимую сейчас линию горизонта необъятной пустыни.

– Может быть, мы с напарником пешком поищем большую дорогу, – обреченно говорит шофер. – Если будем блуждать на машине, сожжем и оставшийся бензин...

– Об этом надо было думать раньше, – кричат сзади.

Протрезвевшие путники дымят сигаретами. Парень, сидящий в сторонке опершись спиной на колесо грузовика, как-то странно качал головой из стороны в сторону:

– Сегодня у меня свадьба... Сегодня у меня свадьба...

– Что???

– Это машина или какая-то психовозка? – орет кто-то.

Шум и галдеж немного стихают.

– Двадцать пятого декабря я должен был быть дома. Там, на чужбине, на вокзале на неделю заперли в каталажку. Отобрали паспорт, деньги, телефон... Поэтому, когда выбрался, решил ехать через Устюрт, чтобы успеть. Но попал именно в эту машину...

– Не стыдно тебе хныкать, мужчина? Еще говорит, что женится...

– Братан, не плачу. Все домашние считали, что мне нельзя верить, я считался необязательным. Вот теперь опять...

Рахим сидел в стороне, обхватив голову руками. Безжизненная необъятная желтая пустыня вселяла тревогу, граничащую со страхом. Вокруг нет ничего, с чем можно было бы соизмерить ее колоссальную просторность. Как будто других понятий, кроме «пустыня», на Земле не существует. Перед этой стихией человеческая воля, ее возможности – ничто. Эта бескрайность поглотила все. В здешних местах свои каноны и мерки. Мерой всего была та часть пустыни, которую мы видели.

Раньше я считал себя способным на многое. Но перед могущественной природой я почувствовал себя песчинкой. Чувствовал, как кончики пальцев ног коченеют. Мои спутники, инстинктивно подпрыгивая, рысцой крутились вокруг машины, будто выполняя какой-то ритуал самосохранения. Я присоединился к ним.

– Или будем ехать, пока хватит бензина? – робко спрашивает шофер.

Подпрыгивающий круг замирает.

– Ну а дальше что? Кончится бензин – замерзнем как собаки. Телефоны же не работают...

Вой ветра усиливался. Слышны всхлипывания несчастного жениха. Он плакал горько, как ребенок, которого ненароком несправедливо обидел его же родной отец. Круг опять пришел в движение.

– Боже милостивый, за какие же мои грехи? – кричит кто-то за машиной.

– Ладно поехали. Остановишь, где увидишь саксаул и верблюжью колючку. Будем спасаться у костра. А сейчас, не теряя времени, справляйте нужду, – обреченно говорит Артык.

Люди молча расходятся по сторонам. Уже не до условностей и приличий.

Опять тронулись. Мне показалось, что теперь рев мотора сильно уступал реву ветра. При каждом очередном его порыве у всех замирало сердце. Все понимали: остановка машины – смерть... Неужели наши безжизненные тела останутся в этих местах... Да не может быть!

Я все не хотел признавать безнадежность нашего положения. Не допускал мысли, что нас, замерших, здесь будут грызть дикие звери. Несмотря на то, что недавно на станции говорили, будто на днях волки и шакалы уташили много овец и коз из отар.

«Нас же много», – обнадеживал я себя, как будто к нам спешили вертолеты и машины спасателей. На самом деле, о том, что мы заблудились, не знали ни там, откуда мы выехали, ни там, куда мы должны были приехать. Мало того, сейчас ни в

одной спасательной организации вообще никому нет дела до нас. Везде готовятся к празднику...

Где-то через час наша машина, дернувшись несколько раз, остановилась. Мотор замолк. Несколько человек спрыгнули с борта. А я сорвал чудом сохранившийся пшеничный колос, найденный в соломе, и с большим удовольствием начал жевать зерна, наслаждаясь вкусом хлеба. Павел дополз до края борта и то ли спрыгнул, то ли вывалился наружу.

– Это дорога на Питер... – услышали мы снизу, с земли. Но бред бродяги никого уже не рассмешил.

– Это Москва... Москва. Алкаш, ты уже приехал, – ответил кто-то.

Все разбрелись в поисках чего-нибудь для костра.

– Далеко не уходите. Найдете что можно сжечь, тут же возвращайтесь. Видите, что вокруг творится. Заблудитесь! – кричал Артык.

А вокруг свирепствующий в песчаной мгле ветер поднимал с серых просторов земли все, что могло двигаться – обрывки камыша, шары перекасти-поля... Мои спутники ходили согнувшись в три погибели под холодным ветром и осознанием своей участи. Водители, совсем сгорбившись под тяжестью своей вины, притащили кожаные сиденья кабины, пытаясь соорудить из каких-то кусков материи укрытие от ветра, подперев их изогнутыми ветвями саксаула. Запах бензина и машинного масла, исходивший от этих тряпок, сейчас был приятен как напоминание о другой жизни, от которой мы были оторваны.

Несколько человек вернулись с охапками для костра. Его удалось разжечь, с большим трудом отгораживаясь от вездесущего ветра.

– Сколько нас было? Двадцать три? Почему сейчас двадцать два? Знаете, кого нет? Все начали искать своих близких, соседей-спутников.

– Я не вижу Эрназара. Но он много раз пересекал пустыню... Он сейчас вернется со своей охапкой...

Один из водителей обратился Артыку: – Мы с напарником попытаемся выйти на большую дорогу.

Все насторожились. В этот момент даже ветер изменил направление, как будто стараясь узнать, что собирается делать эта жалкая кучка людей.

– А где она, твоя большая дорога?

– Мы надеемся, что Бог выведет нас на нее.

Рахим и еще двое верзил угрожающе встали на ноги. Но Артык остановил их.

– Как Бог показал вам дорогу, мы уже увидели... Вот и сидим посреди пустыни, ожидая смерти.

Водитель умоляюще посмотрел на Рахима.

– Теперь мы ничем не отличаемся от вас, пассажиров... Если останемся здесь... – он запнулся, опасаясь непредсказуемой реакции путников. – Только Богу известно, где мы находимся... До полной темноты нужно найти большую дорогу.

– А, пусть идут. Все равно у них ничего не выйдет. Что, тот ушедший вернулся? – махнул рукой Рахим, имея в виду Эрназара.

– Заткнитесь, Рахим ака. На станции именно вы подбили меня на эту авантурную поездку. Теперь, когда дело уже сделано, терроризируете водителей. Что вы за человек?... – отворачиваясь уходит Артык.

– Мама... мама... – плакал за машиной завернувшийся в желтую куртку наш «Павлик-бомж».

– Мама... мама... прости меня...

Бродяга кулаками бил то по своей грязной голове, то по земле. Нельзя было понять, плакал он по маме или от алкогольной ломки, сотрясающей его тело. Он плакал, обращая свое обезображенное постоянной пьянкой лицо вдаль, где на горизонте вихрем кружилась песчаная пурга. А мгла пустыни безучастно и равнодушно шуршала в своей безраздельной тысячелетней грусти.

– Что Паша, наконец-то вспомнил маму? – горько посмеялся кто-то.

Водители, обреченно сгорбившись, покидали нас. А Эрназара все еще не было. Быть может, и он где-то ищет большую дорогу? Толпа смотрела вослед водителям,

но делала вид, что не обращает на них внимания. Всех объединяло ощущение, что те пытаются вырваться из этой беды, а мы, все, кто остается, обречены.

Из-за заднего борта машины слышался надрывной плач Паши:

– Проклятые места. Ненавижу, ненавижу... Эту степь, проклятый ветер, бессмысленное небо. Не хочу жить. Мама, умереть хочу... пить хочу.

Всем хотелось пить. Кто-то швырнул мобильник в тлеющий костер. Жест отчаяния... Дрова кончились. Да если бы они и были, желания поддерживать огонь ни у кого не осталось. По мере приближения подкрадывающейся со всех сторон тьмы, путников охватывало безнадежное уныние. Надежды на возвращение шоферов таяли. Все заползли в кузов, в солому. Но сейчас и она была холодная как все вокруг.

– Эрназар так и не вернулся?!

– Он, наверное, заблудился, возможно, замерз, либо стал добычей волков.

– А шофера как?

– Если вышли на большую дорогу, наверное, вернутся. Если заблудились... Храни их Аллах.

Снаружи сквозь шум ветра временами доносилось что-то похожее на человеческий крик или плач.

– Кто-то плачет что ли? – говорю я в темноту.

– Неужели Эрназар вернулся? – отвечает кто-то.

– Самки волков по ночам воют так на луну, – голос из другого угла.

Все опять замолчали.

– Мама... аа, – прерывисто доносится голос.

– Э, это же наш бродяга плачет, – узнаю я.

– А как он оказался снаружи, зараза?

Барабанят в дверь. Никто не решается двинуться.

– Откройте...

Может, это степные духи говорят Пашиным голосом? Но все же кто-то с трудом справляется с замершей задвижкой двери. Ворвался вихрь холодного воздуха. Успеваем увидеть луну между облаками. – Закрой! Закрой скорее! – заорали все.

– Сволочь Рахим вытолкнул меня за дверь, – мы видим Пашу в лунном свете как приведение.

– Где ты был, чтоб тебя шакалы съели?!

– Я думал в кабине будет тепло... Эта дура Олмагуль не дала водки и еды... Я голодный, как собака, – хрипит он.

– Мы все голодные... А этот еще имеет претензии к кому-то.

– Тихо... слышите, – говорит открывший дверь.

– Закройте скорее дверь, мои ноги заоченели. Боже, так я потеряю их.

– Тихо... Мне кажется, я слышу человеческий крик, – опять говорит открывший дверь.

– Помоги...и...и...те! – призывал отчаянный крик, растворенный в воюющей стихии пустынных просторов и неба.

– От страха мы все скоро умом тронемся в этом железном ящике...

– Вы что, уже тронулись что ли? Слушайте, это же шакалы и волки воют.

– Откуда здесь волки? Что они на людей что ли охотятся? Их давно уже нет.

– Есть, потому что здесь все еще сохранились небольшие стада сайгаков, – гаркнул кто-то очень убедительно.

– Значит, они чувствуют нашу обреченность?... Или они уже кого-то...

Все разом поняли, что тот, кто у двери, имел в виду шоферов и несчастного Эрназара.

Со скрежетом открылась и тут же с грохотом закрылась дверь кабины грузовика.

И тут мы услышали отчаянный, скорее звериный крик: «А-а-а!» и удары чем-то железным по кузову грузовика.

– Это же Рахим! Надо спуститься, наверное, что-то случилось.

Спустились только мы с Артыком... Все были в оцепенении от страха. Как только мы спрыгнули, мимо нас проворно пронесли три-четыре крупные серые тени. Выглянувшая в очередной раз луна молочно освещала нашу беспомощно застывшую

машину. Совсем недалеко слышалось свирепое рычание хищников и смутно виднелась тень отчаянно отбивающегося от них человека. Мы слышали его тяжелое дыхание и глухие удары железа о тела хищников.

– Рахим ака! Рахим ака! – начал орать Артык.

– Возмите что-нибудь железное, давайте быстрее сюда! – заревел Рахим. – Вашу мать... что стоите как истуканы!?

Из машины нам сбросили какие-то подпорки для кузова. Ими мы начали барабанить по металлической обшивке, чтобы грохотом отпугнуть стаю. Потом Артык бросился к Рахиму... Я не решился....

Вдруг, перекрывая шум ветра и сотрясая пустыню, раздался мощный сигнал нашего Камаза. Мощный рев в миг разогнал свирепую свору. Сигнал звучал как отчаянный «SOS» всему миру. Огибая меня, неслись серые тени. Я понимал, если очередной волк вцепится мне в горло, у меня не хватит воли бороться за жизнь.

Рахим и Артык тяжело дыша почти волоком ташили что-то темное и продолговатое.

– Убили?... Волк, да? – восторгаюсь Рахимом.

Но они почему-то молчат. Когда ношу положили у машины, я наклонился и с ужасом увидел, что это человек. Невольно отступил, никогда не видел мертвого тела так близко.

– Несчастный... Почти добрался до нас. Лунный отблеск крыши кабины, видимо, привлек его к нам. Наверное, кричал, звал на помощь... А мы... Когда я пробился к нему, он еще дышал... Волк страшное животное... Жертву держит мертвой хваткой, пока не задушит... Несчастный погиб, почти дойдя до нас. Наверное, кричал, звал на помощь, – хрипло бормочет Рахим в изорванной окровавленной одежде. – Наверное, он двигался следом за нашей машиной на лошади или на повозке. А лошадь, почувяв стаю, рванула в степь.

Издадека, как бы подтверждая свое присутствие, донеслось свирепое рычание стаи.

– А кто он?

– А какая разница? Что будем делать с телом? Оно еще теплое. А эти уже попробовали кровь... До утра не уйдут.

– Рахим ака... посмотрите, это же женщина! – я увидел на земле распущенные пышные волосы.

– Женщина? Ты что совсем тронулся? Откуда здесь женщина?... А?... На самом деле женщина. О, Боже!..

Окружив женщину, склонившись, смотрим, и каждый пытается понять, откуда она взялась здесь?

– Рахим ака, – теперь, после этой кровавой схватки с волками, он для меня стал героем, – это не та женщина, Олмагуль, со станции, которая бросила нам тулуп?

– Неужели она? – все больше наклоняясь к безжизненному телу, удивляется Рахим. – Неужели она тоже заблудилась? Она же хорошо знала, где ее аул... Хотя, при таком ветре... А ну позовите этого Пашу. Он ее хорошо знает.

– О, Боже, она же говорила, что приезжает на повозке издадека... – вспоминаю я.

Паша появился сразу же. К удивлению всех он был ожившим и каким-то возбужденным:

– Как я спас всех вас, а? Разогнал сигналом всю эту стаю тварей, а? – радовался Паша, как ребенок.

– Паша, молодец! Теперь посмотри сюда – эту женщину узнаешь? Ты же был у нее дома?

– Какая женщина? Разве в кузове была женщина?

– Ээ, не крути... Эта вчерашняя женщина со станции? – спросил Артык, указывая на тело.

Уставившись на нее, Паша на глазах начал трезветь.

– Да... да...она, что с ней?

– Остальное не твое дело, зараза, – грубо оттолкнул его от тела Рахим.

– Боже мой... – теперь Паша заплакал как ребенок.

– Ты разве Бога знаешь? Где бы ты ни появился – везде несчастье.

– Возьмем на крышу кузова? – спрашивает нас Артык.

Кто-то высунул голову из кузова:

– Что тут у вас происходит?

– Ничего!

Вой и рычание степной стаи становилось все громче.

– Не слышите? Они, когда голодны, даже на деревья лезут, – предупреждает нас Рахим.

– Ну, тогда в кузов?

– Ты что говоришь – к этим женоподобным трусам?

К этим «трусам» он, конечно, причислял и меня.

– Разве согласятся лежать с покойником. Тем более, если узнают, что тело из пустыни. Их кондрашка хватит. Лучше давайте в кабину.

Артык с Рахимом и я уложили несчастную в кабину. Вернулись в кузов. Рахим остался с ней, один...

– Что не говори, у Паши хватило ума и воли, чтобы добежать до кабины и нажать на сигнал... Русский есть русский, – бормочет Артык.

Я, как мог, завернулся в тулуп Олмагуль, закопался в солому. Но холод все равно продолжал проникать внутрь, заполняя собой все клетки тела.

Почему она оказалась здесь? Ведь именно здесь пустыня так необъятна! Смутное ощущение какой-то связи этой трагедии именно со мной охватывало все мое существо.

– Не закончили еще? Паша, ты жив? – вопросами пытаюсь приободрить, наверное, самого себя.

Никто не ответил. Будто мой хриплый голос был полностью поглощен холодным металлом кузова. Чувствовалось, как ветер опять набирает силу. Наш Камаз раскачивало, словно детскую игрушку. Клонило в дрему... Привиделся мой уютный, теплый кабинет... какие-то аппетитные блюда на столе, откуда-то доносится родной аромат румяных лепешек...

– Нет, не хочу умирать так... не хочу...

Совсем рядом раздался жуткий звериный вой. В страхе открыл глаза. По крыше кузова кто-то часто ступал, царапая металл острыми когтями.

– «Ууу... ув, запрыгивайте сюда, подо мной спрячется сытная добыча», – будто бы звал стаю вожак.

Никто из лежащих не шелохнулся... Я чувствовал себя совсем одиноким.

«Помоги, Боже, помогите все святые...»

Я беспрерывно молился Богу и глотал слезы, мгновенно превращающиеся в ледяные шарики.

Вдруг вспомнил Рахима: «Боже, не допусти, чтобы он с каким-то обрубком железа снова кинулся на стаю». А стая кружила вокруг машины с голодным рычанием, недовольно урча и повизгивая, будто уже делила добычу.

Вожак царапал железо, пытаясь прорваться к добыче. А я со страхом ждал, что после очередного удара обшивка порвется. Часть стаи с грохотом запрыгнула на крышу.

Сквозь этот грохот я едва слышал, или хотел услышать, очень далекий, но так ласкающий слух, натужный гул тепловоза, тянувшего утренний поезд, спешащий к станции Устюрт с северо-запада. Где-то, вроде, послышался ружейный выстрел... Всех, кто свирепствовал на крыше кузова, как ветром сдуло. Только мягкие прыжки на землю, и...

Я ошущал сильный жар, взмок до седьмого пота в этом холоде. Двухдневное бессонье брало свое. Последнее, что я слышал, был мой же бред:

– Прошайте, мои мечты... прошай, мой уютный дом. Прошай, Олмагуль... Я думал, что я не виноват в твоей смерти. Но теперь я понял – женщина, отдавшая тулуп незнакомому человеку, могла пойти на все, чтобы спасти его от смертельного холода в этой темной страшной пустыне. Прошай, Олмагуль, возможно, скоро увидимся. Но я не хотел твоей смерти...

Дальше я перестал слышать и себя. Возможно, то были последние проблески мысли, агония, жаждущая взаимности душ.

Гузаль БЕГИМ

Родилась в 1974 году в Кушкупирском районе Хорезмской области. Окончила факультет узбекской филологии НУУз. Является автором сборников «Сукунат жаранги» («Звон тишины», 1998), «Учаётган япроқ сояси» («Тень порхающего листа», 2002). Печаталась в коллективных сборниках «Узбекская модернистическая поэзия» (Ташкент, 2003), «Книга молодых поэтов и писателей» (Ташкент, 2008), «Анор» (Москва, 2008). Участница VI Ташкентского открытого фестиваля поэзии (2008), III Форума переводчиков стран СНГ и Балтии (Ереван, 2009). Является литературным сотрудником республиканского детского журнала «Гунча».

Жемчужный шепот

Стихотворения в прозе

(перевод с узбекского Е. Фельдман¹)

* * *

Ночь в комнату вошла, сбросив одеянье. Я слушала ее дыханье, замерев, и выростала за окном гора из лунных листьев, по небу кружаших. Мне счастье не давало глаз закрыть. При виде остановленных мгновений хотелось прошептать: «о, пробудитесь». И было одиночество так полно, что больше никого бы не пустило. И золотую лунную листву я воспевала алыми губами.

* * *

Сердце мое – обитель луны, обитель свободы я изнутри украшаю виденьями духа. Воспоминанья мои оживают в портрете девушки, что наклонилась над собственным сердцем. Как в ее мысли проникнуть, как разглядеть, что отражается в блеске лучей на ресницах? Я бы хотела навеки остаться во взгляде той, что склонилась над алым трепещущим сердцем...

* * *

«Ночи голос чернейший»² вошел в мою спальню, схватив за косы, вручил пригоршню простора. Мошь величавую я заключила в ладонях, дальние дали и теплую голубизну. Я отряхнула ноги от пыли решений, я хочу жить, внимая лишь черному голосу ночи, чтобы «осколки луны» и осколки улыбки, слившись в одно, породили луны океан... Разбитой луны океан.

* * *

«Самые нежные слова я тебе посвящал» – и не избежал самых горьких. В эту ночь все слова – и сердечные, и бессердечные – собирала я вместе, пока, наконец, не увидела гору из слов о тебе... Я взбираюсь по ней, чтобы молча к тебе прикоснуться, и сгораю от пламени мыслей. Стою на вершине – кто расскажет, что будет, если вниз я сорвусь? Представляю разбитое тело и сложенный дух. Не хочу поддаваться видениям этим – но и снять не могу свое сердце с вершины из слов.

¹ Елена Фельдман живет и работает в Москве. В 2011 году окончила Литературный институт им. Горького, профессионально занимается художественным переводом.

² Здесь и далее строки в кавычках взяты из стихов Турсун Али.

* * *

«Ветра длинные руки» за запястья схватили мое одиночество, но и им не удастся свести нас с тобой. Душа моя обожжена. Я – хозяйка приюта для стонов, и они еженощно звучат в моих венах... Я – та, что во взгляде своем заблудилась. Люблю твои руки, хоть они возвели эшафот для влюбленного сердца... Даже ветер, укравший твой голос, теперь не сумеет приласкать меня длинным своим языком.

* * *

«Эй, человек, прислонившийся к дивному дереву», слышишь ли ты мерное тиканье? Эти часы – мое сердце. Среди миллионов секунд кровообращения я пытаюсь поймать мгновения цвета огня. Эй, человек, видишь ли ты, как на кончиках пальцев счастье мое полыхает полями тюльпанов? Сможешь ли ты сопротивляться пламени, что зашвело на вершинах протянутых рук?

* * *

«Твои волосы – пламя». На империю солнца похожи они. В цепях из лучей переливаются чувства. Я по лестнице солнца взойду и тебе прямо в сердце вдохну парашютики одуванчиков. Ко мне, мои войска волос, копыеносцы-ресницы! Я под звуки фанфар покорила эту страну. Отныне в империи единовластие сердца.

* * *

Я нашептала тебе волосы, руки, глаза, теперь же шепчу каждую жилку. Ночь вобрала в свою душу мой шепот жемчужный. Воспряли цветы в темноте. Тайная суть моего имени едина с сутью луны. Для стонов своих я ставлю шатер, и они шепчутся тихо под расписными арками...

* * *

«Я живу, глядя прямо себе в глаза». В эти тихие дни, что жила я, глядя прямо себе в глаза, во мне пробудилось желание жить, сверяясь с руками. Линии на ладонях и есть голоса разлуки... В их хоре найдется место для каждой погибшей надежды. На кончиках пальцев моих возвышаются горы, но спящая в них красота никому не доступна. А я живу, упорно читая в ладонях, и на просторах глаз звучит черная песня.

* * *

«Месяц сверкает мечом.

Страшно

Удариться лбом».

Опрометью бегу в твоё сердце – со всеми словами, ослепшими глазами, надеждами, всем, что есть в моей жизни. Теперь я одна с теми днями, что жила без тебя. Начинаю иглой вышивать твоё имя. Опрометью бегу я к тебе – но как страшно удариться лбом мне о сердце твоё... Дни, когда я тянула руки из людных окон, мне нельзя никому подарить, и я только хочу им на лица накинуть тяжёлую темную завесь.

* * *

«Разлука – лучина...» Грусть... «Я жить не могу без тебя», – говорю своенравным ночам. «Я в жертву вас приношу, неразумные», – шепчу новорожденным чувствам. Печаль опустелого сада, где цветы никогда не цвели, разливается в комнате. Я мечтаю закрыть глаза этой ночи, утонувшей во тьме. Я хочу стать хоть кем-нибудь, кроме себя, войти в чьи-то мысли. Сунув голову в воротник воображения, я гляжу на улицы: люди, птицы, деревья – все восхваляют друг друга. Схватив за руки разлуку, смотрю ей в лицо – но на нем отражается лишь одиночество.

* * *

«В дороге холода пронзили душу», но все же розы сердца шлю тебе я. Их аромат впитали ночи цвета изумруда. Я прижимаю стебельки к груди – и каждый вечер руки вместо губ с тобою говорят. Теперь я буду жить лишь по велению сердца. Слова зависли в воздухе. Шипы в твоё окно протягивают письма, пропитанные ароматом роз. В их запахе и волжская волна, и Африки банановые роши, и саксаулы древних Каракумов. Но имя, что хранится в розе сердца, приносит только боль созревшим чувствам.

* * *

«Тебя нет в горестных морщинах, изрезавших мой лоб». На моих глазах слово «нет» меняет обличья, словно радуга, переливается всеми цветами. Как колесо, оно прокатилось по моим чувствам, и темные волны смяли мои надежды. Сердечные раны пытаются слиться друг с другом. В испуге смотрю на просторы, где нет ни души.

Собакой Кубро Нажмиддина становится сердце. На раскрытых ладонях мерцает прозрачный пепел. И только горький цветок, коснувшийся лба, по-прежнему молит о невозможной любви.

* * *

«Не дотянуться до тебя, чтобы обнять». Мне никогда до тебя не дотянуться. Я тратил время на все, кроме тебя, все пережил, все объял. В моих глазах поднимали стяг тысячи воинов. Босоногие ночи держали под стражей чувства. Но никому до сих пор не дались мои мысли: они неподвластны рукам, что слабы перед сердцем.

* * *

«Женщина, в сердце которой смеялась луна». На моих ресницах смеется само одиночество. В моем сердце – заросли терна, лучи их боятся. В зеркалах – отражения алой разбитой мечты. «Я хочу быть прочитанной», – шепчет в пожаре душа. Без тебя мои дни улетают, как пух. Я хочу быть привязанной к ним, словно редкостный камень... Но в ответ только ночи смеются в моих волосах.

философия искусства

Монолог иллюстратора

Иллюстратор¹ – какое звучное слово! Оно резонирует словам декоратор, реставратор, престижиджитатор и прочее, и прочее, и прочее, однако, ровным счетом, ничего не проясняет. Что же оно означает, что иллюстрирует, для чего иллюстрирует?

Однажды, давным-давно, когда я преподавал искусство книги в вузе, один чиновник от культуры спросил меня: «А зачем иллюстрировать много раз иллюстрированную литературу?». Я сказал первое, что пришло мне на ум: «А зачем ставят все нового и нового «Гамлета»?». «Ну, знаете ли, это из другой оперы», – сказал чиновник. «Это не опера», – говорю я, – это трагедия».

С того момента прошло много лет, однако диалог этот остается актуальным. Это, действительно трагедия, если люди перестанут понимать языки разных искусств, говорящих об одном и том же, но на свой лад, только этому искусству присущим языком. Иллюстратор – это и декоратор, и реставратор, и интерпретатор, а в целом – это переводчик. Переводчик с одного языка на другой. С языка слова на язык изображения. Для чего это нужно? Для того, чтобы раскрыть как можно больше граней мира, нас окружающего, и мира внутри нас. Или, проще сказать, приблизить нас к Истине.

Визуальный язык универсален, его могут понять все, кто способен рассмотреть изображение. Вот здесь и кроется главная тайна профессии иллюстратора. Настоящий мастер проливает свет и оживляет замысел автора текста, а иных допускать к работе губительно, как для литературы, так и для читателя. Иллюстратор, работающий над литературным текстом, должен сделать так, чтобы читатель восхитился общением с литературой, которая существует в специально созданном пространстве под названием книга.

Книга – это такое существо, которое имеет множество лиц и назначений. Это вместилище текста, которое объединяет разные искусства в особый театр. Театр, который каждый из нас может раскрыть и погрузиться в чудесный мир переживаний! Перелистывая страницы книги, порой мы ошущаем запах типографской краски страниц. Ошущаем страницу на ошупь. Отмечаем разнообразие пространств, которые открывает нам этот причудливый набор листов бумаги, скрепленных в блок и облаченных в переплет. И этот особый дом, где живут буквы, называется книгой.

**Виктор
АПУХТИН**

*Родился в 1952 г.
График, живописец,
иллюстратор дет-
ской и классической
мировой литерату-
ры. Член Академии
Художеств Республики
Узбекистан. Участник
международных вы-
ставок. Произведения
В. Апухтина нахо-
дятся в собраниях
Государственной
Третьяковской галереи,
Государственного музея
Востока (г. Москва),
Государственного
музея А.С.Пушкина
(г. Москва),
Государственного музея
искусств Узбекистана
(г. Ташкент),
в Красноярском ху-
дожественном музее,
Калининградской кар-
тинной галерее и
в частных собраниях за
рубежом.
Работает на стыке фи-
лософии, психологии
и искусства.*

¹ Иллюстратор – от лат. illustratio – прояснять.

Книга всегда имеет вполне определенные размеры, цвет, фактуру. Все это, кстати сказать, задумывает художник книги. Выходит, что он еще и конструктор – этот господин иллюстратор! Конструируя пространство книги-театра, господин иллюстратор делает это с единственным желанием – сыграть в этом пространстве чудесный спектакль. Спектакль на тему произведения того автора, имя которого будет красоваться на обложке. Выходит, что он еще и режиссер, и актер, и конструктор, и при этом вынужден довольствоваться ролью второго плана? Ну, это уж слишком! Однако именно здесь кроется еще одна важная тайна профессии. Как говорил классик: «люби искусство в себе, а не себя в искусстве!». Если сей баланс не будет соблюден, то чуда театра-книги не произойдет. Буквы с картинками будут жить отдельно в пространстве книги, а что еще хуже, между ними начнется склока с выяснениями, кто же кого осчастливил. Жалкое это зрелище!

Выходит, что без житейской мудрости философа в этой профессии не обойтись. Кстати о философии! Она совершенно необходима, когда дело доходит до создания театра-книги для детей. Позволю себе привести слова еще одного классика. Когда его спросили, как нужно писать для детей, он совершенно справедливо заметил, что для детей нужно писать так же, как для взрослых, только еще лучше.

Иллюстратор! А что если художник создал произведение на тему какого-то текста, одел его в раму и повесил на стену? Кто он тогда, тоже иллюстратор? Здесь кроется еще одна тайна: книжная иллюстрация не может существовать без пространства книги. Если художник прочел текст, восхитился и создал произведение на тему, его взволновавшую, тогда это самостоятельное произведение. У специалистов это принято называть станковым произведением. Создание произведений искусства на сюжеты великих текстов было традиционным делом для европейского искусства. По сути, история искусств западной Европы – это галерея скульптур, гравюр и живописных полотен на тему античных мифов и Библейских текстов.

Получается, что для того, чтобы наслаждаться в полной мере шедеврами изобразительного искусства, нужно

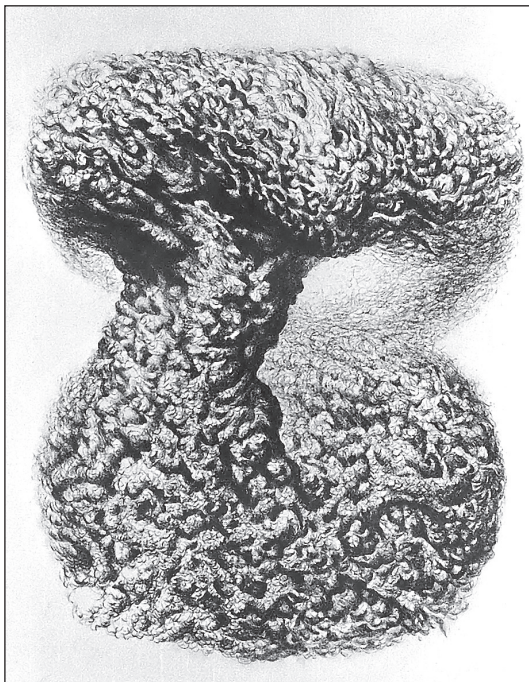

знать текст, который лег в основу произведения? Выходит, так. А иначе смотрит человек на произведение, смотрит, смотрит, а понять не может, чего они здесь собрались – эти странные персонажи внутри богатых рам? Остается верить, что это шедевр по той простой причине, что туристы вокруг толпятся, рама золотая и нарисовано «как живое». Однако если эти же произведения переместить из пространства музеев в пространство книги к текстам, которые их породили, они станут книжными иллюстрациями!

Помешать всевозможные изображения, соединяя их с текстом в пространстве книги, – вот главная задача иллюстратора. Для решения сложнейшей задачи создания ансамбля слова и изображения одного знания мало. Иллюстратору книги необходимо иметь и вкус, и такт, и творческий порыв, основанный на идеалах гармонии, и, что очень важно, уметь излагать свои чувства на разных «языках» изобразительного искусства. От символов наскальных рисунков до реализма и абстракционизма.

Хочу напомнить читателю про сакраментальное определение: «как живое». Все было бы хорошо, если бы говорящие имели в виду, что произведение вызывает «живое ощущение правды». Увы, нет, «как живое» – это подражание натуральности, иллюзия трехмерного пространства, в котором происходит событие. Земля обязательно коричневая, трава непременно зеленая, небо исключительно синее и с оранжевым закатом! Такое представление о совершенном искусстве не приемлет иных форм отражения мира, кроме как подражания внешней форме. В этом одна из главных проблем взаимодействия художника и зрителя.

Вдумайтесь, с одной стороны великий автор текста с таким набором причудливых образов, которые и представить-то трудно, не говоря о том, чтобы их нарисовать. С другой

стороны, стоит кучка продавцов книг на фоне толпы, которая скандирует: «Даешь как живое!». Иллюстратор начинает метаться. Куда пристать, кого не обидеть? Если уважаемый читатель хоть на секунду окажется в эдаком положении, он непременно поймет, сколько тяжких испытаний приходится переносить иллюстратору, особенно когда есть все для решения задачи, а убеждений нет.

Именно сейчас откроется главная тайна. Тайна эта в том, что если иллюстратор выберет любую из сторон, он тут же превращается в исполнителя желаний, в официанта! А настоящим иллюстратором может быть только Мастер! А Мастер всегда выбирает третий Путь. Путь к Свету, который породил и освещенную, и теньевую сторону жизни. Мастер – это тот, кто, живя обычной жизнью, видит Истину не затуманенным взглядом философа, радуется этому, как ребенок, и остается чист, как ангел! Мастер – это тот, кто видит, знает, умеет и может! Мастер видит Свет и может передать знание с помощью своих умений. Пролить Свет! Прояснить!

Illustratio!

Иллюстрации на стр. 110-111 к произведению Гёте «Фауст».

возвращение к читателю

**Анатолий
КОНДРАТЕНКО**

Родился в 1938 году в поселке Газалкент. Окончил строительный техникум, затем в 1976 году факультет журналистики ТашГУ (НУУз). Работал в республиканских газетах и журнале «Сельское хозяйство Узбекистана». Печатался в журналах «Звезда Востока», «Молодая смена».

Встреча

Рассказ

В отличном настроении Кривдин вел черный «Джип» по центральным улицам Ташкента. Душа его ликовала, с утра удалось, наконец-то, заключить выгодный контракт. Все решил телефонным звонком уважаемого человека, вошедшего в долевое коммерческое участие. Теперь оживет родная фирма, заснут челноками ловкие клерки, да и он не останется в накладе.

«Надо sprыснуть успех! – размышлял Григорий. – Где бы найти приятного собеседника». Вцепившись в руль, он был весь внимание к серой ленте дороги, особенно – к светофорам.

Пешеходов Кривдин не любил по веским причинам. Однажды один «фазан» исполнил реверанс перед его потрепанным жигуленком – и пришлось хмельного джентльмена доставить в неотложку, писать объяснительную и пропустить важную планерку. Вот и сейчас людской поток целеустремленно двинулся перед ним. Впереди неслись сломя голову студенты. Последним дорогу пересекал шаркающей походкой какой-то бледный тип с рыжей бородкой, уставившийся себе под ноги. На нем болтался распахнутый клетчатый пиджачишко, от весеннего ветерка развевался светлый галстук. Пешеход прижимал к тошей груди белую папочку с бумагами и чему-то загадочно улыбался..

«Постой-ка, так ходил только Далев! Кажется, он? Только обзавелся козлиной растительностью».

Кривдин открыл дверцу автомобиля и выпалил:

– Гражданин, вы опять мечтаете о воздушных замках? – выскочил на асфальт, сгреб в охапку опешившего пешехода и силой втолкнул его в машину.

– Сумасшедший, ты что делаешь? Действуешь, как ковбой в вестернах! – возмутился Николай. – Ты куда меня везешь?

– На кудыкину гору. Заскочим в одну контору, потом ко мне домой – вздрогнем и... вспомним былое! Славное было время, романтическое и розовое.

– У меня неотложные дела. Ложусь в больницу. Деньги нужны позарез. Многих обошел, и у всех одно и то же – «загораем от полочки до аванса». Вот и решил: сниму со сберкнижки жидкие деньжата, а еще не подошел срок на-

числения процентов на вклад. Теряю кое-какую мелочевку. Да черт с ней! Надо купить лекарства импортные, знакомый профессор выписал.

– Практичные люди приобретают медикаменты по сходной цене у медперсонала, вечерами в больницы ходят лотошники. За услуги платишь налом, «не отходя от кассы», как говорят.

Кривдин с любопытством рассматривал вовремя подвернувшегося бывшего одноклассника:

«Сдал, однако, брат. Моршин на лице навалом. Постой-ка, сколько уже пролетело? В двадцать два я окончил институт, через три года женился, через десять открыл малое предприятие. Вот годы бегут! Кажется, мы одногодки. А я по сравнению с этим лохом выгляжу еще бойцовым петушком. Любопытно, как выживают такие оранжевые фрукты?»

– Я к тебе ненадолго. Надо успеть в сберкассу, – бубнил Далев и вдруг оживленно выдал: – Смотри, какую стильную панельку отгрохали наши строители, словно в Лондоне. Умеем строить, если платят хорошо. И из-за границы не стоит приглашать варягов. Выполняют самые выгодные работы – монтажные – и до свидания...

– Наивный! Так бабки отмываются, контракты заключаются. Поварись в этой кухне, потом и рассуждай, – рассмеялся Кривдин и решил: «Без таких типов в жизни скучно. Они тоже нужны».

– Ты чего хохочешь? Над чем, или, вернее, над кем? – недоуменно спросил Николай. – Учти: в дальнейшем это дурно влияет па настроение. Психика – тонкое дело. Разные сделки ей в подметки не годятся.

– Смеюсь от радостной жизни. Не плакать же! Везет не потому, что удачливый. Просто привык многое рассчитывать заранее и предугадывать события, держать нос по ветру, – Григорий внимательным взглядом окинул собеседника, какая-то желчная волна из далекого прошлого внезапно нахлынула на него, в горле запершило и сделалось на мгновение нехорошо.

В восьмом классе Гришка недолюбливал тихонького пацана Мишу, носившего во вместительном ранце учебники, сухой обед и небольшой термос с кофе. Был он чистеньким, отутюженным и не таким, как все. На больших переменах его седая бабушка иногда потчевала его творожными блинчиками, фаршированной рыбой, макаронами по-флотски. Трогательная забота о внуке злила Гришку, сполна познавшего безотцовшину.

Как-то он уташил бутерброды у Мишки... Как всегда, уединившийся мальчик поставил ранец на парту и расстелил клеенку. Увы, в ранце не оказалось бумажного пакета с обедом. Растерянным взглядом он осмотрелся, ища глазами Кривдина, выскокившего пять минут назад из кабинета физики, из глаз его хлынули слезы, курчавая головка склонилась над стопкой книг. Однако Михаил с достоинством встал из-за парты, что-то сказал соседке, аккуратно уложил учебники в ранец и, не оглядываясь, вышел. Вслед ему напряженно смотрели одни недоуменно, другие с сочувствием. Большинство же весело тараторили о чем-то своем, беспричинно радостном.

Через несколько дней делегация школьников-активистов ходила домой к Фанштейну. Вернулась опечаленная: Михаил переходил учиться в школу с математическим уклоном. Так средняя школа потеряла круглого отличника, собиравшего богатые урожаи призов на городских и республиканских физико-математических олимпиадах.

На классном собрании «ЧП» обсуждали горячо. Лишь Кривдин с дружками, сидевшие на «камчатке», были безучастны. Никто не решился вслух сразу осудить «мошенника»! Тон собранию задала классный руководитель. Ее поддержал, волнуясь, Далев:

– Кривдина, уплетающего бутерброд с копченкой, видел на баскетбольной площадке. Он наблюдал за играющими ребятами.

Одна девочка сказала:

– Лазил пауком под партой Фанштейна, отлучившегося в туалет.

С бледным лицом Гришка выпалил:

– Ну и что? Как будто вы не шарите под столами. Не вешайте на меня дело! Не пойман – не вор!

Учительница его осадил:

– Конкретно тебя никто ни в чем не обвиняет. Сядь спокойно на место.

На перемене рослый Кривдин исподтишка хлопнул по спине Далева:

– Не суй свой нос куда не следует! – и через секунду на глазах у всех распластался на паркете. Некогда грозный Гришаня тяжело поднимался, а вблизи невозмутимо стоял Далева. Так школьники узнали тайну: скромный Коля занимался боксом у само-го Норкина – неоднократного чемпиона республики.

С того дня Кривдин начал сам приносить завтраки. В классе к нему стали относиться с прохладцей. Он не замечал Коли, с остальными ребятами держался подчеркнуто независимо. Здороваясь, снисходительно подавал три пальца своей сильной руки. Кое от кого отворачивался и подчеркнуто откровенно курил во дворе на большой перемене.

– Ну вот и приехали, главбух ждет меня, – Кривдин умело припарковал машину около трехэтажки, облицованной мрамором. – Ты посиди чуток и постереги личные основные фонды, а то малышня норовит что-нибудь покурочить. – И резво с кейсом направился к вращающимся стеклянным дверям.

«И зачем я связался с ним? Снял бы деньги со сберкнижки, наверняка купил пилюли и ампулы. А так ложись бедным родственником в казенную постельку и жди передач от милой супруги» – размышлял Николай. Кривдину он сказал прямо:

– Даешь, Григорий! Целых полчаса и три минуты отсутствовал. Не занимался же я тебе в сторожа.

– С тобой ничего не случилось. Отдохнул, мог при желании вздремнуть. Знаешь, как иметь дело с капризными людьми! Выручают ласка да доброе вовремя сказанное слово. Одним мягкое внимание, другим приятный сюрприз. Для них я давно Григорий Степанович; с тех пор, как пасусь на этой кухне. Дом мой рядом, в центре, как у всех порядочных людей.

Двухэтажный коттедж Кривдина, окруженный высоким забором, находился за Алайским базаром. Далева, проживший всю жизнь в столице и любивший пешие прогулки, и не ведал, что здесь в семидесятые годы вырос ухоженный городок для научных работников. «Как... Как к ним пристроился Григорий?..» – подумал он.

– Что, ошеломлен респектабельностью известного доктора медицинских наук? Хирург не только собирал щедрые подачки от пациентов, но и – чудак – увлекался кактусами. Я некоторые его колючки реализовал на соседнем базаре, иные выбросил – за ними ухаживать надо, а жена ленится. К чему они, цветущие раз в десять-пятнадцать лет? Долго мы не сходились в оптовой цене. Лишь перед отъездом в Россию светоч науки стал стоворчивее. Видать, приперло, – заливался соловьем Григорий Степанович. – Ты располагайся поудобнее в кресле, чувствуй себя как дома. Может, врубить «Сони»? Двадцать герц – разбудят мертвых. Не надо?! Ну, давай по первой. Водочка, брат, святое дело. Угошайся импортом. Как у тебя с очаровательным полом?

– ....

– По второй что ли? Хорошо пошла. А я плачу алименты Зинаиде и щедро помогаю пацану-наследнику. С Валюхой познакомился случайно. Услышал милую сердцу речь: «Отстрелялась! Думала, не продам товар, а все реализовала с наваром», и понял: судьба-злодейка. На днях молодуху по женским делам на курорт отправил, скачаю без смазливой бабы...

Неожиданно приятной трелью зазвонил телефон. Хозяин в другой комнате внимательно слушал абонента, потом стал кричать, затем заговорил мягко и настойчиво, в чем-то терпеливо убеждая собеседника. Николай Борисович закусил мясцом, чер-

ным хлебом, винегретом, к копченостям и консервам не притрагивался. Вспомнил: судьба в политехническом вновь свела его с Кривдиным. Они учились па разных факультетах. Случалось, сталкивались в коридорах. Николай приветствовал однокашника: «Здорово!» А тот айсбергом проплывал мимо в футболке и джинсах, снисходительно поглядывая по сторонам. После этого Далев перестал интересоваться заносчивым Гришкой. К чему навязываться?

В один прекрасный день Гриша внезапно окликнул Далеву: «Николай, я слышал, ты завалил сопромат на экзамене. Пересдашь с третьей-четвертой попытки. Этот мохнатый зверь вытянет из тебя последние соки и заставит назубок выучить свой предмет. Эта методика опробована практикой. Ее обошли только таланты. Но уважаемый шеф получил квартиру, надо помочь ему с переездом. Так что есть свет в конце тоннеля! Я набираю надежных ребят – физически крепких – в звено грузчиков».

...Ох, и повкалывали они тогда! Дважды грузовик перевозил объемные вещи между Северо-Востоком и Чиланзаром. Габаритный груз шестерка молодцев таскала вручную под командой предприимчивого Григория, специализировавшегося на стульях и теле- радиоаппаратуре. Зато его бычья сила пригодилась при транспортировке пианино. Они и сами не поверили, когда все же занесли его на четвертый этаж.

Хлебосольные хозяева накрыли хороший стол, украшенный баллоном сухого вина, ляганями ароматного плова, овощными салатами и фруктами. Всех приятно удивил сметливый Кривдин, извлекший из дипломата бутылку водки. Блудливые глаза Гришки насмешливо наблюдали, как компания веселых и находчивых вместе с уважаемым доцентом разливала булькающую жидкость по рюмкам.

В жаркий вечер Кривдин и Далев восстановили приятельские отношения, после индийского чая с восточными сладостями, наконец, услышали желанные слова: «Вы славно потрудились, ребята! Где ваши зачетки? Каждому ставлю «хор». Но это не освобождает вас от знания предмета. Без него в проектных институтах, где возможно будете работать, не обойтись. На практике он, мягко говоря, не нужен. За вас все рассчитают конструкторы».

Довольный Григорий Степанович вошел в комнату:

– Извини, бизнес. Занят круглые сутки. Время такое, время стресса и страстей. Каждый стремится жить лучше, побольше заработать. В прошлое ушли родительские идеалы, романтиков считают тронутыми, но не все.

Они охотно выпили. Кривдин жадно набросился на еду – молотил все подряд. Далев закусил хлебом с пластинкой сыра и, извинившись, подошел к массивному книжному шкафу, заполненному русской классикой. В годы молодые он с удовольствием читал эти драгоценные книги и страстно переживал за судьбы главных героев. С ними размышлял над бытием, удивлялся храбрости и сметливости русского народа, его умению жить в суровой природе и сохранить свою самобытность в той же Средней Азии.

– Что-то, родимая, стала меня разбирать. С ней легко – отучает думать о возвышенном. А ты о себе ни полуслова, – Кривдин жевал огурец, пристально рассматривая бывшего «друга».

– Вспомнил, как на выпускном курсе ты продавал детективы. Говорили: дома у тебя функционирует приключенческая библиотека, доступная симпатичным девчонкам. Куда она подевалась? – Николай Борисович показал рукой на стройные книжные ряды.

– А, а-а, я сразу уловил ветер перемен. Загнал оптом одному помешанному любителю. Его нашла моя предприимчивая маманя. Добрая у нее была душа. Теперь, видишь, скупил по дешевке корифеев. Они вечны, на них еще придет мода. Она непреходяща у толковых людей. Ах, Колян! Кстати, у тебя фамилия болгарская. В Бургасе, в отпуске, вспоминал о тебе. Небось диссертацию накропал?

– Недавно защитился и стал кандидатом технических наук в родном НИИ. Работа имеет прикладное значение. Внедряют ли? – с этим туго. Нужно иметь пробивные способности. К сожалению, их у меня нет. А Фанштейн, помнишь, уже доктор по кибернетике. Процветает в Германии. В материальном плане хвалиться нечем. Живем потихоньку-полегоньку с родителями в старом доме. Видишь, особенно и рассказывать не о чем. Таинствами природы, знаю, ты никогда не интересовался; как-то они тебя не трогали.

– Это ты точно подметил. Я – от земли. По диплому – инженер-сантехник, по призванию и выучке – снабженец. Как отчим пристроил в управление комплектации, так и пашу в этой сфере. В ней обзавелся надежными связями. Без нас жизнь была бы мертва, от нашей энергии все крутится – и о себе, в первую очередь, забывать нельзя – Григорий Степанович плеснул в бокал пива. – Может, и тебе бархатного с горчинкой? Прелесть.

– Благодарю, мешать не стоит. О, уже шестой час! А касса до пяти, а завтра ложиться в стационар. Одна надежда на жену; у нее, вроде, наклеивается премия. Надо еще заскочить в детский сад за младшеньким. Вот дела, – Далев огорченно посмотрел на часы. – Слушай, может выручишь? Надо авансировать хотя бы два дня пребывания в медучреждении. Займи пустяк – тыщонки три. Серафима тебе на днях занесет.. – Кривдин медленно и с удовольствием допил бокал, осоловело взглянул на партнера: «Ишь какой верткий! Попался на перекрестке, мог под колеса угодить. Мало ли чего наболтал мне!» Опустил глаза и отчеканил:

– Мои бабки на счетах, где бегут проценты, хоть и жидкие. В наличности же сухая мелочевка. Пей бальзам – полезно для организма, и расчетливо налил в бокал искрящегося пенистого напитка. – Куда тебе спешить? Не в рай ли? Дом от тебя никуда не убежит.

– Я пойду. Взбучка дома обеспечена, – Далев направился в коридор.

– Ну и напрасно. А то бы в нарды сразились. Впрочем, это дело личное. Если что – заходи. Теперь знаешь адрес. Глядишь, и выручу по обстоятельствам. Жизнь наша – штука тесная, – Григорий Степанович Кривдин закрыл за случайным гостем металлическую и деревянную двери. С лоджии увидел, как неспеша удалялся Николаша.

Решил: «Вот типчик! Не приложу ума, как он на этой брэнной земле еще держится. А ведь, поди, всем доволен. Еще перспективу имеет на докторскую. Ишь ты, поставил мне в пример Михаила! Уколос, видишь ли! У каждого из нас свои способности. У меня маклерские. Ими горжусь. С ними по-своему процветаю».

НОВЫЕ ИМЕНА

Взывая к свету

Узбекистан – страна загадок, которые непременно хочешь разгадать, а узбеки, как все древние народы, генетически несут в себе память веков и мудрость Востока, которые хочешь постичь. Мои поэтические пробы в таких жанрах и формах, как газелла и кыта, посредством которых я возжелала прочувствовать узбекскую поэзию, возможно, покажутся вам, милый мой читатель, неумелыми шажками, но очень хочется быть ближе к вам, приобщиться к восточной мудрости и поделиться своими чувствами.

Ваша Елена Шуваева

Газелла о душе

Душа томится, ночи ждет, вызывает к свету,
Когда темница-плоть заснет – вызывает к свету.

И покорится мир греха великой тайне,
Из речки в реку лунный плот – вызывает к свету.

На берегу уснувших тел гуляют души,
И тихий странный хоровод вызывает к свету.

Газелла весенняя

Небесный свет на землю льется, –
забилось опьяненно сердце,
К душе моя душа летит, и к сердцу
устремилось мое сердце...

Открою окна, двери настежь –
для поцелуя с томным солнцем,
Бокал весенних искр налит, – и к сердцу
устремилось мое сердце...

Резвясь, купаясь в брызгах чувств,
земля трепещет под ногами,
Коварный лед уже разбит, – и к сердцу
устремилось мое сердце...

**Елена
ШУВАЕВА-
ПЕТРОСЯН**

Родилась в 1978 г. в селе Большой Мореш Волгоградской области, училась в МИПК им. И. Фёдорова. Живет в Ереване (Армения). Журналист. Член Союза литераторов России, Союза писателей Армении, Клуба писателей Кавказа. Автор четырех книг стихов и прозы, а также многочисленных публикаций в армянской и российской прессе. Печаталась в журналах «Отчий край», «Юность», «День и ночь», «Литературная Армения», «Ренессанс» и др., а также в «Литературной газете», «Общеписательской литературной газете». В «Звезде Востока» публикуется впервые.

Узбекистан

Белый пух полей
И траурные ночи –
Твой Узбекистан.

Соленый воздух...
В Розе пустыни – любовь.
Уходим в вечность.

В безмолвье скал
И шелесте пустыни –
Твоя душа.
Открывает дверь.

* * *

Безбожница –
слеза на грудь Христа,
твоя наложница –
любимая из ста.
Навек раскаяться,
видать, не суждено,
а солнце катится
в мое веретено.
Я нити тонкие
сплету в одну и ту
я с песней звонкою
вложу в твою струну.
Смоковница,
прошу: не в ад, не в ад,
хожу в невольницах
который звездопад.

Гадание

О будущем
Гадала на хрупкой снежинке.
Она растаяла.

О будущем
Гадала на крыльях бабочки.
Она улетела.

Раскрыла ладонь –
Линии – волосы Медузы Горгоны.
Ловлю ее взгляд
И медленно каменею.

Батраки

Рассказ

Отца своего, который умер в 1952 году, я не помню. Меня, моего старшего брата Фридриха и младшую сестру Маргариту вырастил отчим Анатолий Яковлевич. Человеком он был хорошим, трудолюбивым, и благодаря ему, в то трудное послевоенное время семья наша жила в достатке. Анатолия Яковлевича мы звали папой, он работал инженером-геодезистом, часто ездил в командировки, а когда мы подросли до школьного возраста, стал работать шофером и постоянно был рядом с нами.

К нам – детям – он относился хорошо, особенно любил Риту, которая была похожа на японскую фарфоровую куклу, но это не мешало ему воспитывать нас в строгости, это, в первую очередь, относилось ко мне, т.к. брат болел и был на особом счету, аж до двадцати двух лет, а Рита была мала.

Когда мы жили на Дальнем Востоке, мне было только 7 лет, и в мои обязанности летом входила добыча дров для дома. После школы я брал топор и шел в лес, где рубил сучья, корни деревьев, собирал ветки. Это не было чем-то особенным, так жили все семьи. Как и все дети поселка, я снабжал семью рыбой, которую мы лихим налетом воровали на пристани рыбозавода. Летом в тайге собирали чернику, голубику, морошку – это тоже было хорошим подспорьем.

При всей доброте нрав у отчима был крутой и за неповиновение, шалости и плохие отметки он жестоко меня наказывал, выбивая дурь толстым шлангом высокого давления. И мама и бабушка твердили мне, что это для моей же пользы, но в 12 лет я взбунтовался и во время очередной порки вырвался и объявил, что он мне не отец, не имеет права меня трогать и, когда начнется война, я его все равно убью. После этого спича он поймал меня и бил, пока я не потерял сознание (меня отняла бабушка). Потом я болел две недели – всем говорили, что у меня корь.

С тех пор отчим перестал меня замечать, говорил обо мне только в третьем лице, а после восьмого класса меня определили в ремеслуху, началась моя рабочая жизнь на алюминиевом заводе. На правах взрослого я начал пить и курить, но меня никто не трогал. За 2 года «вольной жизни» я набрался ума и поступил в школу рабочей молодежи, времени на глупости не оставалось, и, закончив одиннадцать классов, я вырос вполне приличным человеком.

Владимир ШЛОСБЕРГ

Родился в 1948 году в Прокопьевске Кемеровской области.

В 1974 году окончил Новосибирский электротехнический институт и был направлен на работу в Узбекистан.

В 1981 году окончил факультет изобразительного искусства ЗНУИ в Москве по специальности «станковая живопись и графика».

Владимир Шлосберг пишет картины, стихи, пробует силы в прозе, но его главное призвание – фотография. Он работает в разных жанрах: психологический портрет, пейзаж, натюрморт, репортаж.

На Биеннале «Ташкент – 2010» В. Шлосберг представил персональную выставку и был удостоен серебряной медали.

В эти годы между мамой и отцом уже не было особой любви, мама, женщина властная и суровая, полностью подчинила отца своей воле и решала все вопросы сама. Сколько себя помню, отец всегда много работал, кроме основной работы было много работы по дому: у нас был большой огород, да еще мы брали землю за городом, где сажали картошку и капусту. Уже в девятнадцать лет я уехал из дому поступать в Новосибирский электротехнический институт и больше домой не возвращался. Со мной уехал и старший брат, и вся наша помощь семье на этом закончилась.

Стипендии не хватало и приходилось искать «левые» заработки. Сначала это была разгрузка вагонов, потом работа дворником, грузчиком на хлебозаводе, путевым рабочим и даже манекенщиком в областном Доме Моделей. Верхом моей карьеры была работа пожарным в военизированной части, работал я только по ночам, приходил в институт смертельно усталый, пропахший гарью, и нагло спал на лекциях... Летом была работа в студенческих строительных отрядах – мы строили линии электропередач, там были хорошие заработки, которые как-то стремительно исчезали в неизвестном направлении.

По молодости я не часто находил время, чтобы посетить родительский дом, да и письма писал редко, но одна поездка запомнилась мне на всю жизнь. Праздновали День рождения мамы. На удивление, все дети и родственники собрались вместе, хорошо выпили, попили и поплясали – праздник удался! Гости расходились, и так получилось, что я остался в комнате с отцом наедине. Он сидел странно согнувшись, сжав огромные кулаки, и с какой-то тоской глядел в никуда. Помню, меня поразил этот его взгляд: «Пап, ты что?» – отец пустыми глазами посмотрел на меня: «Батрак я!» – он поднялся и вышел...

Много лет прошло, отца давно уже нет, голова моя стала совсем седой, дети выросли, обзавелись своими семьями, а меня гложет чувство вины перед этим замечательным человеком, вырастившим меня, которого я так и не отблагодарил.

Я женат четвертый раз, так вышло, что кроме своих четверых детей, которых я из-за работы видел мало, я воспитывал еще троих, которые были детьми моих жен. Одного, его звали Володя, в восемнадцать лет убили в драке, а остальные выросли здоровыми и красивыми. Все они моя копия – не пишут, не поздравляют с Днем рождения, не дарят подарков...

Я уже давно на пенсии, она у меня хорошая, но уж очень маленькая. Приходится считать каждую копейку и постоянно искать возможность заработать, и сейчас я понял, что я тоже батрак, и у меня нет никаких прав, мне никто ничего не должен, а есть только обязанности и это горькое слово «БАТРАК»...

Жанровое своеобразие романа В. Баграмова «Ной»

Талантливый человек талантлив во всем. В случае с Владимиром Баграмовым это именно так. Он был яркой фигурой, одним из столпов культурного мира узбекской столицы. Талант Владимира Баграмова глубок и многогранен. Его знали как драматурга, чьи пьесы и сегодня идут на сценах театров Содружества. Он собирал стадионы как бард. Его поэзия завораживала точностью слова и неподдельной искренностью. Его романы издавались один за другим, а некоторые еще ждут своего часа.

В 2011 году Ташкентское издательство SMI-ASIA выпустило первые два романа писателя-фантаста Баграмова. Сделано это по рекомендации проекта *kultura.uz*. Романы эти, хоть и невелики по объему, но очень интересны по содержанию и называются «Ной» и «Тварь». Они вышли в серии научной фантастики, пользующейся мировой популярностью. В своих произведениях в увлекательной форме автор повествует о жизни людей.

Эстетической доминантой романов являются фантастические допущения. Реальность современного мира, хорошо нам известная, переплетается с мистикой, не имеющей рационального объяснения и характерной для жанра хоррор. Но в романах присутствуют и фантазмагорические допущения, противоречащие любому здравому смыслу и не имеющие никакого логического основания. Однако все это настолько гармонично вписано в нашу действительность, что создается впечатление реальности происходящего, читатель как бы присутствует при описываемых событиях: «...это было за гранью здравого смысла. От него веяло безумием непостижимого. Не банальным сумасшествием – слишком все реально, правдиво, четко». («Ной»).

Сочетание в романах различных фантастических допущений используется, чтобы полнее раскрыть их проблематику, характеры персонажей, попавших в нестандартные условия. Контакт с нечеловеческим разумом – описание встреч землян с инопланетными существами – популярная тема у писателей-фантастов. Но так жестко показать нашу действительность, то как мы топчем, терзаем друг друга, показать всю планету через призму фантастических персонажей и событий, мог только писатель глубоко чувствующий неправильность созданного нами бытия. Писатель в увлекательной форме касается многих проблем, которые встают перед наукой и техникой,

**Зинаида
ТРЕБУХИНА**

Родилась в 1983 году в г. Ташкенте.

С 2008 г. учится в ТГПУ им. Низами на факультете иностранных языков (направление русский язык и литература).

Призер республиканских олимпиад.

В «Звезде Востока» печатается впервые.

перед личностью, перед обществом. Одной из актуальных проблем, поставленных в романе, является проблема экологии. Этот вопрос интересует не только писателей, традиционно считающихся «совестью общества». В нашем обществе проблема экологии рассматривается на государственном уровне. Наш Президент И.А.Каримов, обращает серьезное внимание на этот вопрос и подчеркивает «Мир столкнулся с беспрецедентными проблемами и вызовами, связанными с аномальными природными изменениями, которые угрожают жизнедеятельности человека, существованию флоры и фауны в различных точках планеты. Эти угрозы остро стоят и в Средней Азии, регулирование рек, строительство экологически грязных промышленных объектов, осуществленные в прошлом столетии, поставили наш регион на грань экологического бедствия. Подтверждением является высыхающее Аральское море»¹.

Обращение к экологической проблеме в романе породило новый термин – эко-фэнтези². Это определение жанра предложено самим автором романа. В данной статье предпринимается попытка конкретизировать и уточнить жанр произведения.

Эта попытка представляется актуальной, потому что исследований, посвященных данному роману, еще нет.

Роман «Ной» – одна из интересных страниц литературного наследия В. Баграмова. В нем очень своеобразно и искусно сочетаются и преобразуются библейские притчевые мотивы и элементы фантастики, но не эко-фэнтези, как определил жанровую специфику своего произведения сам автор. Анализируя роман, мы пришли к выводу, что нет оснований ограничивать жанровую природу произведения, относя его к фэнтези. Жанр фэнтези предполагает создание в рамках художественного текста иного мира, коренным образом отличающегося от привычной реальности. Этот мотив, не являясь единственным, тем не менее определяет саму жанровую сущность фэнтези. В произведении же Владимира Баграмова природа фантастических допущений, включенных в ткань повествования, позволяет отнести роман к произведениям научной фантастики. На наш взгляд, Баграмову удалось создать новое жанровое явление – эко-фантастику: произведение, сочетающее в своих рамках актуальную экологическую проблему и научно-фантастическую трактовку этой темы. При этом подобное сочетание не нарушает художественной гармонии целого, ибо фантастические мотивы у Баграмова обретают реалистический смысл, служат раскрытию объективных общественных закономерностей.

В романе «Ной» используется популярный в литературе прием: введение образа человека, которому больше ста лет, сюжет очень прост и узнаваем. Это классика жанра фантастики: Добро и Зло, их извечная, непримиримая борьба. В эту сюжетную схему вплетается множество живых, реальных людей с их жизненными ситуациями и характерами. И читателю ясно: как бы ни изощрялось Зло, шансов у него нет. Но, тем не менее, произведение заставляет задуматься о том, правильно ли мы живем, о глубоких причинах постоянного возрождения Зла, автор заставляет своего читателя размышлять. Как правило, Зло разнообразно, непредсказуемо, многогранно, поэтому в романе злых образов больше, чем добрых. Добро воплощено в Ное – главном действующем лице романа.

Ной – столетний старик, в далекой юности его поразила молния, после чего он стал обладать некими особыми свойствами мышления и психики. Автор ярко описывает событие и доводит до логического завершения способности главного героя, используя в своем произведении приём научно-фантастического допущения, являющийся основополагающим для жанра научной фантастики. В соответствии с канонами жанра автор логически осмысливает введенную фантастическую деталь и

¹ Приветствие Президента Республики Узбекистан участникам международной конференции «Трансграничные экологические проблемы Средней Азии: применение международных правовых механизмов для их решения». (16-17 ноября 2010 г.)

² Баграмов В. Воспоминания. Адрес ресурса: <http://www.vbagramov.com>

включает её в цепь событий жизни героя. Но герой использует свои способности не в личных целях, а для спасения планеты Земля!

Двадцатый век оставил в памяти Ноя «дыру» в семьдесят лет. Он живет жизнью бомжа, встречаясь с другими весьма экзотичными персонажами. Вокруг него разворачиваются очень интересные события, часть из которых происходит в Ташкенте.

«Ной – это не имя – ...в Ташкенте так прозвали. В Сибири – странник, на Дальнем Востоке – Шкипер, в Прибалтике был Штурманом и капитаном. Давид – имя мое...»¹. Имя или, точнее, имена героя вызывают ассоциации с персонажами библейских притч. Эти образы не случайны. Не только «солидный» возраст роднит Ноя с библейскими героями, Как Ной из «Ветхого Завета» спасает животных и дает начало новому миру, так и герой Баграмова спасает жизнь на земле. Автор намеренно подчеркивает эту ассоциацию, хотя свою «миссию» герой в рамках романа не осуществляет. Финал остается открытым.

Ассоциации с другим именем героя – Давид – тоже помогает раскрыть его психологию. Имя библейского героя Давида знакомо из истории религии. Именно Давид дал Иерусалиму тот духовный толчок, который сделал его священным городом трех религий, герой Баграмова тоже обладает этой способностью объединять людей разных взглядов и духовных устремлений. И так же как библейского Давида воспринимают героя окружающие. Читая историю Давида (1, 2 и начало 3 книги Царств), мы отмечаем, что он ведет себя странно и неразумно в глазах современников; нам же эта неразумность все время что-то напоминает. Давид прощает, любит, ждет и, наконец оплакивает своего сына Авессалома, хотя тот его предал и хотел убить ...² И все это заставляет нас обратить взор уже не к Ветхому, а к Новому Завету. Такое же своеобразие восприятия окружающими людьми главного героя мы можем увидеть и у Баграмова. Бескорыстие и «нестандартность» образа жизни городского бомжа еще больше подчеркивают отчуждение героя от окружающего мира. Отдавая дань библейским ассоциациям, даже жилище своего героя автор называет ковчегом.

Безусловно, автор любит своего главного героя. Скорее всего, в размышления Ноя о своем жизненном пути Владимир Баграмов вложил свое ощущение бытия:

«Жизнь представлялась ему гигантской, медленно вращающейся воронкой. По краям проплывали события, люди, что-то происходило, менялось, появлялось и исчезало, а он плыл внутри, не касаясь стен.

Причем плыл снизу вверх, с каждым прожитым годом вокруг становилось светлей.

У каждого возраста свое достоинство. Детство манит беззаботностью, мгновениями подаренного по мелочам счастья, покоем и беспричинным весельем. Зрелость хороша заботами, ощущением нужности кому-то, ответственностью, за которую тебе платят благодарностью.

Старость? Именно в старости приоткрывается суть вещей и происходящего.

Трезвое, спокойное осмысление приходит к человеку. От этого на душе грустно и светло, неизбежность бренности бытия дисциплинирует сердце, оно начинает биться в ритме твоих размышлений»³.

Лирические отступления о смысле жизни и философском понимании мира вносятся в описание процесса борьбы Добра со Злом мотив тепла и даже нежности.

В романе зло настолько разнообразно, обладает таким количеством лиц и масок, что простой доверчивый человек не всегда может распознать его намерения и злые умыслы. В этом плане характерен образ отморозка Аристократа, которого безуспешно пытается обезвредить силовик Волин:

«Ну, кому придет в голову, что красивый широкоплечий парень с ослепительной улыбкой мачо, обнимающий девушку, ведет ее убивать?»⁴

¹ Владимир Баграмов Роман «Ной» М-Т.: ООО SMI – ASIA.2011. С. 247

² Библия. Ветхий Завет (2 Цар. 18)

³ Владимир Баграмов. Роман «Ной» М-Т.: ООО SMI – ASIA С. 27

⁴ Там же. С. 41

Ярко описаны типичные представители современного криминального Зла.

Может ли обыкновенный человек встать на пути у такого? Что в социуме произошло не так, что они имеют право называться людьми. И, главное, кто сможет им противостоять? Такое же Зло или фантастическое Добро? Вот как автор решает этот вопрос:

«...у него, авторитетного члена одной из могучих банд, какой-то рахитик, вот так, запросто, просит прикурить? Это было не по понятиям...он занес руку для удара и...

Из глаз бомжа ему в лицо, брызнул свет. Режущий, пугающе ослепительный свет нездешнего мира... было непонятно – то ли угрозу, то ли жалость источали его бездонные глаза, но под бородой угадывалась улыбка»¹.

Автор подчеркивает: по одиночке мы не справимся со Злом! Только, если все Добро мира объединится, оно станет фантастически сильным и сможет противостоять любому Злу. Ной – это воплощение общечеловеческого Добра:

«Что он может – у-у-у, и во сне не приснится! Не зря по этой земле бродит»².

Жизненные ситуации людей, живущих в разных странах, имеющих различные социальные статусы, представлены в контексте судьбы всего человечества. Независимо от того, какие поступки совершает человек, отвечать за то, что человечество сделало со своим домом по имени Земля придется КАЖДОМУ.

«...Небритый осадок общества, зацепив крючком пальца своего собрата, вдалбливал в его похмельную башку:

– Пойми, урод...санитары прилетели, хана нам всем будет... выделили нам поляну в космосе.. бабочки, цветочки, все, как положено. Красиво! Горы, саванны... прерии, где бизоны гуляли. На поляну пришел гомо сапиенс...и решил, что он умный. Цветы вытоптал, место заасфальтировал, бабочек переловил и на стену сушеными повесил. Кони вымерли, вместо них машины бензином воняют, из земли металл, уголь, нефть выгреб. Сначала на краю поляны гадил, потом под себя стал гадить, дерьма море, мир в дерьме утоп, а он в космос полез... там гадить начал. ...что нам за это будет от тех, кто нам поляну выделил?»³

Только Ной со своим отношением к людям, к природе сможет спасти мир. «Этот старик, о котором ходят невероятные слухи, уже ставший легендой – последняя надежда человечества? Один шанс на миллиарды человеческих жизней – круто и страшно». Из-за несчастья, происшедшего с Давидом Гецем в детстве, ему удалось сохранить в себе ЧЕЛОВЕКА и, возможно, помочь ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ.

«Ты – один из тех, кто сохранил в себе правильный генетический код... Лишний ген...поддерживал равновесие трех составляющих сущность человека – инстинкт самосохранения, продолжения рода и чувство милосердия. Вас много, вы жестоки, агрессивны, патологически жадны»⁴

Возможно, именно такими нас видит Создатель или жители других галактик. Используя приемы научной фантастики, автор показывает нам историю, тесно связанную с теперешним положением дел в отношении перемен, которые завтра ждут человечество. Это роман о сегодняшнем человеке и современном мире, о морально-этических, нравственных проблемах.

Фантастический образ – инструмент художественного анализа процессов формирования нового в человеке и в социуме. Контакты с Ноем ищут неземные силы. Он хорошо чувствует других людей, как бы читая их мысли, настроения и исходящую от них угрозу. Как уже было сказано, Ной сохранил в себе правильный генетический код ЧЕЛОВЕКА, поэтому в борьбу за влияние на Ноя вступают мировые спецслужбы.

Через фантастический образ Ноя и реальные образы других персонажей автор

¹ Владимир Баграмов. Роман «Ной» М-Т.: ООО SMI – ASIA. С. 29

² Там же С. 41

³ Там же С. 254

⁴ Там же С. 266

показывает нам, что можно жить не мешая друг другу, не противопоставляя себя всему миру, не воображая себя всемогущим:

«Ползущую змею никто не задевал – не угрожаешь, значит, живи и существуй рядом.»¹ Введение фантастического элемента в повествование служит своеобразным катализатором. Образ Ноя помогает раскрыть характерные особенности других персонажей, делает более острым конфликт.

Роман заставляет задуматься: а что же ожидает в будущем? Писатель любит людей и верит в них. Именно поэтому, наверно, показано, что и накануне катастрофы мы, люди, вели себя достойно. Никто не грабил магазины, не впадал в истерику, не допускал никаких гнусностей. «Люди сосредоточились на общей беде и задумались о будущем, которое не сулило ничего хорошего»².

Это замечание серьезного человека, обеспокоенного судьбой людей, писателя-фантаста, верящего в спасение! Но способно ли человечество сделать правильные выводы из подобной ситуации? Мы получили от Баграмова некую литературную модель новых представлений о грядущем. Он в увлекательной форме нарисовал многие проблемы, которые встанут перед личностью и обществом в будущем.

Примечательно высказывание американского писателя-фантаста Фредерика Пола: «Я занимаюсь фантастикой потому, что нет другой литературы, которая в такой же степени имела бы дело с реальностью. Мы хотим помочь человечеству понять, какие перемены его ждут»³.

Проблема, поставленная в романе талантливым писателем Владимиром Баграмовым, очевидна: где место человека? На свалке отходов или в процветающем обществе? Если мы хотим жить как люди на цветущей планете Земля, то стоит меняться всем и каждому. Иначе мы станем отходами цивилизации, подлежащими уничтожению: «...отходы цивилизации были так неуместны под чистым, лазурного цвета небом, что возникал вопрос, а люди ли оставили эту геенну гниющую, разлагающуюся, пахнущую и вопиюще грязную»⁴.

Человеку на планете Земля – сыну Земли – не должно быть так, как очень емко выразился автор в одном из эпизодов: «...ему было сыро, тошно и одиноко. Как и всем в этом дождливом мире»⁵.

¹ Там же С. 218

² Владимир Баграмов. Роман «Ной» М-Т.: ООО SMI – ASIA С.103

³ Тодоров В.Н. Введение в фантастическую литературу. – М., 1997. С. 255

⁴ Там же С. 165

⁵ Там же С. 264

литературоведение. литературная критика

Нарзулла ШОДИЕВ,

доктор филологических наук, профессор.

Шоира АХМЕДОВА,

доктор филологических наук.

Штрихи к научной и творческой биографии Наима Каримова

В истории развития научной литературной мысли Узбекистана конца XX – начала XXI веков совсем немного ученых, творчество которых удивляет и восхищает своей масштабностью, глубиной, и среди них есть уникальная личность – Наим Каримов – научная, творческая и просветительская деятельность которого характеризуется широтой охвата основных тенденций развития узбекской литературы; глубоким исследованием творчества целого ряда известных писателей; уточнением многих спорных и дискуссионных положений; стремлением создать целостную и фундаментальную панораму нашей национальной словесности на протяжении века; немаловажным вкладом в области издания собраний сочинений; продуктивным руководством молодыми перспективными научными кадрами; а также плодотворной общественной и литературной деятельностью в период Независимости.

Талантливый критик и литературовед Наим Каримов заявил о себе в узбекском литературоведении в середине 50-х годов прошлого века как последователь писателей и просветителей-бунтарей, авторов таких трудов, как «Адабиёт надур?» («Что такое литература?»), «Чўлпон. Шоирни қандай текшириш керак?» («Чулпан. Что характеризует поэта?»), «Мафкура майдонидаги курашни кучайтирайлик» («Усилим идеологическую борьбу»), «Абдулла Қодирийнинг ижод йули» («Творческий путь Абдуллы Кадыри»), «Ўткан кунлар» («Минувшие дни»), «Адабиёт қоидалари» («Правила литературы»), «Амалий ҳам назарий адабиёт дарслари» («Практические и теоретические уроки литературы»).

Деятельность поколения Матякуба Кошчанова, Озода Шарафиддинова, Салохиiddина Мамаджанова, Наима Каримова в литературной критике пришлось на период так называемой «оттепели» (конец 50-х – начало 60-х годов).

Н. Каримов уверенно вошел в критику, уже осознавая силу своего собственного дарования, и с первых небольших рецензий показал способность мыслить тонко, четко и глубоко. Это качество осталось присущим ему навсегда.

После окончания филологического факультета Ташкентского государственного университета (1955) Наим Каримов продолжил учебу в аспирантуре при университете (1955-1958). Защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему: «Некоторые вопросы поэтического мастерства

Хамида Алимджана» (1963), перешел на работу в НИИ языка и литературы имени Алишера Навои Академии наук республики. И вот почти 55 лет плодотворно трудится, осуществляя фундаментальные исследования в узбекском литературоведении, литературной критике и текстологии. С 1991 года он заведует отделом узбекской литературы XX века. В 1983-м стал членом Союза писателей Узбекистана. В 1995 г. удостоился ученого звания профессора. В 1999 году был избран председателем Общества просветителей и руководителем комиссии по увековечению памяти жертв репрессий. Одновременно является председателем президиума благотворительного Фонда памяти репрессированных. В настоящее время с завидной энергией изучает литературу периода репрессий, организует деятельность образованного в республике Фонда жертв репрессий. На протяжении многих лет Н. Каримов является директором Музея памяти жертв репрессий.

Н. Каримов оказывает большую помощь андижанскому фонду «Мерос», возглавил подготовку золотой книги «Репрессия». Особых похвал заслуживает его подвижничество в уточнении и сборе сведений о жизни и деятельности жертв репрессий...

Наима Каримова отличают высокие человеческие качества, истинная цивилизованность, приверженность гуманистическим идеалам, культура, жажда познания и популяризации литературы и искусства, национальных и общечеловеческих ценностей. Окружающие люди знают его как человека доброго и отзывчивого, принципиального, честного, ультрапорядочного. Эти качества его личностного «Я» получают яркое отражение и практическое воплощение в многочисленных произведениях разных жанров. Богатую натуру талантливого ученого тонко определил литературовед Ш. Ризаев в статье «Человек, похожий на Айбека»: «Если спросят, кто здравствующий узбекский интеллигент, я, не сомневаясь, сказал бы: Наим Каримов. Эта мысль появилась не вчера и не сегодня и не только у меня. Наим-ака – ученый, литературовед, доктор наук, лауреат премии имени Беруни, однако ему больше идет определение «Интеллигент» с большой буквы. Интеллигент – не человек с высшим образованием в узком понимании. Интеллигент – это олицетворение нации, облик нации...».

Принципиальная основа личности Наима Каримова как ученого-мыслителя изначально ярко, талантливо, глубинно в целостном виде проявилась уже в его первой монографии «Поэтическое мастерство Хамида Алимджана» (1964). В ней глубоко проанализированы грани художественного дарования, раскрыты философско-эстетические принципы стихосложения поэта, его мастерство изображения внутреннего мира и эмоций человека. Особенно интересны наблюдения над таинствами проявления переживаний поэта как восторженного лирика. «Лирика – биография человеческой души, – пишет Н. Каримов. – Она олицетворяет поэтическую биографию внутреннего мира, состоящего из эмоциональных чувств и переживаний, присущих человеческой душе. Следовательно, лирическую поэзию Х. Алимджана можно назвать автобиографией души поэта».

Исследуя поэму «Зайнаб и Аман», Наим Каримов наряду с анализом общественно-политического значения произведения стремится раскрыть значение художественной образности поэта. В определении поэтического мастерства, поэтического стиля ученый обращает внимание не только на выраженную в стихотворной форме мысль, художественный образ, лексическое богатство или очарование красок, но и на мелодичность поэтической речи, интонационное многообразие.

В каждом исследовании, посвященном творчеству писателя, Наим Каримов как критик ищущий, обладающий тонким научно-эстетическим вкусом, в научно-творческом, историко-просветительском аспекте глубоко анализирует особенности и мастерство каждого литератора. Это качество составляет специфичность и самобытность научных исследований критика. Свои взгляды он зачастую выражает в форме, не оставляющей места для возражения, скрупулезно обосновывает их, мастерски добываясь гармонии и цельности содержания и формы своих исследований. Искренность его литературно-критических исследований еще больше усилива-

ет действенность и доказательность критического взгляда и анализа, соответствующих его эстетическим принципам. Это характерно не только для его книг о Хамиде Алимджане, но и для крупных исследований: «Айбек», «Ойбек гулшанида қолган гунчалар» («Бутоны, оставшиеся в цветнике Айбека»), «Айбек и Зарифа», «Чўлпон», «Усмон Носир», «Последние дни Усмона Носира». Эти произведения способствовали углублению историко-биографического направления в критике.

Ученого отличает неповторимое и уникальное умение мыслить тонко и четко. Солидные монографии критика могут квалифицироваться в узбекском литературоведении как рождение новых жанров.

Как и другие специалисты, по известным причинам Н. Каримов в своих статьях, исследованиях не оставлял за пределами внимания проблемы идейности, вытекающие из идеологии, социальных основ режима и строя. Однако в его статьях и исследованиях советского периода невозможно не увидеть, что основное место в них занимает изучение художественных особенностей, эстетической ценности произведения, мастерства литератора.

К какому бы в целом жанру литературной критики он, как яркая индивидуальность, ни обратился, их отличает точность сравнительно-типологического анализа, рождающая необходимые для науки выводы, и обоснованные толкования. В этом смысле показательна его обзорная статья «Пишқирган дарё соҳилида» («На берегу бурной реки»).

Во многих случаях критик, анализируя литературное произведение на эмоциональном уровне, превращает статью в интересное повествование, историко-просветительное художественное произведение. Пристальное внимание ученый уделяет раскрытию и обоснованию эстетико-философской сущности анализируемого художественного произведения. Наиболее характерно это для его крупных научных исследований об Айбеке, Хамиде Алимджане, Усмоне Насыре, Максуде Шайхзаде, где живая аналитическая мысль, образность и высокие эстетические принципы составляют единое целое. В результате научно-образные аналитические наблюдения, изложенные идущими от сердца пламенными словами, обогащенные глубокими эмоциональными выражениями, производят на читателя сильное впечатление, способствуют углублению его суждений о словесном искусстве.

Исследования критика, пронизанные научно-теоретической мыслью, помогают читателю глубоко судить не только о литературе, но и о жизни. В них обстоятельно анализируется исторический путь, пройденный узбекской литературой XX века, который оценивается в аспекте определенных проблем, оказывающих влияние на современный литературный процесс. В этом отношении особо значительной представляется книга Н. Каримова «Урушдан кейинги даврадаги узбек адабиёти» («Узбекская литература послевоенного периода»).

«До этой книги он не писал статей научного или обзорного характера, охватывающих определенный большой период, не показывал силу своего пера в глубоком, последовательном освещении мастерства писателя или произведения, какого-либо научного вопроса»¹, – отмечал академик С. Мамаджанов.

Действительно, трудно анализировать литературный процесс одного большого периода, его основные принципы, положительные и отрицательные стороны, воспринимать литературные явления в их целостности, «выбирать зерна из плевел», увидеть в ростках будущий урожай. К тому же для литературоведения и критики 50-х годов было характерно некоторое невнимание к успехам нашей литературы. Художественное творчество, не может не развиваться, не отражать новое в повседневной действительности, в жизни людей, не передавать дух времени. Литература устремлена вперед, к совершенству.

Мастерство анализа художественного произведения – главное достоинство литературной критики. Анализируя конкретное произведение, критик, прежде всего,

¹ «Теранлик» («Проницательность»). Т.: Изд-во литературы и искусства имени Г. Гуляма, 1987. - С. 50

должен учитывать, поможет ли оно читателю лучше понять мир, в какой степени, какие стороны жизни оно охватывает и насколько раскрывает ее. Для этого, конечно, надо осознать важность сопоставления с другими художественными произведениями литературного процесса прошлого и современности. Что бы ни взялся исследовать Наим Каримов, он всегда ставит перед собой четкую задачу, учитывая необходимость сравнительного анализа.

Наимом Каримовым написан целый ряд статей о важных проблемах литературы и литературной критики. Главным их достоинством является мастерство теоретического анализа.

Трудоголик, не знающий покоя, честный, тонкой души литератор, он не ограничивается исследованием жизни и творчества отдельных поэтов и писателей. В его творчестве важное место занимают такие теоретические труды, как «Литературная критика и литературный процесс», «Стихотворные формы и стилиевые поиски», «Развитие жанров в современной узбекской поэзии», посвященные исследованию общих проблем, а также обобщенно-типологическому рассмотрению литературы определенных этапов и отдельных периодов. Главной исследовательской задачей литературоведа является изучение основных принципов развития узбекской литературы, самобытности творчества отдельных писателей, сумевших воплотить эти принципы, факторов, определивших эту самобытность.

В последние сорок лет Наим Каримов создал ряд крупных работ, обогативших нашу критику и литературоведение новыми сведениями, научными выводами и теоретическими предпосылками, внесшими изменения в характер нашего мышления и украсивших литературную критику художественной свежестью.

Эпоха Независимости открыла новые исследовательские и творческие возможности. В цикле статей Н. Каримова, напечатанных в газетах и журналах, отразились новые принципы литературно-критического мышления в узбекском литературоведении нового периода и их роль в формировании новой методологии узбекского литературоведения, новые подходы в отношении литературы XX века.

Наим Каримов активно исследует литературный процесс сегодняшнего дня. Его рецензии о романе-хронике Шукрулло «Кафансиз кўмилганлар» («Похороненные без савана») и комедии «Ўғрини қароқчи урди» («Разбойник наказал вора»), беседы с Э. Вахидовым и А. Ариповым («Шеърят – меҳр демакдир» – «Поэзия означает любовь»), «Дунёда диёнат ҳали мавжуддир» — «Еще есть совесть на свете»), статьи о Х. Худайбердыевой «Дунё кирмоқдадир шоир қалбига» («Мир входит в сердце поэта»), «Шунчаки ёзмоқ бу – шоирга ўлим» («Писать просто так – для поэта смерть»), созданная в соавторстве с А. Рашидовым книга-рассуждение о современной узбекской поэзии, статьи «Миллий бадиий тафаккур» («Национальное художественное мышление») и «Пишқирган дарё соҳилида» («На берегу бурной реки»), в которых анализируются искания и перемены, происходящие в нашей поэзии в годы Независимости, публикация исследования «Тонг сирлари» («Тайны утренней зари») – о стихотворениях Рауфа Парфи и Усмана Азима – четко характеризуют достижения и недостатки современного литературного процесса.

Немаловажным аспектом деятельности является активная пропаганда узбекской национальной литературы в мировом масштабе. Н. Каримов активно переводит на русский язык произведения отечественной художественной литературы XX века, чтобы о ней узнали за пределами Узбекистана.

Иностранному читателю известно совсем немного литературоведческих работ на русском языке (М. Кошчанов, О. Шарафидинов, Н. Худойбергманов, П. Шермухамедов), опубликованных в академических изданиях за рубежом. В этом смысле уместно отметить заслуги Н. Каримова, который, проанализировав достижения нашей литературы в целом, вклад крупных писателей в частности, познакомил с ними специалистов и массового читателя. Одно из первых таких исследований – «Узбекская советская литература на современном этапе» – почти со-

рок лет тому назад (1967 г.) было включено в изданную в Москве книгу «История узбекской советской литературы».

Серьезным успехом были исследования по узбекской литературе группы наших ученых, вошедшие в многотомный труд «История советской многонациональной литературы», подготовленный Институтом мировой литературы в Москве. В написании 4-го и 5-го томов этого исследования участвовал и Наим Каримов.

Важный аспект деятельности Наима Каримова-литературоведа составляют его многочисленные труды по мировой литературе. Это брошюры и статьи о таких гениальных мастерах художественного слова, как А. Пушкин, В. Шекспир, А. Ахматова, С. Есенин, Габриэль Гарсиа Маркес. Изучая проблему творческого влияния Пушкина на Айбека, он избегает предположительных суждений, старается опираться на анализ и точные документы, обращается к архивным материалам, суждениям литературоведов.

Развивая идею, заключенную в статье «Теран ва тошқин дарё» («Глубокая и бурная река»), Н. Каримов поднял ее до уровня специальной книги под названием «Пушкин ва ўзбек адабиёти» («Пушкин и узбекская литература»), изданной в 1998 году. В этом труде критик изучил процесс постепенного, последовательного благотворного влияния великого русского поэта на творчество узбекских поэтов Айбека, Х. Алимджана, У. Насыра, Миртемира, А. Арипова, Э. Вахидова, Х. Худайбердыевой и др. Как известно, большинство исследователей, размышляя о факторах, оказавших влияние на произведение А. Арипова «Жаннатга йўл» («Дорога в рай»), ограничиваются указанием на «Божественную комедию» Данте. Н. Каримов, опираясь на убедительные примеры, старается выяснить творческое продуктивное влияние на узбекского поэта таких произведений Пушкина, как «Моцарт и Сальери», «Маленькие трагедии» и особенно «Поэт» и «Пророк».

Большим научным вкладом Наима Каримова является изучение художественного наследия тюркских народов.

Им написаны солидные статьи о таких выдающихся тюркских деятелях, как Исмаил Гаспирали, Исмаил Обиди, Мухтар Ауэзов, Чингиз Айтматов, он выступал с научными докладами о них на международных конференциях. Его статьи печатались в Турции, Америке, Англии, Японии. Таким образом, очевидно, что Наим Каримов осуществляет благородную миссию, поднимая узбекскую литературу и критику на мировой уровень.

Особый аспект научно-критической деятельности Наима Каримова составляют публикации о репрессивно-джадидской литературе: «Бир адабий қаллоблик тарихи» («История одного литературного плутовства»), «Ўзбек адабиёти жаллодлари» («Палачи узбекской литературы»), «Ҳамзани ким ўлдирди ёхуд Шохимардоннинг қора баҳори» («Кто убил Хамзу, или Черная весна Шахимардана»), «Чўлпон учун қишан» («Оковы для Чулпана»), «Ассалому алайкум, дорнинг оғочи» («Здравствуй, дерево виселицы»), «Наркомпрос иши» («Наркомпросовское дело»), «Аждаҳо комиди» («В пасти дракона»). Некоторые положения в них, отдельные мысли, суждения, точки зрения, отношения к факту, возможно, спорны, но нельзя не признать того, что они способствовали прекращению преследования литературы советской властью, смело раскрыли лживые суждения о литературной жизни советского периода, продемонстрировали мужество автора, готовность сказать правду, раскрыть истину в наступившее новое время, чего не осмеливались, видимо, из осторожности (как бы чего не вышло) отдельные исследователи. Эти публикации, конечно же, послужили делу прогрессивного развития нашей литературно-критической мысли.

По поводу своего цикла статей «Ўзбек зиёлиларининг жаллодлари» («Палачи узбекских интеллигентов») ученый сказал: «То, что я писал в последние десять лет, является моим давнишним намерением возвратиться к ранее затронутым мною темам. Часть моих книг об Айбеке была второпях написана к юбилею литератора. Мои статьи последних двух-трех лет появились благодаря периоду гласности. Создалась

возможность познакомиться с отдельными страницами нашей печальной истории в архивах такой организации, как КГБ. Раскрытие реальности 30-х годов советского периода в значительной степени помогло определить задачи, стоящие перед независимым Узбекистаном.

Основные статьи, вошедшие в этот цикл, были опубликованы в журнале «Фан ва турмуш» в 1991-1992 годы. Смело написанные статьи привлекли внимание широкой общественности. В те годы появилось немало произведений о периоде репрессий – стихи, поэмы, повести, рассказы, романы, статьи. Однако еще ощущалась недостаточность произведений, отражающих трагические картины того зловещего периода.

Написанные ученым в последние годы на основе документов, хранящихся в архивах разных административных органов и общественных организаций, острые статьи «Чўлпон учун кишан» («Кандалы для Чулпана»), «Ассалом алайкум, дорнинг оғочи» («Здравствуй, древо виселицы»), «Ойбек: тош экан бошим» («Айбек: голова моя оказалась каменной»), «Зулмат салтанатининг ваҳшатлари» («Ужасы мрачного царства»), «Ўзбек киносининг қалдирғочи» («Ласточка узбекского кино»), «Навбат Ойбек, кейин Шайхзодага. Кейингиси кимга?» («Черед Айбека, потом Шайхзаде. Дальше чей?», «Алпомиш»нинг қатли ом этилиши» («Массовое избиение дастана «Алпамыш») – свидетельство самоотверженного патриотизма, всей душой и сердцем преданного Родине Н. Каримова.

Статьи ученого об Абдулле Авлони, Боту, Абдулле Алави, Вадуде Махмуде, Рахматулле Султанове, Саиде-афанди, Саидносире Мирджалалове, появившиеся в результате его архивных изысканий, открыли новые страницы истории нашей литературы, культуры, борьбы за суверенитет.

В 90-е годы были опубликованы статьи Наима Каримова «Чўлпон ҳаёти ва фаолияти» («Жизнь и деятельность Чулпана»), «Одамлар суюги ўша вақтда қотган» («Кости людей стыли в то время»), «Адабиётимиз тарихидаги ёрқин сиймо» («Яркая личность в истории нашей литературы»), «Беҳбудийнинг сунгги сафари» («Последнее путешествие Беҳбуди»), «Муборак имзо» («Благословенная подпись»). В них автор, используя архивные материалы, освещает трудную, трагическую жизнь известных ученых, поэтов и писателей Беҳбуди, Фитрата, Чулпана, Айбека, Максуда Шайхзаде, Усмана Насыра, Рафика Мумина, Тухтасина Джалалова, Хамида Сулаймана и др., перенесших клевету, оговор, насилие и жестокость. В частности, в статье «Наркомпрос иши» («Наркомпросовское дело») на убедительных фактах автор показывает, как стали жертвами клеветы и инсинуаций узбекские просветители Мунаввар Кори Абдурашидхонов, Ашурали Зохири, Носир Саид, Боту и другие.

Самоотверженный труд в последние десять лет по увековечению памяти жертв репрессий, целый ряд публицистических статей о них в печати, книги из цикла «Сургун» («Ссылка») в память о репрессированных, готовившиеся и издававшиеся под его руководством, – свидетельство кипучей, плодотворной деятельности ученого и общественного деятеля Наима Каримова. Отраднo, что самоотверженный труд ученого высоко оценен нашим государством и правительством. Ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Узбекистан», он удостоен высокой награды – ордена «Эл-юрт хурмат», что свидетельствует о внимании к научной интеллигенции, проявляемом в годы Независимости. Накануне и в период Независимости Н. Каримов наряду со значительными статьями и книгами о жизни и творчестве таких поэтов и писателей, как Беҳбуди, Фитрат, А. Кадыри, Чулпан, Хамза, У. Насыр, создал весомые исследования об исторической ситуации начала XX века, зарождении и путях развития джадидского движения в 20-е годы прошлого века. Для этого автору пришлось месяцами работать в архивах. У Наима Каримова, понявшего, что некоторые проблемы невозможно решить, изучая разрозненные факты творчества писателей, появилась потребность создания целостного теоретического исследования, обобщающего специфические особенности узбекской литературы XX века, раскрывающего закономерность происходящих процессов. Ученый

каким-то внутренним чутьем четко осознал, что и в художественной литературе, и в литературоведении неуместны времязворочество и поверхностность.

Результатом творческих исканий стал автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора наук на тему: «Специфические особенности развития узбекской литературы XX века и идеология национальной независимости», защищенной в 1994 году. В этом небольшом по объему исследовании получили научно-теоретическое освещение специфические особенности узбекской литературы периода национального возрождения, перепады в развитии литературы в советское время, новизна творчества перспективного поколения 60-80-х годов прошлого века и проблемы идеологии национальной независимости. Примечательно, что в этом исследовании анализируется эволюция нашей литературы на протяжении почти ста лет.

В выступлении на защите академик Иззат Султанов отметил: «Я горжусь появлением в нашем литературоведении специалиста, который полностью нарисовал картину литературы целого века, может высказать квалифицированное научное суждение о каждом ее периоде, каждом явлении. Не только я, он стоит того, чтобы им гордилась вся наука о литературе».

Характеристика Наима Каримова будет неполной, если не сказать о его просветительской деятельности, создании учебников и учебных пособий.

Одной из важнейших задач сегодня стало создание учебников и пособий по гуманитарным направлениям, отвечающих требованиям нового времени. Задача была исключительно государственной важности. В ее решение внес свою лепту и Наим Каримов. Вместе с У. Норматовым он создал учебник-хрестоматию по литературе для 5-го класса, тепло встреченный общественностью. Другой учебник для 11-го класса – «Узбекская литература XX века», подготовленный Н. Каримовым в соавторстве с У. Норматовым и Б. Назаровым, за короткое время издавался три раза. В этом учебнике, написанном в духе идей национальной независимости, учащиеся смогли впервые познакомиться с замечательными литературными портретами великих представителей национального возрождения Бехбуди, Фитрата, Чулпана; проницательных литераторов-современников О. Якубова, П. Кадырова, Э. Вахидова, А. Арипова, выдающихся представителей мировой литературы А. Несина, Г. Маркеса, Ч. Айтматова. Этим данный учебник кардинально отличался от прежних.

Наим Каримов был одним из авторов учебника «История узбекской литературы XX века» (1999 г.), написанного для будущих филологов и учителей, обучающихся в университетах и педагогических институтах. Этот учебник, созданный в соавторстве с Героем Узбекистана О. Шарафидиновым, С. Мамаджановым, У. Норматовым и Б. Назаровым, получил высокую оценку специалистов.

Наим Каримов известен также как писатель-эссеист и автор произведений необычного для узбекской литературы жанра «Жизнь замечательных людей».

Как известно, в нашем литературоведении примерно двадцать пять лет назад появились книги, рассчитанные на широкого читателя, обусловленные социальными, культурологическими, бытовыми обстоятельствами, в которых освещались жизнь и творчество великих поэтов и писателей XX века. Одним из создателей этих книг был Наим Каримов.

«Знаменитые деятели науки, искусства и литературы, ведя за собой народ, одну конкретную сферу народной жизни, определяют последующие пути развития науки, литературы, музыки, театра, изобразительного искусства», – отмечал он в своей книге о Хамиде Алимджане, из серии «Жизнь замечательных людей». Эта книга охватывает основные грани жизни и творчества Х. Алимджана.

Наимом Каримовым написан ряд статей, книг, просветительские романы о Чулпане, о Максуде Шайхзаде, о жизни и творчестве Айбека.

В последние примерно сорок лет нет ни одного мероприятия, связанного с жизнью и творчеством Айбека, в котором бы не участвовал Наим Каримов. Именно он

был организатором не только официальных мероприятий, но и всех встреч, собраний, презентаций в доме-музее Айбека.

Супруга Айбека Зарифа Саидносирова обратилась к Наиму Каримову с просьбой привести в порядок, в целостную композиционную систему ее дневники о муже, которые велись каждодневно и скрупулезно, и быть ответственным редактором, ибо, как она считала, другой человек не справится с этой работой. Произведение, названное «Ойбегим менинг» («Мой Айбек») порадовало тысячи книголюбов. За короткий промежуток времени оно переиздавалось несколько раз. В славе этой книги заключены гениальность Айбека, труд ее создателя Зарифы Саидносировой и творческое участие Наима Каримова, придавшего произведению чарующую привлекательность, стройность и изящество языка и стиля.

Вклад Наима Каримова в изучение жизни и творчества великого узбекского писателя неизмеримо и беспримерно велик. Это издание двадцатитомного собрания сочинений, десятки научных статей о писателе и поэте Айбеке, книги, исследования, монографии о нем «Илхом чашмасининг ажиб мавжлари» («Удивительные блики родника вдохновения») – 1982 г., «Ойбек гулшанида колган чечаклар» («Цветы, оставшиеся в розарии Айбека») – 1985 г., «Ойбек ва Зарифа» (1-е издание – 1990 г., 2-е издание – 2005 г.), «Ойбек» (1-е издание – 1985 г., 2-е издание – 2005 г.).

За свой самоотверженный труд Наим Каримов заслуженно удостоен Государственной премии имени Абу Райхона Беруни.

В книге «Ойбек», изданной в 1985 году (2-е издание 2005 г.), критик приводит соиздательную биографию писателя в одну научно-художественную систему, представляет для читателей ценные сведения о его уникальной жизни и творчестве, пронизанные теоретической мыслью и национальной гордостью. Эти сведения в каких-то отдельных случаях могут не подтвердиться документально, однако читатели полностью верят в них, потому что быт, творчество и судьба писателя предстают в неразрывном единстве с исторической обстановкой конкретного периода.

Подобные романы-эссе в жанре ЖЗЛ стали появляться в узбекской литературе в 60-е годы XX века. Наряду с научными наблюдениями и изысканиями в них обращается внимание на просветительские проблемы.

Достаточно подробно исследовал Н. Каримов творчество поэта Усмана Насыра. Он обогатил историю литературы множеством доселе неизвестных сведений о жизни и судьбе поэта. Ученый ездил в Кемерово, Бийск, куда был сослан поэт, скрупулезно знакомился с документами о нем, изучал архивы, объездил бывший Союз для беседы с современниками большого мастера поэзии. Деятельность литературоведа можно назвать подвижничеством. В результате такого самоотверженного труда на свет появились книги из серии «Истиклол фидойилари» («Подвижники независимости»): «Усмон Носир. Ҳаётий лавҳалар. Хужжатлар. Ривоятлар» («Усман Насыр. Страницы жизни. Документы. Предания» – 1993 г., «Усмон Носирнинг сунги кунлари» («Последние дни Усмана Насыра») – 1994 г. В первой исследуется жизнь и творчество Усмана Насыра до переезда в Ташкент (1935 г.), во второй – созданные им произведения, вплоть до его последних дней жизненный путь поэта. Исследуя историю появления произведений У. Насыра, ученый по-новому их толковал.

Много трудов создано об Абдулхамиде Чулпане. Сегодня появились крупные ученые-чулпановеды. Известны исследования о нем Озода Шарофиддинова, Салохиддина Мамаджанова, Н.В. Владимировой и других. Ко времени Независимости первыми создателями исследований о Чулпане стали О. Шарафиддинов и Н. Каримов. Одна за другой вышли в свет их книги под названием «Чулпон». В них выдвинут целый ряд программных проблем, касающихся изучения, осмысления и осознания его творчества.

Изучая жизненный путь Чулпана, Н. Каримов открыл много новых страниц, стараясь осветить малоизвестное из жизни и творчества писателя.

Размышляя о поэзии Чулпана, критик писал: «Свобода – это неудовлетворенное желание, кровью текущее в жилах Чулпана. Невозможно вытравить эту философию из его поэзии». Наим Каримов широко исследовал созданные писателем драматические произведения, переводы, делая ценные наблюдения, например, размышления о судьбе «Худжума» открыли новое направление в чулпановедении.

Роман Наима Каримова «Чулпон» надолго останется одним из важнейших источников для специалистов. Его книга «Истиклолни уйготган шоир» («Поэт, пробудивший независимость») (2000 г.) продемонстрировала мастерство и глубину анализа доселе нетронутых граней творчества Чулпана, раскрыла многие неизученные страницы его литературной и общественной деятельности, способствовала пробуждению национального самосознания, формированию чувства справедливости, ненависти к деспотизму и тирании, укреплению идей национальной независимости.

Опыт, обретенный во время написания книги «Чулпон», обогащается и развивается в романе-эссе, посвященном Максуду Шайхзаде. Без волнения невозможно читать главу «Бурон гурлаганда» («Когда поднялся сильный буран») и завершающие главы, описывающие несправедливый арест Шейхзаде, картины пребывания в ссылке.

Наим Каримов ярко и выразительно нарисовал трагическую судьбу Максуда Шайхзаде, поэта и человека широкой души, драматурга, искусного переводчика, прекрасного грамотного педагога.

Период независимости показал новые неиссякаемые возможности Н. Каримова. В его статьях нашли отражение новые принципы литературно-критического мышления, специфические особенности узбекского литературоведения нового периода, новая методология узбекского литературоведения.

В книге Н. Каримова «XX аср адабиёти манзаралари» («Картины литературы XX века») пересматриваются, анализируются отдельные болевые точки истории узбекской литературы, объективно оцениваются запутанные, неясные страницы, восстанавливается истина относительно личности и истоков творчества отдельных гениальных писателей, исследуются многие белые пятна в истории литературы.

Наим Каримов – человек, ученый, писатель, общественный деятель, просветитель – личность многогранная и уникальная.

В результате серьезной полувековой творческой деятельности им была создана своя школа, и без этой школы развитие узбекского литературоведения и критики второй половины двадцатого столетия и начала XXI века невозможно представить.

25 сентября литературный Ташкент отпраздновал 110-летие со дня рождения С.П. Бородина. Праздник начался в государственном литературно-мемориальном доме-музее С.П. Бородина и продолжился в конференц-зале Представительства Россотрудничества в Республике Узбекистан, где состоялось открытие международной научно-практической конференции «Мир Востока и мир Запада в филологическом, историческом и культурологическом аспектах», посвященной юбилею Народного писателя Узбекистана Сергея Бородина.

Елена КАМИНСКАЯ,
кандидат филологических наук,
преподаватель НУУз.

Жизнь человека коротка, дороги бесконечны...

«В истории человечества есть личности, в память которых не должна вмешиваться политика и идеология, их ценность, место в истории должны измеряться критериями общечеловеческих ценностей»¹

И.А. КАРИМОВ.

История – краеугольный камень в художественной концепции С.П. Бородина, писателя, чье творчество выходит за временные и пространственные рамки. Не смотря на то, что большинство произведений имеют четкую временную привязанность, очевидна их надвременная сущность. Сам писатель связывал понятие «история» с безграничностью, с непрерывностью диалога между прошлым и будущим.

Обращаясь к творческой лаборатории С.П. Бородина, можно выделить такую черту как планомерное накапливание творческого материала и культурного, духовного опыта. Произведения писателя запечатлевают жизненный опыт автора, сама личность которого входит в строительный материал художественного образа. Биография писателя отражается в его творчестве и определяет многие особенности его произведений.

Семь лет С.П. Бородин провел в реальном училище небольшого городка Тульской губернии Белева (1913-1920). Здесь он знакомился с русской историей и литературой, изучал старославянский и древнерусский языки. Эти знания ему впоследствии пригодились при работе над историческими источниками и романом «Дмитрий Донской». К этому же времени относятся первые художественные опыты. В 1915 году в журнале «Путеводный огонек» вышел его очерк о городе.

Художественное мастерство С.П. Бородина оттачивалось и во время обучения в Высшем литературно-художественном институте им. В. Брюсова. Одним из важных требований, которое предъявлял В. Брюсов к своим ученикам, было «*требование широкой*

¹ Каримов И.А. Узбекистан на пороге достижения независимости. Ташкент: Узбекистан, 2011. – С. 214.

эрудиции в своей области», требование «стоять на уровне современного знания», знать «сокровища культурного наследия». ¹ «Мое отношение к истории было ориентировано еще в двадцатые годы. Я учился тогда в Высшем литературно-художественном институте, организованном Брюсовым, который сам вел у нас курсы античных литератур. Преподавание исторических наук в институте было превосходным, так что каждый вместе с дипломом мог получить и глубокие знания». ² Изучению культурных и литературных традиций в институте уделялось особое внимание. В институте С.П. Бородин специализировался по русскому фольклору под руководством профессора Ю.М. Соколова и участвовал в фольклорных экспедициях. В 20-30-е годы писатель принимал участие в этнографических и археологических экспедициях. ³

Все это способствовало формированию у С. П. Бородина особого отношения к истории и таким категориям как память и традиция. Изучение памятников материальной и духовной культуры славянских и восточных народов, интерес к их историческому прошлому, пробудили в нем исторического романиста. В 40-х и 50-х годах С.П. Бородиным были созданы два монументальных полотна – исторические романы «Дмитрий Донской» и «Звезды над Самаркандом».

Понятие «история» для С. П. Бородина является фундаментальным в построении не только художественной концепции, но и в формировании мировоззрения. В процессе творческого становления, С. П. Бородиным была создана своеобразная «концепция памяти», ориентированная, с одной стороны, на восприятие культурно-художественного опыта прошлых эпох и его освоения в качестве актуального и непреходяще ценного, а, с другой стороны, на избирательное, инициативно-созидательное овладение наследием предшествующих поколений во имя решения современных художественных задач. Речь идет о процессе обновления, новаторства, без которого немислимы такие понятия, как историческая и культурная традиция.

В романе «Египтянин» С.П. Бородин пишет: «Что нам нужно от цветков, от листьев тех давних времен, от которых даже тень уже не ложится на нашу жизнь? Только, как от давней любви, – жест, тепло или слово. А не их возвращение. Нам хороша наша жизнь. Та пусть останется горстью разрозненных кусков, чтобы в дни, когда запекает тоска, домыслом заполнять линии утраченных осколков...». ⁴

Творческий подход – единственно возможный, по мнению писателя, путь освоения памятников ушедшей эпохи. Слово «память» становится у С.П. Бородина синонимом слова «мечта». События и образы давно ушедших дней продолжают жить, только если новое время домысливает прошлое, собирает из «разрозненных кусков» новое современное мозаичное панно. Описывая процесс создания художником иллюстраций к средневековому памятнику, С.П. Бородин указывает, что следует изображать не походы и битвы, а мечты о битвах и походах.

Мечта о прошлом, в свою очередь, соединяется С.П. Бородиным с категорией времени: «Люди прошлого столетия наделяли утерянные навсегда черепки не теми линиями и красками, как мы, глядя на горсть оставшихся. Потому что выросли наши мечты не из одного зерна, не из одного времени». ⁵

Президент республики Узбекистан И.А. Каримов пишет: «В настоящее время, когда растет национальное самосознание народов, важно через призму современной эпохи брать на вооружение мудрые заветы великих предшественников. И те, кто стремится довести эти слова до потомков, делают большое и благородное дело». ⁶

Таким образом, писатель определяет главное условие сохранения памяти и современности, актуальности памятника для потомков – все звенья исторической цепи должны восприниматься каждым последующим поколением в виде «единораздельной цельности», ни одно звено не должно быть упущено. Заложенные С.П. Бородиным еще в XX веке принципы отношения к действительности, принципы художественного воплощения находят отклик и в веке XXI.

¹ Лиходзиевский С. Предисловие / Бородин С.П. Египтянин. Романы, повести, новеллы, очерки. – Т.: Изд-во художественной литературы им. Гафура Гуляма, 1969. – С. 5-6.

² Бородин С. П. Прошлое-настоящее (интервью). /Архив Государственного литературно-мемориального дома-музея С. П. Бородина.

³ Бухара, Памир, раскопки Афрасиаба под Самаркандом.

⁴ Бородин С.П., Там же. – С. 224.

⁵ Бородин С.П., Там же. – С. 224.

⁶ Каримов И.А. Узбекистан на пороге достижения независимости. – Т.: Узбекистан, 2011. – С. 213.

Жанровые схождения

(на примере трехстиший и сиджо)

Предметом последовательных и систематических исследований сравнительного литературоведения как области науки о литературе являются не частные литературные явления, не их изучение по отдельности или в неких группах в пределах соответствующего исторического периода, а соотнесение этих явлений с аналогичными в другой национальной литературе. В данной статье рассматриваются трехстишие в узбекской поэзии и корейское сиджо.

Жанр трехстишия для узбекской поэзии считался нетрадиционным и до XX века существовал только в фольклоре.

Сиджо (“напевы времен года” или “современные напевы”) сначала тоже сформировался как фольклорная песня и только в XIII веке стал использоваться как поэтическая форма. Сиджо достиг своего расцвета в творчестве Сонгана (Чон Чхоль; 1537 – 1593 гг.) и Косана (Юн Сондо; 1587 – 1671 гг.). В оригинале сиджо состоит из трех строк, размер каждого стиха в среднем колеблется от 14 до 16 слогов. Строка разделена на две половины цезурой. На узбекский язык сиджо еще не переводились. Но на русский язык средневековые сиджо переводили Анна Ахматова, Александр Жовтис (с подстрочников) и Роман Хе (с языка оригинала). Сахалинский поэт Роман Хе был первым, кто перевел сиджо именно трехстишиями, а не шестистишиями, как переводили до него. Сиджо, представленные в статье, даются в переводе М. Леонова. Текст был задуман как попытка перевести сиджо размером, максимально приближенным к размеру подлинника.

В современной узбекской поэзии поэты Рауф Парфи, Анвар Абиджан, Хуршид Даврон, Турсун Али, Фарид Афруз, Фахриер, Гузаль Бегим и другие часто обращаются к форме трехстишия. Но это иные по форме и содержанию стихи. Например, размер трехстиший у Р. Парфи разнообразен, есть свободный и силлабический. Свободный размер наблюдается в творчестве Турсун Али и Гузаль Бегим, но у Анвара Абиджана он силлабический: строго по 9 слогов в каждой строке и стих имеет 27 слогов. «Столь знаменательные порой схождения между произведениями весьма далекими как по времени, так и по месту их появления, иногда невозможно объяснить даже самыми отдаленными общественно-политическими аналогиями, и это свидетельствует о существовании явно внеисторической типологии,

Каххар ЮЛЧИЕВ

Родился в 1969 году в Ферганской области.

В 1995 году окончил факультет узбекской филологии НУУз, работал в областном отделении Союза писателей, с 2004 года работает в Ферганском государственном университете. Автор книг «Хуршидий нигоҳ» («Солнечный взгляд», 2006 год), «Мунис насим» (Приятный ветерок», 2007 г.), учебного пособия «Писатели постмодернизма» (2011), монографии «Тайны поэтического мира» (2012 г.).

Живет в Фергане.

построенной на общепсихологической основе и носящей, несомненно, систематический характер».¹

В современной узбекской поэзии к трехстишию как к поэтической форме первым обратился Народный поэт Рауф Парфи. Он в своих трехстишиях изображает глубинные психологические и духовные изменения, происшедшие в современном человеке:

*В мои глаза упала звезда,
Растаяла, превратилась в камень.
Прошла сквозь ладони.*²

Лирический герой данного трехстишия – человек, когда-то имевший глобальные планы, но, не сбывшись, они на глазах превратились в камень. А глаза – это отражение души. Так мы понимаем, что в душе героя – камень, который каждый день причиняет ему боль. Эта боль сопровождает лирического героя во многих трехстишиях Р. Парфи.

Р. Парфи часто использует символические образы и иронические выражения:
*Это такой остров – не видно неба,
Это такая река – не виден берег.
Мы такие нищие, эх, любимая.*³

Детали: остров, небо, река, берег символизируют несчастную любовь двух влюбленных.

В трехстишиях Фариды Афруз, которые поэтесса назвала “четками”, создан точный характер современника. При этом, виртуозно владея словом, она рисует его иронически:

*Один великий
На скрипке играл скульптуре,
Готовя себя к встрече...*⁴

В стихе очевидно изображен музыкант, страдающий манией величия.

Особое место в творчестве Фариды Афруз занимают любовные мотивы. Они близки по теме и идее к поэзии корейских поэтесс Мэхва (цветок сливы), Меньюк (светлая яшма), Менволь (светлая луна)⁵. Фарида Афруз широко использует символические детали, которые придают стиху афористичность:

*В реку упавший камень кому-то принадлежит,
В ночи летящей пылинки есть след,
Лишь о тебе нет вести.*⁶

Камень – прообраз лирической героини – даже у бесчувственного камня есть кто-то, а у нее нет никого. Ночная пыль оставляет в воздухе след. Почему именно ночь?

Потому что ночью невооруженным глазом не увидеть пыль. Но чувства героини так сильны, что даже ночью она видит след пылинки. В этих деталях поэтесса в полном объеме рисует горечь разлуки. Такие же эмоции изображает Менволь:

*Милый, я разве обманывала тебя хоть раз?
А ты мне мерещишься каждую ночь,
Хоть это всего лишь осенние листья...*⁷

Здесь мотив разлуки разрабатывается по-своему. Художественное обращение, риторический вопрос придают стиху экспрессивность, а деталь «листья» с эпитетом «осенние» указывает на то, что у героини есть надежда на встречу с любимым человеком.

¹ Александр Дима. Принципы сравнительного литературоведения, «Прогресс», М.: 1977, С. 32

² Рауф Парфи. Сунги видо. Ўзбекистон Миллий кутубхонаси нашриети. Тошкент. 2006, С. 115

³ Там же, С. 125.

⁴ Фарида Афруз. Тасбех, Четки. Rosary. “Шарк”. Тошкент. 2007. С. 242.

⁵ Поспелов Г.Н. Теория литературы. М.: «Высшая школа» 1978. С. 223.

⁶ Фарида Афруз. Там же. С. 50.

⁷ <http://www.arirang.ru/library/lib91.htm>

О лирической героине Фариды Афруз такого не скажешь. Потому что она знает – он не придет.

Среди трехстрочных стихотворений особо отличается трехстишия Анвара Абиджана, которые поэт называет “уччанак”(в буквальном переводе – тридолька хлопковой коробочки), строго рифмированные по формуле а-а-б, каждая строка делится на две или три стопы (5+4=9; 2+3+4=9), по содержанию уччанак глубок, каждая деталь многозначна. «Поэтическая конструкция создает особый мир семантических сближений, аналогий, противопоставлений и оппозиций, который не совпадает с семантической сеткой естественного языка, вступает с ней в конфликт и борется»¹. Например:

*Самые гордые олени,
Рождаются в обрыве
Погибают на высоте.²*

В данном уччанаке семантическая формула «обрыв – высота» является основой поэтической конструкции. Вокруг этой оси поэт создает семантическую структуру стиха, добавляя эпитет «самые гордые» и описание жизни-образа (рождаются-погибают). А сама основа опирается на антонимы. Именно антонимы дают толчок художественному образу. Образ оленя символизируется и создает семантическую ассоциацию. Повторение звуков «с» и «ы» создает музыкальную гармонию стиха. Ощутимо и постепенное непрерывное нарастание интонации. Заканчивается стих резкой антитезой. Что характерно для трехстиший Анвара Абиджана.

В уччанаке поэтическая конструкция иногда становится художественным кодом содержания художественного произведения. «Язык выступает как некий код, при помощи которого воспринимающий дешифрует значение интересующего его сообщения».³

Например:
*Собрал свою армию
И Баязид тот же миг,
Превратился в Турцию.⁴*

В этом уччанаке слово «Баязид» является художественным кодом. Его можно дешифровать в двух планах. В узком плане образ Баязида обозначает патриота, историческую личность, в широком смысле олицетворяет Турцию. Поэт, выдвигая идею независимости, использует образ Баязида, который сделал Турцию мощной державой. Лирический герой таков, что сможет коренным образом изменить общество. Эта же идея и в корейском сиджо:

*В горах весенних снег ты растопил,
Теперь волос моих коснись, о ветер!
И иней растопи лежавший на висках.⁵*

У поэта Ёктон (1263 – 1343 гг.) деталь «ветер» олицетворяет ту силу, которая может «растопить снег». Снег в символическом смысле означает ту холодность жизни, которая не дает расцветать людям. Во всеильном ветре воплощена любовь к жизни, любовь ко всему живому, движение ветра совпадает с желаниями лирического героя. «От» и «к» составляют исполненную значения оппозицию. На фоне третьей строки, дающей синтез поэтического смысла, получается как бы четвертая, уже внеструктурная строка. Соответственно возникает образ общества, состоящего из свободных, жизнерадостных людей.

Поэтическая конструкция уччанак такова, что в каждом художественном коде, существующем в них, можно ассоциироваться. Что часто встречается и в корейском

¹ Лотман Ю. Структура художественного текста. Москва, 1972. С. 101.

² Анвар Обиджон. Танланган шеърлар. “Шарк”- Т.: 2006. С. 156.

³ Джураева Р.З. Филологический анализ художественного текста. – Ташкент. «ФАН». 2008. С. 12.

⁴ Анвар Обиджон. Там же. С. 160.

⁵ <http://www.netslova.ru.Leonov/> Максим Леонов.

сиджо. Это дает читателю возможность свободно мыслить и воспринимать реальный мир. А когда читатель самостоятельно постигает поэтическую идею и содержание, это дает ему шанс стать личностью, поскольку художественный образ представляет собой явление эстетического, эмоционального, дидактического, исторического характера. Таким образом, используя короткую форму, поэт дает глубокое содержание и решает важные задачи. Таков жанр корейской поэзии сиджо.

Сонган (1537 – 1593) в своем сиджо воспел идею верности принципам в общем плане, не конкретизируя ее проявления, обращаясь к условной образности:

*Два Будды каменных лицом к лицу стоят
Нагие под дождем и снегом на дороге.
Завидуй им – разлук они не знают.¹*

Образ Будды ассоциируется с человеком, верным своим принципам: «стоят нагие под дождем и снегом на дороге». Лирический герой, который завидует им, это человек, стремящийся к совершенству. Но он пока не достиг того же, что Будда. Дорога символизирует жизнь, каменные образы Будды – это символ вечности. Воспевая Будду и лирического героя, Сонган достигает обобщенности изображения действительности своего времени. Это сделало Сонган (Чон Чхоль) самым значительным поэтом XVI века. До нас дошло семь томов сочинений на ханмуне, около восьмидесяти сиджо и пять больших поэм.

Средневековые поэты строго соблюдали формальные правила сиджо:

*Стемнело за окном. Окончены дела.
Дверь из сосны закрыв, лежу при лунном свете.
Свободно сердце от мирского сора.*

Данное трехстишие поэта Сонам (1532-1587) демонстрирует формальные правила сиджо. Но графические различия между языками не дают возможности показать это. Глубокая содержательность стиха и многозначность деталей дают основание для сравнительного анализа сиджо и узбекского трехстишия.

В сиджо Сонама дается переживание лирического героя, который после трудного дня лег спать при лунном свете. Деталь «окно» в первой строке – это душа героя. Следующая часть строки – «окончены дела» – более четко показывает, что завершенные дела дают ему избавление от жизненных тревог, связанных с напряженным положением в государстве и обострившейся борьбой группировок в высших сословиях, потому что борьба между группировками усложняет жизнь обыкновенному человеку, у которого главная забота – это жить спокойно, быть сытым.

Избавление «от мирского сора» хорошо передается в поэтической конструкции «в ярком лунном свете». Луна в традиционной поэзии Кореи означает спокойную жизнь, идеализированное и обобщенное изображение духовного мира лирического героя.

Таким образом, корейские поэты в сиджо с помощью портрета и пейзажа выражают свои определенные идеологические, социальные и личностные позиции.

В узбекском трехстишии, в частности у Анвара Абиджана, это реализуется иногда в ироническом или аллегорическом аспекте. Ирония для Анвара Абиджана является универсальной, направленной на мир и человеческую жизнь в целом, что позволяет ему выражать свое несогласие с действительностью. Например:

*Объясните вкратце,
Баба Яга в сказке
Сейчас в какой отрасли.²*

В данном стихе функцию ключа к поэтической конструкции играет мифологический образ Бабы Яги (по-узбекски – Ялмоғиз кампир, в некотором смысле созвучно с Сон Какси в корейской мифологии). В устном народном творчестве Баба Яга живет

¹ <http://www.netslova.ru.Leonov/> Максим Леонов.

² Анвар Обиджон. Там же. С. 262.

вдали от человека: в горах или в лесах, а когда приближается к человеку, начинает творить зло. Она является уродливым олицетворением злого начала. С помощью образа Бабы Яги Анвар Абиджан, хорошо знавший фольклор, иронически выражает свое недовольство, неудовлетворенность. Потому что «ирония и сарказм возникают из сознания резкого несоответствия идеалов и действительности»¹.

В словосочетании «объясните вкратце» можно почувствовать нетерпение героя, которому кто-то долго что-то объясняет. В стихе реализуется мысль о несовершенстве некоторых групп людей, социальной среды. Они, как Баба Яга, вредят людям, лишают их самого святого и дорогого.

При этом структура стиха такова, что нельзя ничего изменить, так как «структура всегда представляет собой модель и отличается от текста большей системностью, «правильностью», большей степенью абстрактности (вернее, тексту противостоит не единая абстрактная структура-модель, а иерархия структур, организованных по степени возрастания абстрактности). Текст же по отношению к структуре выступает как реализация или интерпретация ее на определенном уровне».²

В другом трехстишии Анвар Абиджан с помощью ярких аллегорических образов рисует социально-политические негативы бывшей империи:

Коза, верблюд, баран – не союз.

Пришел, создал единение.

*Свинолог один мясник.*³

В данном стихотворении образы козы, верблюда, барана противопоставляются мяснику. «Подобное противопоставление привычно настраивает читателя на ожидание определенных стилистических средств: аллегорическая картина «жизнь–путь», принадлежащая к наиболее традиционным литературным образам, настраивает на ожидание «литературности», а описание переживаний поэта оставляет автору свободу выбора и может решаться условно-поэтическими средствами. При этом на фоне заданного «поэтизма» второй части такая свобода уже воспринимается как некоторая упрощенность художественной системы».⁴

Знак «не союз» соотносится со знаком «единение». А глаголы, которые составляют основу второй строки: пришел, создал, отражают определенную долю историчности.

Конструкция «свинолог и мясник» на первый взгляд не поэтична. Но, если рассматривать весь текст как единую структуру, то эта конструкция четко раскрывает содержание стиха. При этом аллегоричность и многозначность образов очевидны. В этом заключено мастерство поэта.

Общее в содержании уччанака и сиджо – идея патриотизма. Однако общественная позиция Анвара Абиджана своеобразна и, не отметив этого, мы не поймем специфики его лирики. Патриотизм в сознании Анвара Абиджана – категория, связанная с душой человека. Путь к обществу лежит не через государственные институты, а через души. Пример этого:

Друзья, в невинном сердце

Зарождается любовь к отчизне,

*С потолка жилища.*⁵

В эстетическом отношении тут вроде нет того поэтического идеала, который мы привыкли видеть в гражданских стихах. Но Анвар Абиджан изображает внутренний мир человека, который любит родину, а эта любовь начинается «с потолка жилища». Почему именно с потолка? Ответ на этот вопрос начинается вне структуры данного текста. Для этого нужно понять все его элементы. Смысловая суть элементов

¹ Поспелов Г.Н. Там же. С. 223.

² Лотман Ю.М. Там же. С. 16.

³ Анвар Обиджон. Там же. С. 256.

⁴ Лотман Ю.М. Там же. С. 163.

⁵ Анвар Обиджон. Там же. С. 154.

обуславливает содержание. Например, деталь «друзья» или художественное обращение лирического героя в данном стихе подсказывает, что у человека, который обращается к друзьям, большой жизненный опыт, он любит родину и выражает свое мнение, как воспитать любовь к отчизне. Деталь «потолок жилища», лежащая в основе текста, открывает узбекский духовный мир. Лирический герой с детства лежал глядел в потолок, мечтал о светлом будущем, о том, как станет настоящим человеком, осуществит мечту родителей. Значит, деталь «потолок жилища» означает не только духовный мир героя, но и мечты его родителей, братьев и сестер. Кажется, содержание исчерпано, действительно, третья строка представляет собой развитие содержания на заключительном этапе. Остальные строки самостоятельного смыслового значения не имеют. Однако ритмическая структура вступает в конфликт с этим представлением. Все строки имеют по 9 слогов. Первые две строки рифмуются, а последняя нет. Смысловое содержание трехстишия начинается со слов «друзья» и движется опираясь на детали «любовь», «отчизна» и «потолок жилища». В итоге это движение воссоздает историко-культурные, политические, эстетические обстоятельства, определяющие развитие лирического героя.

И в узбекском трехстишии, и в сиджо художественный образ рассматривается как воспроизведенное представление – в качестве некой чувственно воспринимаемой данности. Например:

*Не белой ли волной ты омыта, о, Чайка?
Ах! Если б и душа твоя так же была чиста,
за тобой побегу хоть на край земли!*¹

В стихе Ким Ена лирический герой видит в образе Чайки свою возлюбленную, но еще не уверен в ответной искренности, потому и задает этот вопрос. Но междометие «ах» во второй строке превращает колебание в сожаление, досаду. Третья строка приводит к гармонии. При этом образы «создаются при явном участии воображения: они не просто воспроизводят единичные факты, но сгущают, концентрируют существенные для автора стороны жизни во имя ее оценивающего осмысления».²

В этом особую роль играет и фонологическая структура стиха, так как фонология имеет смысловозначительный характер. Но языковой барьер и малоизученность проблемы в аспекте сравнительного метода создает исследователям некоторые трудности.

В заключение необходимо отметить, что между обоими жанрами существуют как сходства, аналогии, так и отличия. Аналогом средневекового жанра сиджо можно считать трехстишие (уччанак) в узбекской литературе. Но у узбекских поэтов важным основным приемом является ирония, а в сиджо этот прием не используется. Но и в сиджо, и в трехстишии (уччанак) из минимальных возможностей поэты извлекают максимальный результат.

Узбекский жанр трехстишия пока в процессе формирования, поэты называют его разными терминами, А. Абиджан – уччанак, Фарид Аффруз – четки, а корейское трехстишие терминологически определено – сиджо, имеет четкие формы и тематически ограничено.

В сиджо часто используется пейзаж, а в уччанаке – аллегория и ирония.

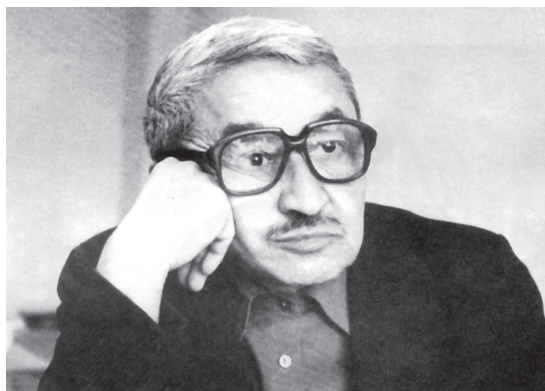
Узбекское трехстишие и сиджо не имеют генетического родства. Они развивались на основе типологического сходства и имеют лишь косвенное влияние, при этом сохраняя специфические черты национальных литератур.

¹ <http://www.arirang.ru/library/lib91.htm>

² <http://www.gumfak.ru> Хализев Е.В. Теория литературы.

Хуршида МАМАТОВА,
кандидат филологических наук.

К 80-летию со дня рождения Гайбуллы Салямова

Профессор Гайбулла Салямов – выдающийся узбекский ученый и мыслитель, человек энциклопедических знаний, основоположник узбекской школы перевода, внесший большой вклад в становление и развитие художественного перевода в Узбекистане. Его многочисленные труды: книги, учебники, учебные пособия, статьи, очерки посвящены искусству перевода, его истории и теории, многим значительным аспектам перевода: билингвизму и многоязычию, вопросам

подстрочника и перевода художественных произведений с языка оригинала, редактированию, статусу перевода и переводчиков, созданию переводческих кадров, а также значению и роли перевода в развитии национальной литературы, духовности и культуры народа, в укреплении межкультурных связей. В них рассматриваются вопросы перевода, связанные с национально-стилевыми особенностями языка оригинала и перевода: лексико-стилистическими пластами, изобразительно-выразительными средствами, национальными поэтическими формами, стихосложением, метрическими системами; индивидуальным стилем писателя и переводчика, вопросы перевода поэзии, прозы, драматургии, дубляжа кинофильмов. Это такие его труды, как: «Перевод идиом, пословиц и поговорок» (1961), «Язык и перевод» (1966), «Проблемы теории перевода и литературного редактирования» (1973), «Введение в переводоведение» (1978), «Литературные традиции и художественный перевод» (1980), «Проблемы перевода» (1983), «Основы теории перевода» (1983) и написанные в соавторстве с профессором Сагдуллою Аъзамом «Основы перевода» (1976), профессором Наджмеддином Камилковым «Мосты дружбы» (1979) и многие другие его научные статьи и очерки. В трудах тех лет рассматриваются также национальные особенности языка и мышления, искусство перевода и мастерство переводчика: «Мен сув ичган дарёлар» (Реки, из которых я пил воду) (1990), «Эй умри азиз» (Дорогой мой человек) (1997), «Эзгуликка боғлан, одамзод» (Люди, живите с добром и человечностью) (1998) и другие.

Центральное место в исследованиях Гайбуллы Салямова занимает творчество великого английского драматурга Вильяма Шекспира, которого переводили на узбекский язык Абдулхамид Чулпан, Максуд Шейхзаде, Гафур Гулям, Хамид Гулям, Тураб Тула, Джамал Камал и другие. Узбекские переводы трагедий Шекспира рассматриваются ученым в сопоставлении с оригиналом и русскими переводами, которые для узбекских переводчиков служили текстом оригинала («Гамлет» с русского прозаического перевода (Шекспир – Каншин – Чулпан), с русского поэтического пере-

вода (Шекспир – Б. Пастернак – М.Шейхзаде) и с английского подлинника (Шекспир – Джамал Камал), что отмечается, как положительный факт в истории современного узбекского перевода. Большое внимание Гайбулла Саляммов уделил творчеству Чингиза Айтматова, произведения которого с русского и киргизского языков с большим мастерством перевел на узбекский язык известный писатель и переводчик Асил Рашидов («Тополек мой в красной косынке», «Джамия», «Буранный полустанок», «И дольше века длится день» и «Плаха»).

Ни одно значительное событие из современного искусства перевода не оставалось без внимания ученого, в том числе, перевод священного Корана на современный узбекский язык, осуществленный в конце прошлого века Алавиддином Мансуром, узбекский перевод «Западно-Восточного дивана» великого немецкого поэта Иоганна Вольфганга Гете, выполненный крупным специалистом по немецкому языку профессором Садриддином Салимом, куда вошли 333 рубаята Омара Хайяма, Абдуллы Ансори, Хакима Санаи, Адиба Сабира Термези, Шейха Нажмеддина Кубро, Джалалидина Руми, Амира Хусрава Дехляви, Мирзо Абдукадыра Бедия и других восточных классиков, а также четверостишия самого Гете. Гайбулла Саляммов читал лекции по истории и теории перевода и сопоставительной типологии русского и узбекского языков в НУУз, УзГУМЯ, а в последние годы своей жизни и по религиоведению в Академии Государственного строительства. Умение увлечь, зажечь и повести за собой огромную армию учеников и последователей способствовала созданию в Узбекистане истинной школы перевода. Учеников и последователей Гайбуллы Саляммова трудно перечислить, о чем свидетельствуют их книги: воспоминания А. Рашидова «Эзгуликка бахшида умр» (Жизнь, посвященная добру и человечности) (2001), книга «Гайбуллох ас-Салом замондошлари хотирасида» (Гайбулла ас-Салом в воспоминаниях современников) (2002) и вышедшая еще при жизни ученого книга профессора Сайди Умирова «Солланиб оқаётган дарё» (Величаво текущая река) (1992). О некоторых своих учениках Гайбулла Саляммов сам писал в своих книгах: о профессоре Х. Кароматове, талантливом поэте и переводчике Тилаке Джуре и др. Свою научную деятельность по переезду из Самарканда в Ташкент в начале 50-х годов Гайбулла Саляммов начал с работы в издательстве «Энциклопедия», с создания Большой Узбекской Энциклопедии (под руководством академика Ибрагима Муминова).

Интересны его многочисленные выступления в печати, по радио и телевидению не только как крупного ученого-языковеда и литературоведа, теоретика и практика перевода, но и как педагога и общественного деятеля, идеолога. Именно профессор Гайбулла Саляммов, обладая большими организаторскими способностями, открыл в Национальном университете первую в странах бывшего Союза кафедру перевода и сопоставительной типологии и 30 лет был ее бессменным заведующим (сейчас там располагается музей имени профессора Гайбуллы Саляммова), принимал участие в организации Отдела перевода и взаимосвязей литератур в ИЯЛ АН Узбекистана, многие годы возглавлял работу Совета по переводу в Союзе писателей Узбекистана, был членом двух Советов по защите кандидатских и докторских диссертаций (в Национальном университете и ИЯЛ АН), был главным инициатором и редактором сборника «Таржима санъати» (Искусство перевода) и вместе со своим учеником и коллегой поэтом Тилаком Джурой успел выпустить 6 книг из этой серии, сам переводил произведения русских писателей А. Чехова, Ф. Достоевского, Л. Толстого и писал рассказы, стихи и поэмы, руководил работой аспирантов, переводчиков, принимал участие в Международных Симпозиумах, посвященных проблемам перевода и научных конференциях. Его знали не только в Узбекистане, но и во многих странах мира. Профессор Гайбулла Саляммов был большим ученым, истинным интеллигентом, достойнейшим человеком, добрым, принципиальным, сдержанным, немногословным, всегда готовым прийти на помощь.